

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ ТОМСКО-НАРЫМСКОГО ПРИОБЬЯ

МАТЕРИАЛЫ К ЭНЦИКЛОПЕДИИ ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Проблемная научно-исследовательская лаборатория
истории, археологии и этнографии Сибири

**Народы и культуры
Томско-Нарымского Приобья**

Материалы к энциклопедии Томской области

Издательство Томского университета
Томск – 2001

УДК 903.2:39(P571)

ББК 63 4/5

Н 303

Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья:
Н 303 Материалы к энциклопедии Томской области – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2001. - 252 с.

ISBN 5-7511-1379-9

Сборник включает статьи, подготовленные для «Энциклопедии Томской области». Он посвящён языковой и антропологической характеристике народов, населяющих область, а также культурам, созданным ими и их далёкими предками. Статьи написаны в основном на малодоступном материале и отражают самые современные научные подходы. Для работников школ, вузов, библиотек, музеев, архивов и всех интересующихся историей Томской области.

УДК 903.2:39(P571)

ББК 63 4/5

Редакционная коллегия:

Э.И. Черняк, канд. ист. наук (отв. ред.),
О.Б. Беликова, канд. ист. наук, *Ф.И. Мец*,
О.М. Рындина, д-р ист. наук,
руководитель авторского коллектива

Издание осуществлено при финансовой поддержке Президентского фонда «Ведущие научные школы» (проект № 00-15-98-83)

Обложка оформлена художником С.П. Лазаревым

ISBN 5-7511-1379-9

© Томский государственный университет, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

Народы, населявшие и населяющие территорию современной Томской области, и созданные ими культуры находятся в центре внимания авторов, чьи статьи помещены в настоящем сборнике. Культурная панорама края даётся с учётом не только её этнического многообразия, но и исторической динамики.

Время, согласно традиционному мировоззрению коренных народов Сибири, распадается на мифическое и историческое. Первое связано с актом творения Земли и установлением первопричин всего сущего, второе – с появлением человека современного вида и богатырскими деяниями. Вопросы абсолютной хронологии в традиционном мировоззрении остаются открытыми. Согласно научным данным, историческое время на территории нынешней Томской области берёт свой отсчёт 80 – 130 тыс. лет назад. Этот хронологический горизонт и служит началом в предлагаемом историческом экскурсе, а его конечный рубеж совпадает с современностью.

Реконструкция древнейшей истории сложна и требует совместных усилий прежде всего археологов, этнографов, антропологов и лингвистов, научные разработки которых и легли в основу сборника. В них отражены археологические культуры, оставленные древнейшими насельниками Томской области: самусьская, кулайская, басандайская и др., а также дан общий исторический обзор крупнейших периодов древности: палеолита, неолита, эпохи бронзы, средневековья. Воссоздание узловых моментов в истории коренных народов территории области и их далёких предков сочетается с выявлением наиболее показательных тенденций, характеризующих современную этническую ситуацию.

Общая характеристика традиционной культуры отдельных народов (русских, татар, хантов, селькупов, эвенков и чулымцев) дополнена освещением вопросов, касающихся традиционного миропонимания, искусства, этнической экологии. Описание отличительных черт физического строения, присущих отдельным народам и их группам, дано на фоне западносибирской расовой картины в целом. Лингвистическая классификация народов об-

ласти построена с учётом диалектного своеобразия. Не обойдённой вниманием оказалась и история изучения нашего края любителями-энтузиастами, музейными сотрудниками, учёными. Людям, чей вклад в краеведение особенно ощутим, также посвящён значительный блок статей.

Сборник, что явствует из его полного названия, представляет собой тематическую статейную подборку, которая является составной частью готовящейся к изданию «Энциклопедии Томской области», что и определило лаконизм стиля и предельную сжатость изложения материала, а также строго алфавитный принцип расположения статей. Термины, выделенные в тексте курсивом, служат для отсылки читателя к статьям с аналогичным названием, что структурирует материал и способствует лучшей ориентации в нём читателя.

Над «Энциклопедией Томской области» работает большой авторский коллектив из различных научно-исследовательских, общеобразовательных, архивных и музейных учреждений. Ведущую роль играет Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Краткие сведения об авторском коллективе, подготовившем публикуемую часть энциклопедии, помещены в конце сборника. Этот коллектив вобрал в себя лучших специалистов, работающих в области этнокультурной истории Западной Сибири в целом и Томской области в частности.

Надеемся, что научно-популярный стиль издания, сочетающий в себе строго научную выверенность публикуемого материала с общедоступной формой его подачи, обеспечит широкую читательскую аудиторию. В первую очередь мы адресуем свой сборник педагогам, сотрудникам музеев и архивов, журналистам, краеведам. Думается, что для них будут небезынтересными как малодоступные материалы, лежащие в основе статей, так и концептуальное осмысление этих материалов, предложенное авторами.

Редколлегия.

А

Адрианов Александр Васильевич (26 окт. (7 нояб.) 1854, слобода Белозерская Курганского окр. Тобольской губ. – 7 марта 1920, Томск), из семьи священника. Исследователь Сибири, публицист. После окончания Тобольской гимназии (1874) учился в Медико-хирургической академии в Петербурге и Петербургском ун-те, который окончил по естественному разряду физ.-мат. ф-та (1879). Член ИРГО с марта 1879. Со студенческой скамьи увлёкся идеями областничества и всю свою науч. и просветительскую деятельность посвятил воплощению их в жизнь, занимаясь исследованием Сибири, изучением культуры и быта населявших её народов.

В качестве геолога и фотографа участвовал в экспедиции Г.Н. Потанина в Сев.-Зап. Монголию (1879), в 1880 переехал в Томск, сотрудничал в «Сиб. газете» (1881 – 1888), был её издателем (с 9 окт. 1883 по янв. 1888) и редактором (с 11 марта 1884 по май 1887). В 1881 и 1883 по заданию ИРГО совершил 2 путешествия на Алтай и за Саяны. Поступил на гос. службу – чиновником особых поручений в Томское общее губ. управление, одновременно исполняя обязанности секретаря статистического ком. (1887 – 1889). Совершил экспедицию в Нарымский кр. (лето 1888), вёл раскопки *Томского могильника* на юж. окраине Томска (1887, 1889).

С 1890 по 1905 А. жил и работал в Вост. Сибири (Минусинск, Красноярск, Иркутск). Поступив на акцизную службу, совмещал служебные обязанности с исслед. работой – раскопками курганов, составлением археологических, петрографических, энтомологических коллекций, гербариев, сбором этнографического материала. Обследовал древние начертания на утёсах, став первооткрывателем енисейских писаниц. Собранные им коллекции и фотографии хранятся в музеях Петербурга, Москвы, Минусинска, Томска, а также за рубежом.

В 1906 – 1912 А. служил в Управлении акцизными сборами Томской губ. и Семипалатинской обл., сотрудничал в газете «Сиб. жизнь» и занимался активной общественной деятельностью, был секретарём Томского об-ва изучения Сибири и Об-ва

любителей художеств, председателем правления Об-ва содействия вечерним образовательным курсам, членом правления Сиб. хорового певческого об-ва. Занимался изучением ист. прошлого Томска. Был награждён орденами Св. Станислава 3 ст. и Св. Анны 3 ст., медалями «В память царствования Имп. Александра III» и «За труды по перв. всеобщей переписи населения», а также серебряной и малой золотой медалями ИРГО.

С 1889 А. находился под негласным и гласным надзором полиции. В 1913 за освещение в «Сиб. жизни» стачки торговых служащих фирмы Второва приговорён к ссылке на 3 года в Нарымский кр., которая была заменена ссылкой в Минусинск. В 1914 А. был выслан из Минусинска в с. Ермаковское Минусинского у. Енисейской губ. за антиправительственные высказывания и публикации в местной газете «Минусинский кр.», созданной при его активном участии. В 1915 – 1916 совершил посл. экспедицию в Урянхайский кр. (совр. Тува). После возвращения в Томск с 1917 и до кон. 1919 А. был редактором «Сиб. жизни», вёл активную полемику с большевиками, высказывал критическое отношение к белым правительствам. С переходом власти в Томске в руки большевиков в дек. 1919 А. был арестован и в марте 1920 расстрелян.

Соч.: Курганография Сибири. Томск, 1884. 6 с.; Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое в 1881 г. по поручению Императорского Русского географического общества членом-сотрудником А.В. Адриановым // Зап. ИРГО по общей географии. СПб., 1888. Т. 11. С. 147-444; Путешествие на Алтай и за Саяны, совершённое летом 1883 по поручению Императорского Русского географического общества и его Западно-Сибирского отдела членом-сотрудником А.В. Адриановым // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Кн. 8, вып. 2. Омск, 1888. С. 1-144, I-IX, 1-6; Томск в прошлом и настоящем. Томск, 1890. 433 с.; Об искусстве в Томске // Город Томск. Томск, 1912. С. 337-344; Томская старина // Город Томск. Томск, 1912. С. 101-183; Об орнаменте у сибирских инородцев // Тр. Всероссийского съезда художников в Петрограде, дек. 1911 – янв. 1912. Пг., 1914. Т. 1. С. 102-108; К биографии Г.Н. Потанина // Сб. к 80-летию со дня рождения Григория Николаевича Потанина. Томск, 1915. С. I-XXXI; Памяти супругов Клеменц. Иркутск, 1917. 22 с.; Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. 31 с.

Лит.: Адрианов А.А. Книга об отце // Томский вестник: Краеведческое прил. «Елань». 1993 – 1996; Адрианов Александр Васильевич // Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных. СПб., 1886. Т. 1. С. 127-128; Адрианов Александр Васильевич // Сибирская советская энцикло-

педия. Новосибирск, 1929. Т. 1. Стб. 28-29; Дэвлет М.А. А.А. Адрианов как этнограф // Репрессированные этнографы. М., 1999. С. 9-56; Она же. Петроглифы Енисея. М., 1996. С. 102-235; Крюков В.М. Мир рушился: Из дневника А.В. Адрианова. 1919 год // Сиб. старина. 1994. № 6 (11). С. 30-33; Ларьков Н.С. Знал слишком много правды и писал об этом // Томский вестник. 1995. 7 марта; Макаров Н.П., Чистяков Н.С. Адрианов Александр Васильевич // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 28; Никитин В. Сибирская командировка // Родина. 1999. № 12. С. 84-89.

И.А. Амелянчик.

Алдыган, комплекс археологических памятников.

Включает поселение и могильники. Поселение функционировало в *бронзы эпоху и раннего железа эпоху (?), средневековье раннее и средневековье развитое* (18 в. до н.э. – 14 в.). Могильники – в эпоху раннего железа, развитое средневековье (5 – 2 вв. до н.э., 10 – 14 вв.). А.,к.а.п. находится в приустьевой части рч. Алдыган – лев. притока р. Чаи, впадающей слева в р. Обь, в 1 км от д. Новогорной Колпашевского р-на Томской обл. На памятниках до недавнего времени стояла д. Алдыган. Устная информация об археологических находках из разрушений, причинённых этим населённым пунктом, фиксировалась неоднократно, начиная с 1950-х. В 1992 местными жителями были вскрыты 3 погребения. Исследования поселения и могильников были проведены А.И. Бобровой и Я.А. Яковлевым в 1993, раскопки – ими же в 1994, 1995, 1997, 1998. Незначительный рекогносцировочный раскоп в 1994 – 1995 закладывался С.В. Трофименко. Всего сотр. ТОКМ исследовано 1424 м².

Поселение площ. около 4,3 га вытянуто примерно на 0,85 км вдоль коренной террасы. Сильно разрушено возникшими позже могильниками, функционированием недавней д., поэтому жилищных либо хозяйственных объектов в раскопе не прослежено. Многочисленный материал укладывается в хронологические пределы нач. 2 тыс. до н.э. – сер. 2 тыс. н.э. и распадается на 9 культурно-хронологических комплексов: с т.н. текстильной керамикой (18 -- 15 вв. до н.э.); с керамикой, украшенной отступающей лопаточкой и вызывающей игрековско-самусьские ассоциации (18 – 13 вв. до н.э.); с гребенчато-ямочной керамикой (18 – 13 вв. до н.э.) (см. в ст. *Гребенчато-ямочной керамики культурно-историческая общность*); комплексы андроновской культуры (13

в.) (см. в ст. *Андроновская культурная общность*); *еловской культуры* (12 – 9 вв. до н.э.); *молчановской культуры* (8 – 7 вв. до н.э.); *кулайской культуры* (5 – 2 вв. до н.э.); комплексы раннего (6 – 9 вв.) и развитого (10 – 14 вв.) средневековья.

Комплекс с текстильной керамикой (18 – 15 вв. до н.э.) до работ на А.,к.а.п. в Нарымском Приобье представлен не был. Также памятник предоставил уникальную для южнотаёжной зоны Ср. Приобья возможность проследить механизм и процесс сложения андроновидных культур (см. в ст. *Бронзы эпоха*), продемонстрировав как исходные (местный гребенчато-ямочный и пришлый андроновский), так и синтезированный (еловский) комплексы. Причём андроновская керамика впервые отмечена в столь высоких широтах. Важность каждого комплекса ещё более возрастает при наличии их совокупности на одном памятнике, который по этой причине может служить эталоном для региональной культурной периодизации.

На могильниках, возникших в центр. части поселения, вскрыто 80 погребений: 57 – эпохи раннего железа, 22 – развитого средневековья и 1 – неопределённого времени.

Сегодня А.,к.а.п. включает пока единственный в Зап. Сибири крупный могильник начального этапа (5 – 2 вв. до н.э.) кулайской культуры и 2-й – в пределах этой культуры в целом. Предположительно раскопаны лишь его центр. и юго-зап. участки. Погребения располагались компактно, в 3 – 6 правильных рядов по склону и вершине берега вдоль его кромки (С.-С.-В. – Ю.-Ю.-З.), преимущественно ориентируясь перпендикулярно реке (С.-З. – Ю.-В.). Могильные ямы имели подпрямоугольные, подквадратные и овальные очертания средними разм. 1,2 x 2,2 м; 1,5 x 2,4 м и были выкопаны либо только в культурном слое поселения, либо с незначительным углублением в материк. Основная часть погребений совершена по обряду трупоположения, но есть и сожжения на месте захоронения с сохранением фрагментов костей в анатомическом порядке. Большинство ям содержали единичные захоронения, в некоторых отмечены и коллективные – 2 – 3. От погребальных сооружений сохранились слои древесного тлена, куски бересты с лубом и фрагменты прошитых берестяных полот-

нищ. Умерших хоронили вытянуто, на спине, с руками вдоль туловища и головой в противоположную от реки сторону (в целом на С.-З.). Обязательным элементом погребального инвентаря были керамические сосуды: 1 – 3 в индивидуальных могилах и до 9 – в коллективных. Обычное их месторасположение – изголовье погребённого, но иногда они устанавливались в области пояса либо в ногах (нередко – с крупными речными гальками внутри или под днищами). Часть посуды была оставлена на уровне древней дневной поверхности вне могил, но рядом с ними. Многие погребения содержали также бронзовые украшения, оружие, костяные и каменные орудия труда. Часть этих находок обнаруживает присутствие явного скифо-сибирского влияния на формирование кулайской культуры.

Значительным своеобразием отличается и средневековый могильник 10 – 14 вв. Могильные ямы вытянуты вдоль берега реки, ориентированы перпендикулярно ему. Они – подпрямоугольной или овальной формы, выкопаны в культурном слое поселения. Все погребения совершены по обряду труположения. В некоторых вместе со взрослым захоронен и ребёнок. В качестве подстилки и покрытия использовалась береста. Умершие были похоронены на спине, в вытянутом положении, в большинстве случаев головами ориентированы вглубь берега. В области ног каждого устанавливался керамический сосуд. Остальной инвентарь варьировал в зависимости от возраста погребённого. Значительную его часть составляют украшения, в массовом количестве впервые обнаруженные в Ср. Приобье и до этой поры считавшиеся эталонными для одновременных культур Зауралья и Нижнего Приобья. Зап. ориентация культурных связей населения, оставшегося средневековый могильник, подтверждается не только составом инвентаря (бронзовой металлопластикой Приуралья, серебряными височными серьгами Волжской Болгарии, чашей из Германии?), но и параллелями погребального обряда. Эти факты, а также отличия могильника Алдыган от одновременных ему памятников в Нарымском Приобье позволяют предполагать, что он документирует продвижение на Ю. и Ю.-В. населения Зауралья и Нижнего Приобья.

Лит.: Боброва А.И. Мир реальный и потусторонний (к проблеме реконструкции системы жизнеобеспечения) // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности. Томск, 1998. С. 168-170; Боброва А.И., Яковлев Я.А. Поселение и могильник Алдыган в Томской области // АО 1997 г. М., 1998. С. 258-259. Яковлев Я.А., Боброва А.И. Продолжение работ на Алдыгане // АО 1998 г. М., 2000. С. 361-363; Они же. Работы в Колпашевском районе Томской области // АО 1995 г. М., 1996. С. 382-384; Jakovlev J.A. Europäische Bronzeschalen des 11. – 13. Jahrhunderts aus Asien // Eurasia Antiqua. Berlin, 1998 № 4. P. 473-482.

Я.А. Яковлев.

Андроновская культурная общность, бронзы эпоха, 17 – 9 вв. до н.э. Памятники А.к.о. простираются на 3 тыс. км в зоне степи и лесостепи от зап. склонов Уральских гор и лев. берега р. Урал через Казахстан и Зап. Сибирь до Енисея; на С. они достигают границы таёжной зоны, на Ю. – высокогорных обл. Тянь-Шаня и Памира и заходят в пустыни и оазисы Ср. Азии вплоть до правобережья р. Амударья.

А.к.о. названа по Андроновскому могильнику у г. Ачинска, исследованному в 1914. В 1923 С.А. Теплоуховым выделена андроновская культура Минусинского кр. В 1927 *Грязнов М.П.* впервые очертил её хронологические и территориальные границы, отнеся к ней, кроме зап.-сиб., памятники Приуралья и Казахстана. По мере накопления информации изменились взгляды на ист. содержание этого понятия: делались попытки выделения на материалах андроновских памятников различных родственных культур, этапов и типов памятников внутри одной культуры и пр. В настоящее время имеются 3 гипотезы относительно андроновской проблематики: 1) сосуществование 2 культур; 2) хронологическая последовательность этапов одной культуры; 3) сосуществование типов памятников единой культурной общности. Третья гипотеза представляется наиболее обоснованной.

Судя по посл. данным, население А.к.о. было индоиранским по своей языковой принадлежности. В составе А.к.о. выделено 3 основных типа памятников: петровский, локализующийся в Приуралье, на Урале, в Сев. и Центр. Казахстане; алакульский, представленный в Челябинском и Тобольском регионах, степной и лесостепной зоне Сев. Казахстана; фёдоровский – на Урале, в Центр. и Вост. Казахстане, в Павлодарском Прииртышье, на

Верхней Оби, Верхнем Енисее, Тянь-Шане, Памире и в Среднеазиатском междуречье. Петровский тип более ранний, для алакульского и фёдоровского типов установлена синхронность.

Проблема происхождения племён, входивших в А.к.о., до конца не решена. На основании данных лингвистики установлено, что их предки обитали в обширной степи с большими полноводными реками и вели комплексное хозяйство с преобладанием скотоводства. Формирование А.к.о. в 17 в. до н.э. в азиатской степи, вероятно, связано с существенными этническими передвижениями евразийской степной зоны в целом, вызванными массовым внедрением пастушеского скотоводства, металлургии бронзы и распространением конных колесниц. Интенсивные процессы интеграции и ассимиляции внутри А.к.о. приводят в сер. 2 тыс. до н.э. к её консолидации. В третьей четв. 2 тыс. до н.э. андроновцы расселяются в Юж. Сибирь и Ср. Азию и постепенно осваивают высокогорья Тянь-Шаня и Памира и зоны пустынь. Влияние А.к.о. на южнотаёжные р-ны Зауралья и Зап. Сибири привело к появлению там круга т.н. андронидных культур – черкаскульской, сузгунской, еловской. В 8 в. до н.э. в уральских и сев.-казахстанских степях формируются культуры ираноязычных савроматов и саков, преемственность которых с А.к.о. устанавливается достаточно чётко.

Лит.: Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? М., 1994. 464 с.

Ф.И. Мец.

Антропологические исследования. Нач. А.и. в Зап. Сибири относится к сер. 19 в., когда разворачиваются перв. целенаправленные сборы и начинается изучение соматологических и остеологических материалов по коренным народам этого региона. Связано это с состоянием антропологической науки в целом, с организацией в крупных науч. центрах об-в учёных. В 1860-е создается Об-во любителей естествознания, антропологии и этнографии при МГУ, которое большое значение придавало изучению коренных народов Сибири (А.П. Богданов, Н.Ю. Зограф, Н.Л. Гондатти и др.). В 1869 основано Об-во естествоиспытателей при Казанском ун-те. Участник одной из перв. экспедиций в р-н р. Лозьвы (1872) Н.М. Малиев впоследствии оказал огромное влия-

ние на становление антропологического центра в Томске. Он был назначен проф. каф. анатомии в открывшийся в 1888 Томский имп. ун-т и стал помощником председателя Об-ва естествоиспытателей и врачей, созданного в 1889 при ун-те. Председателем же этого об-ва был избран попечитель Зап.-Сиб. округа В.М. Флоринский, в прошлом проф. каф. акушерства и гинекологии Петербургской медико-хирургической академии и Казанского ун-та. В 1890 вышла его специальная краниологическая работа с описанием 23 черепов Археологического музея Томского ун-та.

Активную антропологическую деятельность разворачивает Чугунов С.М. – антрополог, окончивший Казанский ун-т, чьим наставником был Н.М. Малиев. С.М. Чугуновым собраны и обработаны краниологические находки из поздних могильников, опубликованные в ряде статей в сер. «Материалы для антропологии Сибири». Крупным событием в ист. А.и. в Зап. Сибири стала экспедиция известного петроградского антрополога и этнографа С.И. Руденко в 1909 – 1910-е для изучения ненцев, *хантов* и манси. Его назначение в Томский ун-т (1919) проф. каф. географии оживило работы по археологии и антропологии.

Огромный вклад в антропологическое изучение народов Зап. Сибири в 19 – нач. 20 в. внесли зарубежные учёные: О. Финш и А. Брэм, С. Сомье, К.Е. Уйфадьви, К. Папай и Я. Янко, К. Доннер и др.

В 1920 – 30-е в России наблюдается бурное развитие различных направлений антропологической науки, начинаются плановые исслед. работы, совершенствуются методы А.и., разрабатываются унифицированные методики. И как следствие – проводятся крупные антропологические экспедиции, особенно сотр. Ин-та антропологии МГУ (А.И. Ярхо; Г.Ф. Дебец, Т.А. Трофимова, Н.Н. Чебоксаров, С.А. Шлугер и др.) в р-ны Сибири. В совокупности экспедиции этих лет покрыли сплошной антропологической съёмкой значительную часть Зап. Сибири. Выяснилась большая сложность расового состава его населения, что требовало дальнейших кропотливых изысканий, особенно с привлечением новых палеоантропологических материалов. С этого времени возрастает роль томских антропологов. Накопленные ими кра-

ниологические коллекции позволили создать в 1958 в ТГУ кабинет антропологии.

В 1934 в Томск приезжает ленинградский антрополог *Розов Н.С.*, начавший антропологическую работу в мед. ин-те, а затем в ун-те. С 1948 Н.С. Розов включается в комплексные исследования группы томских учёных во главе с проф. *Дульзоном А.П.* по проблемам этногенеза коренного населения Зап. Сибири. В 1948 – 1949 Н.С. Розов собирает соматологический материал по *чулымцам, селькупам* и метисам в нижнем течении р. Чулыма, в 1950 исследует селькупов и *эвенков* на р. Кети, в 1951 – чулымцев Ср. Чулыма и *томских татар*, в 1952 – васюганских *хантов* и эвенков, в 1959 и 1961 им обследуются русские старожилы и томские татары в окрестностях Томска.

Накопление к кон. 1940 – нач. 1960-х большого фактического материала привело к дальнейшему совершенствованию классификации антропологических типов Сибири, а последующие поступления позволили говорить и об их происхождении. Этим вопросам посвящены работы как томских (Н.С. Розов, *Дрёмов В.А.*, *Ким А.Р.*, А.Н. Багашёв) антропологов, так и представителей центр. школ антропологов (А.И. Ярхо, Г.Ф. Дебец, В.В. Бунак). Начиная с 1960-х кабинет антропологии ТГУ, где продолжал работать Н.С. Розов, а затем его аспирант В.А. Дрёмов, становится центром антропологического изучения народов Сибири, куда начинают интенсивно поступать палеоантропологические находки из археологических раскопок, привозимые археологами из ун-тов, пед. ин-тов, НИИ и краеведческих музеев Томска, Новосибирска, Омска, Тюмени, Тобольска и др. городов соседних регионов. В результате археологических и собственных антропологических раскопок краниологические коллекции кабинета антропологии приобретают характер палеоантропологического собрания и переходят в состав созданной в 1968 ПНИЛИАЭС ТГУ. Первоначально антропологи работают совместно с археологами и этнографами, разрабатывая свою тему: «Антропологический состав коренного населения Западной Сибири». В качестве самостоятельного подразделения лаборатории сектор антропологии был выделен в 1976, в него вошли В.А. Дрёмов, А.Р. Ким, А.Н.

Багашёв, М.П. Рыкун. Сложившаяся группа исследователей-антропологов ТГУ создаёт обширную источниковую базу (около 5500 только краниологических экспонатов), по своей представительности крупнейшую в России, и на её основе продолжает работу над проблемой этнической антропологии – расовый состав древнего и современного коренного населения Сибири. Своеобразным итогом совместной работы томских антропологов в 1980-е стало написание обобщающей монографии – посл. 4-го т. сер. «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири». Выход в свет т. «Расогенез коренного населения» (1998) на данный момент является уникальным событием, так как по репрезентативности материалов не имеет аналогов в мировой науке. Всесторонний анализ антропологических данных по народам Зап. Сибири позволил по-новому оценить степень родства зап.-сиб. групп с населением др. регионов, осветить ряд сторон расообразовательного процесса и уточнить дефиниции расовых классификаций в Сев. Азии.

Лит.: Дрёмов В.А. История антропологических исследований в Западной Сибири. Ранний период // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 255-270; Он же. Исторический очерк накопления краниологических материалов в Томском университете // Краниологические коллекции кабинета антропологии Томского университета. Томск, 1979. С. 3-13; Он же. Четверть века антропологических исследований // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 25-29; Дрёмов В.А., Багашёв А.Н. История антропологических исследований // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 12-29.

М.П. Рыкун.

Антропологические типы – совокупность достаточно устойчивых морфологических признаков, характерных для населения определённого историко-географического ареала. В широком смысле А.т. являются синонимом человеческих рас. Чаще, однако, под А.т. подразумеваются мелкие единицы антропологической классификации, относящиеся к одной большой расе (европеоидной, монголоидной, негроидной и т.д.).

В расовом отношении население Зап. Сибири является неоднородным и имеет довольно сложный антропологический состав.

Более 90 % современного населения Сибири и Дальнего Востока – потомки пришлого населения, большая часть которого относится к различным типам европеоидной расы. Массовое переселение *русских* за Урал из различных частей Европейской России началось в кон. 16 в. и продолжалось в последующие столетия. В ряде р-нов Сибири русские старожилы в значительной степени смешивались с коренным населением. В антропологическом отношении коренное население Сибири характеризуется преобладанием монголоидных особенностей. Монголоидный комплекс признаков наиболее выражен у народов Ср. и Вост. Сибири, которые по совокупности морфологических признаков относятся к разным вариантам сев.-азиатского типа. Среди народов Зап. Сибири преобладает уральский тип. Различные его варианты представлены среди манси, *хантов*, *селькупов*, зап. ненцев, сиб. татар и шорцев. Черты уральского типа выступают также у сев. алтайцев (в отличие от юж., для которых характерен центральноазиатский тип) и у некоторых хакасов. Для всех этих групп в большей или меньшей степени характерны прямые мягкие волосы, сравнительно светлая пигментация, повышенный, по сравнению с монголоидными типами Вост. Сибири, рост бороды, невысокий процент эпикантуса (20 – 30 %), нос слабо выступающий (для ряда вариантов характерна вогнутая спинка носа), губы тонкие, лицо сравнительно невысокое (до 130 мм), умеренно широкое, с менее выступающими, чем у народов Вост. Сибири, скулами. Палеоантропологические материалы показывают, что ярко выраженный монголоидный тип с плоским лицом и мало выступающим носом, но низколицый и сравнительно низкоорбитный был распространён в лесной полосе Сибири, в т.ч. в дальних её вост. обл.

Вопрос о происхождении уральской расы дискуссионный. По мнению одних исследователей (Г.Ф. Дебец), А.т. населения Зап. Сибири сформировались в результате древней метисации монголоидов и европеоидов, что могло быть обусловлено географическим расположением Зап. Сибири, находящейся между ареалами распространения 2 больших рас. Др. точка зрения основана на положении о том, что совр. население Зап. Сибири сло-

жились не в результате смешения, а путём сохранения древнего протоморфного типа, лишь частично сходного с монголоидным (В.В. Бунак).

Новые антропологические данные позволяют ввести новый таксон – зап.-сиб. раса (А.Н. Багашёв), которая состоит из 2 А.т. (ветвей): уральского (с угорским и субугорским вариантами) и объ-иртышского (с тоболо-барабинским и томско-нарымским вариантами). В уральскую ветвь объединены обско-угорские группы, уровень полиморфизма которых чрезвычайно высок. В угорский вариант включены сев. манси и ханты, занимающие центр ареала (Нижнее Прииртышье и прилегающие участки Оби), в субугорский вариант – хантыйские группы с периферии. Объ-иртышская ветвь объединяет тоболо-иртышских и барабинских татар (тоболо-барабинский вариант), томских и *чулымских тюрков* и нарымских селькупов (томско-нарымский вариант), ареал которых – ср. и юж. части Зап. Сибири. Объ-иртышские группы отличаются от уральских только присутствием юж.-сиб. примеси. Зап.-сиб. расу трудно однозначно отнести к числу рас зап. или вост. стволов. По всей вероятности, она утратила связь с основными расовыми стволами очень давно, когда ещё не сформировались отчётливо выраженные европеоидные и монголоидные черты, и представляет собой древнюю протоазиатскую формацию. Совр. антропологические данные всё же показывают, что она ближе к расам вост. ствола и может быть включена в их число.

Лит.: Багашёв А.Н. О расовой систематике народов Северной Евразии // Раса: миф или реальность. М., 1998. С. 17-19; Дрёмов В.А. Антропологический состав древнего населения и этногенез // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 156-158; Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 35-36; Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. М., 1978. С. 374-385, 398-406; Расогенез коренного населения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1998. Т. 4. 354 с.; Хрисанфова Е.Н., Переводчиков И.В. Антропология. М., 1997. С. 219-249.

М.П. Рыкун.

Археологическое исследование Томской обл., история. Перв. сведения об археологических памятниках Томской обл. относятся к 1675, когда русский посланник в Китай Н. Г. Милеску Спафарий описал Нарымский острог, укрепленные поселения ос-

тяцких князей Урлюка и Максимки на р. Кети, а также *Томский кремль*. Атлас С.У. Ремезова, составленный по материалам втор. пол. 17 в., содержит названия русских городков – Томского, Нарымского, Кетского. В перв. пол. 18 в. участники академических экспедиций И.Ф. Страленберг, И.Э. Фишер и Г.Ф. Миллер обследовали берега р. Томи и окрестности Нарыма, получили материалы о Томском городе, о *Тояновом Городке*, *курганном могильнике*, оставленном предками зуштинских татар (см. в ст. *Этническая история*). Перв. науч. раскопки на территории Томской обл. были проведены в 1863 В.В. Радловым (исследователь тюркских языков) на курганных могильниках Чердатском и Улукольском на р. Чулыме и его лев. притоке р. Кие. Он отнёс их к 17 в. и считал, что могильники оставлены предками кетов (см. в ст. *Этническая история*).

Экономическое освоение Сибири и подъём культурной жизни – открытие Томского имп. ун-та и основание при нём в 1882 Археологического музея (с 1968 – Музей археологии и этнографии Сибири) – обусловили пробуждение интереса к древней ист. края. В музей поступали самые разные предметы (этнографические экспонаты, коллекции минералов, птиц и пр.). К кон. 1890-х насчитывалось 4973 коллекции, но только 376 являлись археологическими, которые происходили с берегов рр. Томи, Шегарки, Оби, Кети, Тыма, Обь-Енисейского канала.

Томские учёные В.М. Флоринский, С.М. Чугунов, *Кузнецов С.К.*, *Адрианов А.В.*, Н.Ф. Кащенко в 1880 – 90-х проводили археологические исследования в Томске и его окрестностях. Ими были открыты и раскопаны *Томская палеолитическая стоянка*, *Томский могильник*, могильники у Архиерейской Заимки, Чернильщикковский, а также *Тоянов Городок*, *курганный могильник* и др. Затем последовали систематизация материалов, его анализ и интерпретация. В.М. Флоринский издал каталог археологических коллекций и исследование по ист. славян с привлечением сиб. сведений. По материалам старинных кладбищ Томска С.М. Чугунов сделал описание антропологического облика его перв. жителей. С.К. Кузнецов определил последовательность возникновения позднесредневековых курганов могильников Тоянов Городок,

Тохтамышевский, Чернильщикковский. Продолжался сбор сведений о памятниках старины и в Нарымском кр. В результате экспедиции М.А. Кастрена (1846), благодаря работам *Григоровского Н.П.* (1884) и А.Ф. Плотникова (1901) сохранились описания неизвестных ранее городищ, культовых мест и могильников таёжной полосы края – на рр. Оби, Кети, Васюгане, Тyme.

В нач. 20 в. из-за захлестнувших страну войн и революций археологические исследования на территории совр. Томской обл. почти не проводились, хотя в Томске в эти годы жили и работали известные археологи С.А. Теплоухов, С.И. Руденко, *Грязнов М.П.* Интерес к археологическим разысканиям возобновился с открытием в 1922 ТКМ. Перед археологами стояли задачи сбора информации о памятниках, составления археологической карты, получения материалов для будущей экспозиции. На могильнике Тоянов Городок провели раскопки А.К. Иванов и М.П. Грязнов. Памятники в р-не пос. Тимирязево и Басандайский курганный могильник обследовал в 1930-е Н.А. Чернышёв. Разведочные работы и раскопки многих памятников осуществил *Мягков И.М.*, открывший кулайские древности (см. *Кулайская культура*). *Кутафьев П.И.* в Нарымском кр. на рр. Тым, Кеть, Васюган, Кёнга провёл перв. археологические разведки и раскопки. Исследованиями кон. 19 в. – перв. трети 20 в. было доказано, что территория Томской обл. заселялась издавна и повсеместно.

В 1944 – 1946 под руководством проф. ТГУ К.Э. Гриневича проводится совместная экспедиция ТГПУ и ТГУ в урочище Басандайка близ Томска. Полевые работы и изданный в 1948 по их материалам сб. статей стали перв. в Сибири опытом комплексного изучения археологического микрорайона. Работы 1940 – 50-х явились кузницей томских археологических кадров, объединили широкий круг специалистов: лингвистов и археологов *Дульзона А.П.* и *Ураева Р.А.*, археологов *Синяева В.С.*, *Пеняева Е.М.*, Г.В. Трухина, антрополога *Розова Н.С.* и др.

В 1940 – 50-х А.П. Дульзон разработал комплексную программу изучения зап.-сиб. этносов. В итоге им были выявлены ареалы распространения угорских, самодийских, кетских, тюркских гидронимов Обь-Енисейского бассейна, разработаны схемы

последовательной смены этих языковых групп и направление этнокультурных передвижений. Одной из основных составляющих программы являлось привлечение и использование археологических источников. Начальным этапом в этом направлении стали их поиск и обследование на территории Томской обл., составление археологической карты, а также выявление памятников, принадлежащих предкам *чулымцев, томских татар, селькупов*. В 1956 археологическая карта Томской обл. и приложение к ней, включавшие около 700 памятников, были изданы.

В 1946 – 1950-х на Нижнем и Ср. Чулыме проводились раскопки могильников *средневековья позднего*, оставленных предками чулымских тюрков и селькупов. Полученные материалы легли в основу исследования А.П. Дульзона, посвящённого археологическим памятникам Чулыма и проблеме происхождения чулымских тюрков. Им были выделены основные черты «остяцкой» и тюркской культур, реконструированы погребальный обряд, хозяйственные занятия, быт, духовная жизнь населения Причулымья к моменту прихода *русских*. Происхождение же селькупов, *хантов, манси, эвенков* полно осветить не удалось, прежде всего из-за малочисленности специалистов по изучению этнокультурной ист. Накопление археологических материалов происходило более быстрыми темпами, чем его обработка и анализ.

Систематические археологические исследования, продолженные В.И. Матющенко, привели к быстрому росту источниковой базы. В 1963 в ТГУ была открыта каф. археологии и этнографии (закрыта в 1966). С этого времени стал обязательным курс лекций по археологии СССР, через работу археологического кружка, полевые практики поддерживался постоянный интерес студентов к науке. 1940 – 70-е – время закладывания фундамента томской археологической школы, методологической основой которой были и остаются комплексный подход и историзм. В её формировании приняли участие более 30 археологов Томска. У истоков школы стояли К.Э. Гриневич, А.П. Дульзон, В.С. Синяев, Е.М. Пеняев, В.И. Матющенко, *Чиндина Л.А., Плетнёва Л.М., В.А. Посредников, Кирюшин Ю.Ф.*

В 1968 в ТГУ была открыта ПНИЛИАЭС, куда вошли МАЭС и кабинет антропологии. Образование лаборатории изначально предполагало комплексность исследований, основным науч. направлением археологов стало изучение древней этнокультурной ист. населения Ср. Приобья от *палеолита до средневековья позднего*. С открытием ПНИЛИАЭС начался самый плодотворный период в ист. томской археологии – целенаправленное и многоплановое развитие науч. исследований Сибири. Активное промышленное освоение Томской обл. в эти годы стимулировало проведение крупномасштабных разведочных и стационарных работ. В связи с подготовкой «Свода археологических памятников РСФСР» археологи обследовали памятники, занимались сбором информации о них и составлением паспортов. Итогом их работы стала «Археологическая карта Томской области», учитывавшая 1313 археологических памятников, известных к 1980.

На 1960-е – нач. 1990-х приходится пик профессиональной активности томских археологов: в сезон проводилось до 10 экспедиций, в МАЭС ТГУ поступали материалы, которых к нач. 1990 насчитывалось около 200 тыс. ед. Раскопки велись на памятниках всех ист. периодов – от палеолита (В.И. Матющенко, М.В. Аникович, М.В. Шуньков) до 17 в. (*Томский кремль*; В.И. Матющенко, М.П. Чёрная). Памятники *неолита* и *бронзы эпохи* лесного и лесостепного Приобья были выделены В.И. Матющенко в верхнеобскую неолитическую культуру и томскую (*самусьскую культуру*). В.А. Посредников, Ю.Ф. Кирюшин, Е.А. Васильев проводили исследования памятников этого же времени в таёжных сев. р-нах Васюганья.

С кон. 1960-х и до настоящего времени систематическим обследованием и изучением ист. населения таёжных районов Ср. Приобья *раннего железа эпохи* и *средневековья* занимается Л.А. Чиндина. Ею проведены раскопки известных объектов: *Малгет, комплекс археологических памятников*; *Степановский комплекс археологических памятников*; *Рёлка, курганный могильник*; *Тискинский комплекс археологических памятников*; *Мигалка, грунтовый могильник* и др. На основе источников разработана концепция историко-культурных процессов эпохи железа в Зап. Си-

бири, дана характеристика социально-экономической жизни об-ва этого времени, показаны особенности *этнической истории*. Аналогичные проблемы для этого региона исследует Я.А. Яковлев.

Объектом изучения Л.М. Плетнёвой являются памятники Томско-Обского междуречья. Ею раскопаны *Тимирязевский-1 курганный могильник*, *Усть-Малокиргизский курганный могильник*, Басандайский и Астраханцевский могильники, Кижировский и Могильницкий археологические комплексы, позволившие рассмотреть культурные процессы с эпохи раннего железа до позднего средневековья и проследить взаимодействие автохтонного населения с тюркскими этносами. Вопросы начальных этапов тюркизации Томского Приобья разрабатывает и А.Д. Гаман.

Поиском и исследованием памятников 10 – 13 вв. *енисейских кыргызов культуры* в Нижнем и Ср. Причулымье с кон. 1970-х занимается О.Б. Беликова. Специфичность материалов Змеинкинского и *Калмакского курганных могильников*, Городокского-1 селища позволила ей утверждать, что эта территория, входя в зону влияния государства енисейских кыргызов, являлась его сев. периферией. На Чулыме в нач. 2 тыс. н.э. проживало уже тюркизированное население с кето-самодийским субстратом. С сер. 1970-х в секторе археологии ПНИЛИАЭС сложилось направление по исследованию проблем этногенеза и этнической ист. Нарымского Приобья 2 тыс. н.э., которого придерживались А.И. Боброва, Г.И. Гребнева, Ю.И. Ожередов, Н.В. Березовская.

К кон. 1970-х ПНИЛИАЭС располагала большим количеством археологических, этнографических и антропологических материалов, отражающих культурную изменчивость как территориально, так и хронологически. Квалификационный уровень сотрудников лаборатории позволил проследить культурные изменения на территории Зап. Сибири с древнейших времён до современности. В качестве основных объектов исследования были рассмотрены жилище, погребальный обряд, орнамент, *антропологические типы*. Результаты работы воплотились в 4-томное исследование «Очерки культурогенеза народов Западной Сибири», завершённое в кон. 1990-х. В эти же годы продолжались индиви-

дуальные исследования историко-культурных процессов на территории совр. Томской обл., результатом которых стали защиты докт. дис. (Л.А. Чиндина, Л.М. Плетнёва) и канд. (О.Б. Беликова, А.И. Боброва, М.П. Чёрная, С.А. Терёхин, Э.В. Угдыжеков).

В 1992 в ТГУ открыта каф. археологии и ист. краеведения. Возглавляет археологическое направление на ней проф. Л.А. Чиндина, читают лекции Е.А. Васильев, М.П. Чёрная. В ПНИЛИАЭС и МАЭС работают О.Б. Беликова, А.И. Боброва, Ф.И. Мец, Ю.И. Ожередов, Л.В. Панкратова. В 1990-е в ТГУ резко сократились полевые исследования в связи с отсутствием финансирования. Приоритетным стало направление, связанное с обработкой и изучением археологических собраний МАЭС.

В то же время заметно оживилась деятельность ТОКМ и музея г. Северска. С 1990 в ТОКМ организацией археологических исследований занимается группа под руководством Я.А. Яковлева. Основными её задачами являются проведение инвентаризации археологических фондов и написание Каталога археологических коллекций. В русле этих задач проводятся аварийно-спасательные и разведочные экспедиции (открыто более 50 новых объектов), проведены раскопки памятников: *Алдыган, комплекс археологических памятников, Саровское культовое место, Павлово-Парабельское селище*). Новые материалы станут органической частью при создании экспозиции ТОКМ. На его базе проводится большая работа по изданию науч.-популярных очерков, в написании которых принимают участие все археологи. Возобновлена публикация Тр. ТОКМ. Редактированием этих изданий занимается Я.А. Яковлев.

Музей г. Северска находится в стадии становления, и перед его археологами (Л.М. Плетнёвой и Е.А. Васильевым) стоят задачи, связанные с накоплением источников, необходимых для оформления экспозиции. Аварийно-спасательные раскопки на памятниках Северска и его окрестностей (*Самусь-4, поселение; Чекист, поселение*) проводит Е.А. Васильев. В Томске создан Центр по охране и использованию памятников ист. и культуры Томской обл., где в настоящее время работает П.А. Марков, в Се-

верске – Археологическая инспекция г. Северска (А.Д. Гаман, И.В. Рудковский).

Лит.: Гребнева Г.И. Археологические исследования Томского областного музея 1980 – 1996 гг. // История и культура Томской области. Томск, 1998. С. 14-20; Матющенко В.И. Древняя история Сибири. Омск, 1999. С. 3-10; Матющенко В.И. Сибирская археология в 1940 – 1950 годы: Учеб. пособие. Омск, 1994. 101 с.; Сергеева Н.Я. Из истории Томского краеведческого музея // Тр. ПГОИАМ. 1994. Т. 7. С. 6-18; Чишдина Л.А. Тридцатилетний этап археологии Томского университета // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 17-24.

А.И. Боброва.

Археология – наука о древностях, изучает человеческое об-во преимущественно по вещественным источникам – артефактам (предметам, сделанным человеком). В отличие от письменных, хранящихся в архивах и библиотеках, эти источники находятся в земле и, прежде чем «заговорить», должны быть изъяты оттуда, поэтому А. иногда еще называют «историей, вооружённой лопатой». Коренные народы (см. в ст. *Этническая история*) Томской обл. до прихода русского населения не имели своей письменности, их ист. стала известна благодаря данным А. В задачи А. входят поиск, обнаружение и раскопки древних объектов, а также обработка и анализ полученных материалов, определение их хронологии и культурно-историческая интерпретация. Для максимального извлечения информации из археологических источников широко используются данные других наук (геологии, биологии, этнографии, антропологии, лингвистики, физики и др.).

Древние погребения, остатки жилых построек, поселения, курганы, наскальные изображения (писаницы), вещи и др. древности являются археологическими памятниками. Свои имена они получают обычно по месту обнаружения: ближайшему населённому пункту (*Томская палеолитическая стоянка*) или по названию, распространённому у местного населения (*Тоянов Городок, курганный могильник*). Сегодня на территории Томской обл. известно около 2 тыс. археологических памятников.

Одной из основных задач археолога после обнаружения памятника и проведения раскопок является выявление его возраста – установление места в археологической периодизации, определение относительной и абсолютной хронологии. Периодиза-

ция предполагает деление ист. человечества на большие эпохи, существенно отличающиеся друг от друга. Критерием археологической периодизации являются сырьё для изготовления основных орудий труда и технология их производства. В общем виде она выглядит следующим образом: 1) эпоха камня (*палеолит, мезолит, неолит*); 2) эпоха металла: эпоха раннего металла (*энеолит и эпоха бронзы*) и эпоха позднего металла; в последней выделяются *эпоха раннего железа* и эпоха позднего железа (*средневековье раннее; средневековье развитое; средневековье позднее*). Каждый из перечисленных периодов по-своему представлен на территории Томской обл.

Относительная хронология – определение возраста 2 или нескольких археологических памятников или артефактов относительно друг друга; конкретную датировку она не устанавливает. Абсолютная хронология – определение точной даты событий, явлений или возраста археологических памятников и артефактов в абсолютных цифрах – гг., вв., тыс.; она производится специальными методами на основе данных точных наук.

Заселение территории Томской обл. началось на ранней стадии палеолита. Остатки древнейших орудий обнаружены на Ю. Томской обл. на р. Яе (Арышевское местонахождение, 80 – 130 тыс. лет назад) (см. в ст. *Палеолит*). В кон. палеолита отдельные коллективы охотников проникали далеко на С., вплоть до окрестностей пос. Могочино. Ими 16 – 18 тыс. лет назад были оставлены *Томская палеолитическая стоянка* в р-не Лагерного сада г. Томска и *Могочинская палеолитическая стоянка* в окрестностях пос. Нарга. Каменные орудия и предмет искусства обнаружены на местонахождениях Соколовка и Парусинка в г. Северске (см. в ст. *Палеолит*). В неолите человек заселил р-ны Нарымского Приобья, в последующие эпохи металла территория Томской обл. была освоена полностью. Всё это становится известным археологам благодаря сохранению в земле исторически сложившейся толщи земли (напластований), которая называется культурным слоем. Он состоит из отдельных слоёв, различающихся по цвету, составу, находкам, и включает органические,

строительные, природные остатки, которые могут отражать конкретные действия, события, явления в жизни людей.

Среди древних объектов (археологических памятников) различают места обитания людей, места погребения умерших, производственные объекты (бронзолитейные и гончарные мастерские) и культовые (места поклонения духам). Наиболее распространёнными типами археологических памятников на территории Томской обл. являются следующие.

Могильник (кладбище, некрополь) – место погребения умерших; выделяют курганные и грунтовые могильники. Курганный могильник состоит из курганов (холмов), насыпанных над одним или несколькими захоронениями, для сооружения которых использовались земля, дёрн, камень. Часто курган воздвигали в несколько приёмов, при каждом новом захоронении производя подсыпку насыпи. Грунтовые могильники представляют места погребений, на которых умерших хоронили в специально вырытых в земле ямах. Поселение – места проживания определённой общности людей, которые бывают постоянными и временными, неукреплёнными и укреплёнными. Стоянка – временное неукреплённое поселение. Городище – пространство, укреплённое 1 или несколькими земляными валами и имеющее внешние рвы; линия оборонительных сооружений обычно возводилась на уязвимых, наиболее доступных для врага, участках (между высоким берегом реки и оврагом или на вершине холма, горы). Селище – остатки неукреплённого поселения.

Одним из основных понятий в А. является археологическая культура – группа относительно одновременных памятников, занимающих определённую территорию и имеющих одинаковые типы жилищ, погребального обряда, керамической посуды, орудий и украшений. Она отражает ист. развитие человеческих обществ. Археологическая культура получает своё название по наиболее яркому памятнику (*кулайская культура* – по горе Кулайка) или территории распространения (*верхнеобская культура*).

Задачами А. являются не только поиск и раскопки памятников, но и их науч. обработка и реконструкция некогда существовавшей ист. реальности. На разных территориях различные ар-

хеологические источники обладают неодинаковой степенью информативности. Для Зап. Сибири наиболее информативны конструкции и интерьер жилых сооружений, способы изготовления и орнаментации керамической посуды, а также погребальный обряд. Посл. включает цикл действий, обычаев, обрядов, запретов, совершённых с момента смерти человека до его погребения и последующих поминок: а) соблюдаемые с момента смерти до выноса покойного к месту погребения; б) выполняемые по пути к месту погребения, при похоронах и во время возвращения домой; в) соблюдаемые какое-то время по прошествии похорон. В А. погребальный обряд – это результат той деятельности, которая оказалась овеществлённой в остатках сооружений, вещах, положении тела умершего, костях животных и пр.

Лит.: Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. 257 с.; Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. 367 с.; Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М., 1996. 304 с.

А.И. Боброва.

Б

Барклай, курганный могильник, средневековье развитое, средневековье позднее и 18 – 19 вв. Находился на лев. берегу р. Чаи, лев. притока р. Оби, в 4 – 5 км выше пос. Гришкино Чаинского р-на Томской обл., неподалёку от оз. Барклай. 7 чётко выраженных насыпей занимали вершину невысокой береговой гривы, ограниченной с 2 сторон овражками. Памятник обследовался в 1984 и раскопан полностью в 1985, 1987, 1989 Ю.И. Ожередовым (ТГУ). Им вскрыто 137 подкурганных погребений 3 хронологических периодов: 12(?) – 15; 16 – 17; 18 – сер. 19 в. По форме курганы делятся на круглые и фигурные, которые сформировались при слиянии близко расположенных круглых насыпей. Обряд предусматривал многократность захоронений под одной насыпью: после заполнения определённой площ. умерших начинали хоронить поверх старых погребений. В итоге насыпи заключали в себе до 3 ярусов захоронений. Кроме того, в верхнюю часть курганов подхоранивали умерших и в 19 в., но уже с соблюдением христианской обрядности.

Погребения нижнего яруса, соответствующие перв. хронологическому периоду, сооружали на поверхности или углубляли в грунт до 0,4 м и выстраивали в 1 или 2 параллельных ряда в широтном направлении. Группа погребений была ограничена бревенчатой оградой. Во всех случаях хоронили по обряду ингумации в дощатых ящиках или рамах-обкладках, перекрытых плахами или берестой. Умерших заворачивали в бересту и укладывали в вытянутом положении, на спине, с руками вдоль туловища, головой на Ю.-В., изредка на В. или Ю. Захоронения одиночные, исключая одно, содержащее останки 2 детей. Погребальный инвентарь включал как повседневные вещи (украшения, в т.ч. фурнитуру одежды, глиняные сосуды, ножи, стрелы с железными и костяными наконечниками, топоры-кельты и др.), так и ритуальные (ладьевидный сосуд, сосуды без следов использования и стрелы с медными наконечниками).

Погребения среднего яруса (16 – 17 вв.) сооружали на насыпях нижнего яруса и в межкурганном пространстве. Это приводило к слиянию отдельных круглых курганов и образованию более крупных фигурных. Погребальная обрядность частично сохраняла традиции предшествовавшего периода: рамы-обкладки, использование бересты. В то же время появляется обычай погребения в долблёных колодах, установленных в перекрытые плахами рамы-обкладки. В 1 случае зафиксировано символическое захоронение человека, тело которого не было доставлено на родовое кладбище. Большинство захоронений среднего яруса – одиночные, но встречены и групповые (до 3 чел.). Имеются захоронения в виде кремации: полное и частичное сожжение на месте похорон. Для обожжения и окуривания погребальных площадок и в поминальных обрядах широко применялся огонь. Положение умерших сохраняется прежним, но изменяется их ориентация (в основном юго-зап. направление, изредка – юж. или вост.). Появляются импортные предметы, в основном русские: железные топоры, кресала, наконечники стрел, бронзовые перстень, колокольчик, ажурная подвеска, стеклянные бусы и др. Также встречены немецкие счётные жетоны, служившие украшениями, и зап.-европейские стеклянные бусы.

Погребения верхнего яруса (18 – сер. 19 в.), продолжая прежние традиции, имеют и новые черты: бревенчатые рамы-ограды, в центр которых ставили дощатые ящики. В это время исчезает обычай кремирования, но сохраняются обжигание оградок, подсыпка углей (или окуривание) на погребальные площадки. Наряду с погребениями в рамах-оградах появляются впускные (в основном детские) захоронения в гробах, сколоченных гвоздями. Впущенные в насыпи могилы не перекрывались (за исключением одной), а сразу засыпались грунтом. Умерших укладывали на спину, головой на З. или Ю.-З. Положение рук варьирует в пределах новой традиции – размещение их на туловище. Многочисленные находки бронзовых или оловянных нательных крестов, а также появление гробов и околomoгильных оград, бронзовых иконок говорят о проникновении в местную погребальную обрядность христианских влияний. Ист. источники свидетельствуют, что территория, на которой располагался могильник, в 17 в. определённо была занята представителями селькупской локально-диалектной группы шиешгула.

Лит.: Ожередов Ю.И. Захоронение селькупского воина // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 110-115; Он же. Исследования Южнотаёжного отряда // АО 1984 г. М., 1986. С. 197; Он же. Погребальные сооружения XIV – сер. XIX вв. из курганной группы Барклай // Культурногенетические процессы в Зап. Сибири. Томск, 1993. С. 89-92; Он же. Погребальный обряд шиешгула в свете российской государственной политики конец XVI – середина XIX вв. // Русские старожилы. Тобольск; Омск, 2000. С. 91-93; Он же. Раскопки курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 97-101; Он же. Сакральные стрелы южных селькупов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 77-119; Ожередов Ю.И., Смолин А.В. Западно-европейские жетоны из курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 101-105.

Ю.И. Ожередов.

Басандайская культура, средневековье развитое. Б.к. впервые выявил В.А. Могильников на памятниках Томско-Обского междуречья (1980). Выделение Б.к. поддержали в 1984 Д.Г. Савинов и в 1993 *Плетнёва Л.М.* Раскопки памятников, относимых к Б.к., проводили *Дульзон А.П.*, *К.Э. Гриневич*, *Г.В. Трухин*, *Косарев М.Ф.*, *Матющенко В.И.*, *Чиндина Л.А.* Значительная часть материала для изучения Б.к. происходит из раско-

пок Л.М. Плетнёвой (ТГУ) нач. 1980 – 90-х. Основные разногласия в исследовании Б.к. проявляются в определении датировок Еловского-1, Басандайского, Усть-Киндинского курганных могильников и вследствие этого – хронологии Б.к. Нет единого мнения и по вопросам о культурной принадлежности отдельных памятников, соотношении Б.к. и *сросткинской культуры*. Споры вокруг Б.к. во многом обусловлены тем обстоятельством, что исследователи обращаются к разным группам археологических памятников.

В.А. Могильников, причислив сначала Еловский-1 и Басандайский могильники к Б.к. 10 – 12 вв., в дальнейшем, однако, этот термин не употребляет. Указанные памятники он относит к сросткинской культуре, которая отражает смешанную тюркско-самодийскую общность и продолжает развиваться, по его мнению, на Ю. Томской обл. вплоть до монгольского времени. Л.М. Плетнёва и Д.Г. Савинов, отмечая наличие сросткинских традиций в памятниках Томско-Обского междуречья, всё же причисляют их к Б.к. Д.Г. Савинов, не уточняя датировку памятников, считает, что особо значительная доля сросткинского компонента в материалах Еловского-1 и Усть-Киндинского могильников показывает этническое своеобразие населения: оно было родственно, но не идентично группе, оставившей Басандайский могильник.

Наиболее развёрнутую характеристику Б.к. дала Л.М. Плетнёва, датирующая её 11 – 14 вв. В 4 опорных могильниках (Астраханцевский, Басандайский, Еловский-1, *Усть-Малокиргизский курганный могильник*) раскопано 178 курганов, содержащих 275 погребений. Основные признаки погребального обряда: земляные курганы диам. до 12 м, выс. 0,2 – 2 м; захоронение преимущественно в ямы, в единичных случаях – в насыпи, на древнюю дневную поверхность; ингумации (погребение трупа); единичные трупосожжения в стороне от места захоронения и на его месте; вытянутое положение умерших, ориентация головой чаще на Ю.-В.; погребальные сооружения – деревянные настилы, гробы, рамы-обкладки, перекрытия. Отличительная черта обряда – сопроводительные захоронения верховой лошади 3 ви-

дов: целая туша; голова и конечности, лежащие параллельно покойному; голова и передние конечности в ногах человека. Лошади были взнузданы, иногда осёдланы. Помимо детских и женских погребений, определяются погребения кузнецов, воинов-всадников и воинов-лучников.

В погребальном ритуале Б.к. особое значение придавалось применению глины (глиняные площадки в насыпях, глиняная обмазка стенок могил). По этому признаку прослеживается сходство с сырцовыми погребальными конструкциями, известными в 9 – 11 вв. в степном и лесостепном междуречье Иртыша и Оби, в Барабинской и Кулундинской лесостепи, где они сооружались в захоронениях людей высокого социального положения.

Исследованы места обитания населения Б.к.: городища Басандайка, Кижирова, Шеломок-1, Нагорный Иштан, селище Лагерный Сад и др., на которых вскрыто 5 построек (селище Усть-Малокиргизское-2, городище Иванушкина Гора). Жилища – полуназемные, каркасные и с самонесущими стенами (срубные), с входами в виде коридора, тамбура, с очагами открытого типа. Основная группа посуды памятников Б.к. Томско-Обского междуречья входит в ареал керамики Нарымского, Новосибирского Приобья, Причулымья, лесостепного Алтая, Ср. Енисея и имеет сходство с материалами сrostкинской культуры I тыс. Вост. Казахстана.

Территория Б.к. сегодня ограничивается Томско-Обским междуречьем, в широтном отношении определёнными пределами нижнего течения р. Томи. Предполагается, что она может быть расширена за счёт Ср. Притомья и, возможно, Новосибирского Приобья. В Б.к. отмечается смешение местных и привнесённых черт. Первые (Ю.-В. ориентация умерших, заворачивание их в бересту, берестяное покрытие, некоторые особенности формы и орнаментации керамики и др.) связываются с местным, самодийским населением. Привнесёнными чертами являются: погребения с конём или конечностями и головой коня, подкладки из камней под умершими, использование в конструкциях глины, воинские захоронения, инвентарь, в т.ч. лазуритовые подвески, вероятно, керамика. Пришлый компонент отражает приход тюркоязычных

(кимако-кыпчакских) групп, который произошёл значительно позже распада кимако-кыпчакского гос. объединения, т.е. после 30-х гг. 11 в. Значительность тюркской прослойки в Б.к. существенно повлияла на ход *этнической истории* Ю. Томской обл., на формирование *томских татар*. Адаптации тюркских групп в Томско-Обском междуречье способствовали природно-географические условия, позволяющие вести комплексное хозяйство (скотоводство, земледелие, охота, рыболовство).

Лит.: Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 351 с.; Она же. Томское Приобье в средневековье (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 49 с.; Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 216 с.; Стени Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: в 20 т. М., 1981. С. 190.

О.Б. Беликова.

Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников, средневековье развитое, средневековье позднее и 18 в. Включает 3 грунтовых могильника: Бедеревский Бор-1 (14 – 17 вв.), Бедеревский Бор-2 (16 – 18 вв.), Бедеревский Бор-3 (12 – 13 вв.). Б.Б.,к.а.п. расположен на коренной террасе прав. берега р. Тыма в урочище Бедеревский Бор, в 15 км от пос. Напас Каргасокского р-на Томской обл. Открыт в 1938 *Кутафьевым П.И.* и частично исследован в 1989 – 1992 А.И. Бобровой и Н.В. Березовской (ТГУ). Покойных хоронили в грунтовых ямах глуб. 0,4 – 2 м, в бревенчатых срубках, колодах, сооружениях из плах в виде ящичков. Сверху ямы перекрывали жердями и присыпали землёй; со временем жерди сгнивали и проваливались, в результате чего образовывались впадины. На могильнике Бедеревский Бор-1 их зафиксировано около 50 (раскопано 22), Бедеревский Бор-2 – около 60 (раскопано 52), Бедеревский Бор-3 – 34 (раскопано 31). Умерших укладывали в вытянутом положении, на спине, головой вниз по течению Тыма, с вещами: украшениями, орудиями труда, оружием. В засыпях могил обнаружены наконечники стрел, фрагменты кольчуг, бусы, фрагменты глиняных сосудов, череп медведя. Особенностью могильника Бедеревский Бор-3 является наличие воинских погребений. В 9 могилах найдены предметы вооружения: кольчуга, палаш, копье, бронебойные наконечники

стрел. Инвентарь могильника (бронзовые шумящие, лапчатые, а также колоколовидные подвески в виде птиц и медведей, поясные серебряные и позолоченные накладки, бронзовые литые крестовидные бляшки, лунницы, пронизки, стеклянные глазчатые бусы, двулезвийные кресала) находит массовые аналогии в могильниках 12 – 13 вв. лесного Зауралья и Нижнего Приобья, свидетельствует о проникновении отдельных групп населения в бассейн р. Тыма и о широких торговых связях с Русью.

В могильниках Бедеревский Бор-1, 2 наблюдается преемственность с предшествующим временем, хотя появляются и некоторые новые черты в погребальной обрядности: захоронение черепов медведей, совместное погребение человека и собаки, человека и птицы. В нескольких погребениях обнаружены т.н. иттарма («куклы») – заместители душ умерших. Обилие боевых железных наконечников стрел во всех некрополях свидетельствует о военной нестабильности, а набор украшений и предметов говорит о возможном проникновении на берега Тыма, начиная с 12 – 13 вв., населения с С. и С.-З. В этот же период отмечено появление сер. предметов русского импорта. Погребальный обряд и инвентарь 15 – 18 вв. отражают влияние на аборигенное население хантыйской культуры (см. в ст. *Ханты*).

Лит.: Березовская Н.В. Воинские погребения из грунтового могильника Бедеревский Бор III // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 27-35; Боброва А.И., Петрова Н.В. Хронология серёг-подвесок из грунтового могильника Бедеревский Бор II // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 174-175; Боброва А.И., Торопова Н.Н. Бедеревский Бор II – позднесредневековый могильник Нарымского Приобья // Палеоэтнология Сибири. Иркутск, 1990. С. 72-73.

Н.В. Березовская, А.И. Боброва.

Беккер Эрика Генриховна (р. 31 мая 1931, д. Прайс Саратовской обл.), филолог, проф. В 1953 окончила ф-т иностранных языков ТГПИ, с 1961 её науч.-пед. деятельность тесно связана с данным вузом. В 1965 защитила канд. дис. по теме «Селькупские топонимы Западной Сибири» – перв. работу в обл. селькупского языкознания. С 1971 – декан ф-та иностранных языков, с 1973 по 1990 – зав. каф. немецкого языка (с 1976 – каф. немецкой филологии), с 1973 – руководитель аспирантуры по специальности

«Языки народов СССР»: 7 её аспирантов защитили канд. дис., 3 стали д-рами наук. Занимается исследованием морфологической структуры селькупского языка, осуществила 6 экспедиций, в 1985 защитила докт. дис. С 1990 по 1992 – науч. руководитель лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. С 1992 проживает в Германии, читает лекции по селькупскому языку в ун-те Гамбурга.

Соч.: Категории надежа в селькупском языке. Томск, 1978. 206 с.; Выражение числовых отношений в диалектах селькупского языка // Языки и топонимия. Томск, 1981. С. 72-82; Словообразовательные модели имён существительных в селькупском языке // Структура палеоазиатских и самодийских языков. Томск, 1984. С. 73-82; Морфология селькупского языка: Южные диалекты. Томск, 1995. Ч. 1. 291 с.; Ч. 2. 284 с. (в соавт.); Prof. Dr. Andreas Dulson (1900 – 1973). Sein Leben und Werk in den Erinnerungen seiner Schuler. Hamburg, 1999. 210 S.

Лит.: Alitkina L.A. Zum Jubiläum von Erika Bekker // Linguistika Uralika. 1991. 27. 4. S. 284-285.

В.В. Быконя.

Блинова Ольга Иосифовна (р. 7 нояб. 1930, с. Бороковка Тяжинского р-на Зап.-Сиб. кр.) – д-р филол. наук, проф. В 1948 окончила с серебряной медалью школу в г. Ленинске-Кузнецком, в 1953 – ист.-фил. ф-т ТГУ. Науч.-пед. деятельность тесно связана с каф. русского языка ТГУ: ассистент, с 1964 – доцент, с 1975 – проф.; по совместительству зав. лаб. общей и сиб. лексикографии. В 1962 защитила канд. дис., в 1975 – докт. Является одним из основателей томской лингвистической школы русистики. Обосновала новый раздел науки о языке – диалектную лексикологию и разработала науч. концепции диалектных словарей новых жанров. Исследовала ряд тематических групп лексики ср.-обских говоров (лексика дровяного, ямского промыслов, ручного прядения и ткачества и др.). Автор более 200 науч. работ. Под руководством Б. подготовлено 30 канд. наук, 5 из них защитили докт. дис. Лауреат Гос. премии РФ (1997) и премии Томской обл. в сфере образования и науки и др. Удостоена правительственных наград и многочисленных почётных званий.

Соч.: Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби Томск, 1964. Т. 1. 143 с.; 1965. Т. 2. 233 с.; 1967. Т. 3. 249 с. (в соавт.); Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. 257 с.; Опыт обратного диалектного словаря. Томск, 1973. 170 с.; Словарь образных слов и выражений народного говора. Томск, 1977. 208 с. (в соавт.); Мотиваци-

онный диалектный словарь (говоры Среднего Приобья). Томск, 1982. Т. 1. 268 с.; 1983. Т. 2. 370 с. (в соавт.); Русская диалектология. Томск, 1984. 133 с.; Явление мотивации слов: лексикологический аспект. Томск, 1984. 192 с.; Полный словарь сибирского говора. Томск, 1992. Т. 1. 287 с.; 1993. Т. 2. 301 с.; 1993. Т. 3. 224 с.; 1995. Т. 4. 274 с. (в соавт.).

Лит.: Светлов А. Кафедра, где пишут словари // *Alma Mater*. 1993. 19 февр.; Веснина Г. Диалекты будут жить вечно, или Как стать лауреатом // *Томский вестник*. 1977. 15 февр.; Илларионов А. Живого слова кладёшь берегут // *Российские вести*. 1997. 16 апр.; Коноров Ю.В. Что за прелесть эти говоры // *Российская газета*. 1997. 13 марта; Блинова О.И. Томская лингвистическая школа: взгляд изнутри и извне // *Вестн. ТГУ*. 1998. Т. 266. С. 69-77; Винарская Т. Олеська, Оля, Ольга Иосифовна: профессор Блинова в интерьере научной и частной жизни // *Томский вестник*. 2000. 4 нояб.; Фоминых С.Ф., Петров К.В. Блинова Ольга Иосифовна // *Профессора Томского ун-та: Биографический словарь*. Томск, 2001. Т. 3. С. 41-46.

С.Ф. Фоминых, К.В. Петров.

Большереченская культура, раннего железа эпоха (6 – 2-1 вв. до н.э.). Территория Б.к.: на С. – по границе Томской и Новосибирской обл., на Ю. – до слияния рр. Бии и Катунь, на З. – по границе зап. и вост. Барабы, на В. граница нечёткая – по нижнему течению рр. Чумыша и Ини. Названа по памятникам, расположенным у с. Большая Речка Алтайского кр. Перв. сборы материалов с поверхности памятников известны с кон. 19 в., к их исследованию приступили с нач. 20 в. В последующие годы в Приобье работали экспедиции *Грязнова М.П.* (1946 – 1949, 1958 – 1959), *М.Н. Комаровой* (1952 – 1953), *Т.Н. Троицкой* (1958 – 1987), в Алтайском кр. – *А.П. Уманского* (с 1950-х), *В.А. Могильникова* (1974 – 1976), *Кирюшина Ю.Ф.* (с кон. 1970-х по настоящее время), в Барабе – *В.И. Молодина* (1970 – 1980) и *Д.Г. Савинова*, в Томском Приобье – *Плетнёвой Л.М.* (1970 – 80-е) и *Чиндиной Л.А.* (1990-е).

Б.к. впервые выделил *М.П. Грязнов*. Он разделил её на 3 этапа: большереченский (7 – 6 вв. до н.э.), бийский (5 – 3 вв. до н.э.) и берёзовский (2 – 1 в. до н.э.). *Т.Н. Троицкая* и *А.П. Бородавский* делят её на 2 этапа: бийский (6-5 – нач. 4 в. до н.э.) и берёзовский (кон. 4 в. – 2-1 вв. до н.э.). В посл. годы часть учёных на территории Б.к. выделяют староалейскую и каменскую культуры, которые различаются рядом признаков в погребальном обряде, керамике, а также происхождением. Так, сложение старо-

алейской культуры связывается с приходом юж. населения. Каменная культура сформировалась в р-нах Центр. и Вост. Казахстана, возможно, на Ю.-З. лесостепного Алтая и оттуда принесена в Бийско-Барнаульское Приобье. Поскольку до конца не решены вопросы о территории распространения Б.к., её происхождении, взаимодействии с другими культурами, прежде всего Алтая, автор придерживается точки зрения Т.Н. Троицкой и А.П. Бородавского.

Б.к. входит в состав культур скифо-сибирского культурно-исторического единства, но имеет свои отличия: отсутствие городищ, своеобразная орнаментация керамики, преобладание связей с саками и усунями и др. Известно более 80 памятников Б.к.: поселения Ближние Елбаны-1, Ордынское-2, могильники Ордынское-1, Новый Шарап-1, 2, Быстровка-1 и др. Б.к. сформировалась на базе предшествовавших *ирменской культуры* и завьяловской культуры и пришлых элементов из Ср. Азии и Казахстана, миграция которых началась с 6 – 5 вв. до н.э. и продолжалась до 2 – 1 вв. до н.э.

Места жительства не имели оборонительных сооружений, располагались на мысах надпойменной террасы или на возвышениях-елбанах в самой пойме. Жилища полуназемного типа площ. от 12 до 60 м², с очагом посередине или у стены. Могильники курганные и грунтовые. Хоронили в могилах, перекрытых брёвнами. До сер. 6 в. до н.э. в одном кургане погребали по 1 человеку, редко – 2 – 3. С сер. 6 по 2 в. до н.э. количество могил под курганами увеличивается, их стали располагать по кругу. Во 2 – 1 вв. до н.э. появились могилы с подбоями и могилы в виде узких ям.

Хозяйство большереченцев было многоотраслевым. Основу его составляло скотоводство. В стаде преобладал крупный рогатый скот, разводили также лошадей и мелкий рогатый скот. Пойма Оби давала обильный корм, на зиму заготавливали сено, используя как серп нижние челюсти лошади и коровы. Копну сена таким орудием 1 чел. накашивал в пойменных лугах за 31 час. Кроме того, в местах с неглубоким покровом снега лошади могли добывать корм тебенёвкой. В сер. 1 тыс. до н.э. имело место по-

тепление климата, поймы реки весной регулярно заливались водой, что давало обильный травостой, а это способствовало интенсивному развитию скотоводства. О земледелии свидетельствуют каменные и костяные мотыжки, зернотёрки. Занимались также охотой и рыболовством.

Несмотря на то, что Б.к. относится к эпохе раннего железа, значительное место ещё занимало бронзолитейное производство. Продолжали изготавливать из бронзы орудия труда (ножи, топоры-кельты), оружие (кинжалы, наконечники стрел, чеканы), украшения (заколки для волос, прорезные бубенчики, серьги, подвески и бусы). В лесостепном Приобье железные изделия появляются только в 5 – 4 вв. до н.э. Население занималось также обработкой кожи (сосуды, обувь, одежда, конская сбруя, украшения), кости (наконечники стрел, пряжки, детали конского снаряжения, застёжки, пуговицы) и дерева, прядением и ткачеством, изготовлением керамики. В Томском Приобье сильное влияние Б.к. прослеживается в 5 – 3 вв. до н.э.

Лит.: Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Л., 1956. № 48. С. 44-98; Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск, 1994. 184 с.; Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI – V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211-219.

Л.М. Плетнёва.

Бронзовый век см. *Бронзы эпоха.*

Бронзы эпоха. В археологической периодизации это время освоения орудий труда и оружия из искусственных сплавов на медистой основе. От чистой меди бронза отличается 2 важными качествами – твёрдостью и более низкой температурой плавления, благодаря которым бронзовые орудия были шире распространены, чем медные. На территории Зап. Сибири главными технологическими характеристиками Б.э. стали повсеместное распространение оловянных бронз в качестве ведущего типа сплавов и отливка в двустворчатых формах тонкостенных орудий с т.н. слепой втулкой для насада на рукоять. Культуры Б.э. на территории Томской обл. датируются 2 – перв. третью I тыс. до

н.э., при этом региональная периодизация предусматривает выделение этапов ранней, развитой и поздней бронзы.

Основным социально-экономическим содержанием Б.э. в Томско-Нарымском Приобье стало распространение и утверждение производящих форм экономики. Заканчивалось время охотников и рыболовов, на смену ему приходил мир земледельцев, скотоводов и ремесленников. Переход от присваивающего хозяйства к производящей экономике – сложный и длительный процесс. Направление и характер его определялись как внутренними факторами эволюции любого общества, так и внешними обстоятельствами: культурными контактами, завоеваниями, миграциями. Материалы археологических памятников Б.э. на территории Томской обл. демонстрируют своеобразную региональную микромодель этого процесса.

В нач. 2 тыс. до н.э. в Томско-Нарымском Приобье обитали потомки и преемники населения эпохи *энеолита*. Они ловили рыбу, били зверя, изготавливали глиняную посуду, следуя в этом традициям предков. Новая эпоха ощущалась только в наличии медных и бронзовых изделий. Появляются несложные в изготовлении украшения и медные и бронзовые орудия: шилья, пластинчатые ножи, которые можно было отлить в односторонних формах. Модель такого типа культурогенеза отражают памятники степановской культуры Васюганья.

Во втор. четв. – сер. 2 тыс. до н.э. в среду аборигенного населения Томского Приобья проникают носители более высокой культуры. Исследователи полагают, что их родиной были оазисы Ср. Азии, на которые распространялось влияние древнейших цивилизаций Переднего Востока. Пришельцы выступили, скорее, в роли культуртрегеров, нежели завоевателей. Они научили аборигенов разводить скот и возделывать землю. Но самое главное, они владели редким в те времена секретом изготовления высокотехнологичных изделий из твёрдой, качественной бронзы: наконечников копий, топоров-кельтов, ножей. Постоянные контакты, а может быть, и взаимные браки привели к консолидации мигрантов и аборигенов в рамках новой, *самусьской культуры*. Наряду с

новыми элементами эта культура включала и местные традиции, прежде всего те, что были связаны с охотой и рыболовством.

Очень скоро население самусьской культуры распространило свое влияние на С., далеко за пределы Нижнего Притомья. По всей видимости, они смогли наладить и поставить под свой контроль бесперебойное снабжение сырьём среднеобских бронзолитейных центров. Судя по спектральным анализам, металл в слитках поступал из богатых медных месторождений Рудного Алтая. В обмен с С. шли меха, а возможно, и готовые бронзовые изделия. *Самусь-4, поселение* процветало, становясь крупнейшим производственным и культовым центром. Плавка бронзы и важнейшие сельскохозяйственные работы сопровождалась церемониями и обрядами с использованием специальных культовых сосудов. Их стенки украшали изображения таинственных человекообразных фигур, птиц и сложных символов, а на донышках помещались знаки солнечного диска. Эти орнаментальные композиции отражали сложные и во многом непонятные сейчас мировоззренческие представления, в которых причудливо переплетались промысловые культы таёжных охотников и солярный культ земледельцев и металлургов Ю.

В 13 в. до н.э. на землях, занятых самусьскими племенами, появляется новое население – носители андроновской культуры (см. в ст. *Андроновская культурная общность*), представляющие целую эпоху в сиб. ист. Это было время утверждения довольно развитой производящей экономики, основу которой составляли пастушеское скотоводство и мотыжное земледелие. Андроновцы стали перв. в Азии наездниками, их боевые колесницы и отряды конных воинов обусловили политическое господство на Ю. Зап. Сибири. Освоив лесостепь, носители андроновской культуры в поисках новых полей и пастбищ стали проникать в таёжные р-ны Нижнего Притомья. По всей видимости, самусьцы не смогли оказать сопротивление. Поставив под контроль разработку рудных месторождений меди и торгово-обменные операции, пришельцы подорвали их экономику, а может быть, и уничтожили их самих в военных схватках.

Возможно, в этой борьбе андроновцы опирались на помощь союзников в лице таёжных охотников и рыболовов, которых археологи включают в *гребенчато-ямочной керамики культурно-историческую общность*. На протяжении нескольких веков они изготавливали удивительно стандартные плоскодонные сосуды баночной формы и неизменно украшали их одинаковыми орнаментальными композициями, построенными на однообразном чередовании поясов гребенчатых отпечатков с рядами круглых ямок. Носители гребенчато-ямочной керамики не были аборигенами Нижнего Притомья и пришли из глубинных таёжных р-нов Ср. Приобья. Они знали орудия из бронзы, но из-за редкости и ценности металла использовали каменный инвентарь. Вероятнее всего, сев. «варвары» говорили на языках самодийской группы. Причины их миграции не совсем ясны, но почти не вызывает сомнений, что в результате постоянных контактов между ними и андроновским населением к 12 в. до н.э. в пограничье таёжных и лесостепных ландшафтов сформировалась гибридная *еловская культура*, которая в посл. столетия 2 тыс. до н.э. распространилась на большей части территории Томской обл. В хозяйстве еловцев сочетались присваивающие и производящие отрасли: охотничий промысел и рыбная ловля дополнялись занятием скотоводством и земледелием.

На рубеже 2 и 1 тыс. до н.э. на основе андроновской культуры при возможном участии еловского компонента сложилась *ирменская культура*. Определённое значение имел импульс из Минусинской котловины, который принёс новую «моду» в изготовление и украшение глиняной посуды, оригинальные образцы бронзовых орудий. В перв. веках 1 тыс. до н.э. ирменцы расселились по всей лесостепной зоне Зап. Сибири. Это были племена с высоким уровнем культуры. В их хозяйстве рационально сочетались пастушеское скотоводство и ручное земледелие, охотничий промысел и рыбная ловля. Следы пребывания ирменцев фиксируются во многих местах бассейна нижнего течения Томи, но своеобразные культурные центры располагались в устье Большой Киргизки (*Чекист, поселение*) и на берегах обской протоки Си-

ман (Еловское поселение, см. в ст. *Еловский комплекс археологических памятников*).

К кон. Б.э. население, проживавшее на территории Томско-Нарымского Приобья, достигло высокой степени социального и культурного развития. Однако в 9 – 7 вв. до н.э. существенно изменились природные условия. Увлажнение климата привело к активному заболачиванию. Исчезли пастбища, с обжитых мест со своими стадами уходили люди. Тех, кто оставался, ассимилировали надвигавшиеся из сев. таёжных районов Зап. Сибири охотники и рыболовы, что привело к сложению *молчановской культуры*. Б.э. завершалась в условиях своеобразного «экологического кризиса». В результате вызванных им миграционных процессов менялся этнический состав населения, ломались привычные хозяйственные связи, трансформировались культурные традиции.

Лит.: Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. *Бронзовый век Васюганья*. Томск, 1979. 182 с.; Косарев М.Ф. *Бронзовый век Западной Сибири*. М., 1981. 280 с.; Магющенко В.И. *Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)*. Ч. 2 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10. 210 с.; То же. Ч. 3 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 11. 150 с.; То же. Ч. 4 // ИИС. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Е.А. Васильев.

Быконя Валентина Викторовна (р. 30 янв. 1947, пос. Красный Яр Кривошеинского р-на Томской обл.) – филолог, проф. В 1970 закончила ф-т иностранных языков ТГПИ. В 1984 защитила канд. дис. Осуществила 6 экспедиций к *селькупам* для сбора полевого лингвистического материала. С 1986 по настоящее время – зав. каф. немецкого языка ТГПУ, в 1990 – 1991 – зав. лабораторией языков народов Сибири. С 1990 – руководитель авторского коллектива, подготовившего учебно-методический комплекс для школ с преподаванием селькупского языка. В 1996 защитила докт. дис. С 2000 – зав. каф. языков и культур народов мира Ин-та языковой коммуникации Томского политехнического ун-та. Основное направление исследований – диахроническое изучение селькупского языка в его связи с ист. и культурой этноса, реконструкция картины мира на основе семантики числительных и символики чисел, онтология грамматической категории числа.

Соч.: Имя числительное в картине мира селькупов. Томск, 1998. 261 с.; Структурно-морфологическая система числительных и история её формирования в диалектах селькупского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1996. 39 с.; Шёшкой букварь. Томск, 1993. 91 с. (в соавт.); Шарват-плэнд шёшкой шэндэ! = Говори по-шёшкупски! (Селькупско-русский разговорник). Томск, 1999. 111с.

Н.А. Тучкова.

В

Верхнеобская культура, средневековье раннее, 5 – 9 вв. Территория В.к. включает лесостепное Верхнее Приобье: на С. – до устья Томи; на Ю. – от слияния р. Бии и Катунь (истока Оби); на З. – по границе Верхнего Приобья и Барабинской лесостепи; на В. – по вост. границе Кузнецкой котловины. Хотя раскопки памятников В.к. были начаты ещё в кон. 19 в., в 1951 её впервые выделил *Грязнов М.П.* на материалах 1946 – 1949 из Барнаульского Приобья. В Новосибирском и Томском Приобье работы интенсивно проводятся с 1960-х. С накоплением нового материала некоторые положения М.П. Грязнова пересматриваются. В настоящее время Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков выделяют 3 этапа В.к.: одинцовский (5 – 6 вв.); тимирязевский (7 – нач. 8 в.); юрт-акбалыкский (сер. 8 – 9 в.). *Плетнёва Л.М.* придерживается этой точки зрения. В Барнаульском Приобье посл. этап не представлен, там развивалась культура тюрков. *Чиндина Л.А.* и В.А. Могильников, в отличие от Л.М. Плетнёвой, памятники Томского и С. Новосибирского Приобья относят к *рёлкинской культуре*.

Известно более 100 памятников В.к.: городища, поселения, курганные и грунтовые могильники. Поселения относятся к речному типу заселения. Они располагались по краю надпойменных террас. Городища укрепляли рвом и валом, обносили тыном. На городищах Тимирязевское-4, Бурундуково-4 было 3 – 4 линии обороны. Некоторые городища имели угловые башни и укрепления около входов. Практиковалась защита входов продолжением вала. Жилища были прямоугольной, квадратной или овальной формы, площ. от 12 до 70 м², часто углублённые в землю от 0,2 до 0,75 м, с очагом открытого типа. Большинство построек – каркасного типа.

Захоронения совершались в курганах и грунтовых могилах. Могильники располагались на краях террас, на гривах, на берегах рек. Насыпь курганов земляная, диам. курганов 3 – 10 м, выс. 0,15 – 1,5 м, глуб. могил до 0,6 м, их иногда перекрывали нетолстыми брёвнами. Хоронили по обряду трупоположения, а также трупосожжения на стороне с погребением останков (вместе с углями и вещами) в могиле. Вера в потустороннюю жизнь предусматривала отправление вместе с умершим необходимых ему предметов быта, культа, оружия и украшений. Кроме курганов с захоронением тела умершего, выявлены курганы поминальные. Они сооружались в тех случаях, когда человек умирал где-то вдали от места проживания, а для обретения его душой покоя и в память о нём насыпали курган на родовом кладбище и в могилу клали вещи умершего. Найдены и повторные погребения: умершего предавали земле по прошествии определённого времени (сначала его хоронили на деревьях, лабазах и др.).

Хозяйство В.к. было комплексным, его основу составляло скотоводство с преобладанием коневодства. Находки железных сошников предполагают наличие пашенного земледелия. Полагают, что сеяли просо, ячмень, на Ю. – пшеницу. Зерно мололи ручными жерновами. Значительное место в хозяйстве занимали рыболовство и охота. Из ремёсел выделяется металлургическое производство. Все основные орудия труда (топоры, тесла, напильники, зубила, клещи, ножи) и оружие (копья, боевые топоры, наконечники стрел, панцири) к сер. 1 тыс. были железными, и часть их приобрела ту форму, которая сохранилась до наших дней. По инвентарю захоронений отмечена имущественная дифференциация, говорящая о различном социальном статусе умерших: выделяются погребения знатных воинов, рядовых воинов-лучников и кузнецов.

В раннем средневековье начинается проникновение тюрков на территорию лесостепного Приобья. В Новосибирском и Томском Приобье появляются погребения, совершённые по обряду трупосожжения на стороне и с захоронением в кургане останков человека на дневной поверхности. Прослеживается импорт тюркских предметов. Керамическая посуда свидетельствует о проник-

новении в Томское Приобье из Вост. Сибири ту тунгусо-маньчжурского населения. Тесные связи прослежены с рёлкинской культурой, которую исследователи определяют как принадлежащую самодийцам. Достоверное определение этнической принадлежности В.к. в настоящее время затруднительно. Исходя из историко-культурных традиций хантов, селькупов, кетов (см. в ст. *Этническая история*) в той части их культур, которая может быть сопоставлена с археологическим материалом, на совр. уровне исследований можно говорить лишь об угро-самодийской основе, возможно, с участием кетского и тунгусо-маньчжурского и тюркского компонентов.

Лит.: Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.; Грязнов М.П. История древних племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.; Л., 1956. № 48. 161 с.; Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 150 с.

Л.М. Плетнёва.

Вожпайская культура на территории Томской обл. представлена *вожпайского типа керамикой*.

Вожпайского типа керамика (вожпайская керамика), кон. 1 – нач. 2 тыс. н.э. – *средневековье раннее и средневековье развитое*. В.т.к. впервые выделил В.Н. Чернецов в 1950-х на материалах городища Вож-Пай в Нижнем Приобье. В Томской обл. она долгое время не была известна из-за слабой изученности периода кон. 1 – нач. 2 тыс. н.э. Хотя еще в 1938 на р. Тым В.т.к. обнаружил *Кутафьев П.И.*, типологически она была определена только в 1970 – 90-х по материалам археологических разведок и раскопок *Кирюшина Ю.Ф.*, Я.А. Яковлева, Ю.И. Ожередова, *Чиндиной Л.А.*, Н.В. Березовской, Л.Н. Приль, Ф.И. Меца, *Плетнёвой Л.М.*, А.И. Бобровой. Перв. обобщённое исследование В.т.к. с территории Томской обл. в нач. 1980-х осуществил Л.П. Хлобыстин, рассмотревший керамику р. Васюган на фоне зап.-сиб. материалов.

Сосуды горшковидной формы, с короткой отогнутой шейкой (верхним краем). Специфика керамики проявляется прежде всего в её орнаменте, выполненном гребенчатыми, струйчатыми штампами. Композиции по шейке сосуда включают ямки; на плечиках в верхней части сосудов – узоры в виде лент, которые со-

ставлены из взаимопроникающих косых треугольников, ромбов, «заштрихованных» в разные стороны, горизонтальных линий. Присутствие в орнаментальных композициях взаимопроникающих зон является отличительной чертой В.т.к.

Ареал памятников, содержащих В.т.к. (опубликованы данные приблизительно о 22 объектах), сегодня отмечен на значительной территории Зап. Сибири: в основном – в лесном Прииртышье, Притоболье, Нижнем, Сургутском и Нарымском Приобье, а также на Таймыре и в Томском Приобье. На территории Томской обл. В.т.к. выявлена примерно в 13 памятниках. В Нарымском Приобье: на р. Тым (находки Ланга, местонахождение Родайка, городище Нёготка, селище Протока Напас), р. Васюган (городища Тух-Эмтор, Шаманский Мыс, поселение Берёзовый Остров), р. Шудельке (городище Остяцкий Бор, поселение Мысовая-1), р. Оби (местонахождение Мигалка), р. Парабель (селища Павлово-Парабельское, Белка-2). В Томском Приобье находки В.т.к. единичны: встречены в *Усть-Малокиргизском курганном могильнике*, фиксирующем в настоящее время юго-вост. границу ареала.

Датирование В.т.к. сегодня тесно связано с проблемами периодизации средневековой культуры Нижнего Приобья, где её определяют в пределах кон. 8 – 11 в. Своеобразие В.т.к. позволило *Чиндиной Л.А.* выделить её среди всей одновременной посуды Томской обл. в особую группу 9 – 12 вв. Эти материалы Нарымского Приобья Н.В. Березовская относит к 10 – 13 вв. В целом совр. исследователи определяют время бытования В.т.к. в Томской обл. не ранее 9 и не позднее 13 в.

Мотивы взаимопроникающих треугольников на керамике Зап. Сибири имеют древнее происхождение, уходят корнями в эпохи *неолита*, *энеолита*. Вероятно, В.т.к. генетически связана с автохтонной урало-зап.-сиб. традицией. Этнокультурная принадлежность В.т.к. вызывает споры, отражённые в 2 основных точках зрения. Одни исследователи её носителями называют *хантов* и связывают появление В.т.к. в Томской обл. с их миграциями. При этом массовое, но кратковременное проникновение древнехантыйского населения из сев.-зап. р-нов Зап. Сибири на С. На-

рымского Приобья привело здесь к появлению городищ (Остяцкий Бор, Тух-Эмтор, Нёготка) с В.т.к.

Противоположная точка зрения связывает В.т.к. с аборигенной самодийской традицией. Памятники с В.т.к. рассматриваются как отдельная вожпайская культура 9 – 10 вв., в ней выделяется локальный васюганско-ваховский вариант, генетически близкий *рёлкинской культуре*. Сформировавшись в Ср. Обь-Иртыше, вожпайская культура с васюганско-ваховского течения .Оби распространилась по рекам в приполярные р-ны Зап. Сибири и оттуда – на З. Таймырского Заполярья. Доля В.т.к. среди всей средневековой посуды Нарымского и Томского Приобья сегодня минимальна, но само её присутствие очень значимо для восстановления ист. событий на территории Томской обл.

Лит.: Березовская Н.В. Вожпайские памятники в Нарымском Приобье // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Томск, 1992. С. 95-97; Боброва А.И. Об угро-самодийских контактах в средневековье // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999. С. 19-21; Она же. Павлово-Парабельское селище – новый средневековый памятник Приобья // Материалы по археологии Обь-Иртышья. Сургут, 2001. С. 128-138; Мец Ф.И. Поселение Берёзовый Остров – археологический памятник Васюганского Приобья // Археологические исследования в Среднем Приобье. Томск, 1993. С. 5-25; Плетнёва Л.М. О вожпайской керамике в Томском Приобье // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 283-285; Семёнова В.И. Орнамент вожпайского типа и генезис обско-угорских ленточных узоров // Там же. С. 286-292; Хлобыстин Л.П. Вожпайская культура на Западном Таймыре // Ad polus. Памяти Л.П. Хлобыстина: Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 19-27; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. 340 с.

О.Б. Беликова.

Г

Гребенчато-ямочной керамики культурно-историческая общность, бронзы эпоха. Одна из наиболее консервативных и длительных по времени существования первобытных археологических структур Зап. Сибири. Отчасти это объясняется тем, что на протяжении нескольких веков обитания в тайге носители гребенчато-ямочной керамики выработали оптимальную для региона экономику. Это было комплексное хозяйство присваивающего типа без выраженной специализации. Ареал

общности охватывает все Ср. Приобье, а также локальные территории в низовьях Оби и Таза.

При проблематичной целостности ареала общность отмечена высокой степенью развития материальной культуры. Каменная индустрия едина на всей территории. Это проявляется и в технике первичного раскалывания, и в технике вторичной обработки, и в наборе орудий. Абсолютное преобладание отщепов над пластинами и орудий из отщепов над орудиями из пластин позволяет определить рассматриваемую индустрию как индустрию отщепа. Ретушь являлась основным приёмом вторичной обработки. Шлифованные предметы очень редки. Орудия представлены ножами, наконечниками стрел, скребками. Специфические формы отсутствуют. В наборе орудий характерно преобладание скребков и отсутствие или минимальное число рубящих инструментов. В целом каменная индустрия памятников с гребенчато-ямочной керамикой традиционна на фоне синхронных ей южно-таёжных и лесостепных культур зап.-сиб. региона.

Не исключено, что отсутствие рубящих орудий объясняется внедрением более производительных бронзовых инструментов того же функционального назначения. Обломки тиглей и литейных форм свидетельствуют о наличии местной металлообработки. Судя по находке фрагмента двустворчатой литейной формы, её технологический уровень был достаточно высок.

Домостроительство – один из самых неизученных элементов материальной культуры носителей гребенчато-ямочной керамики. Отсутствие котлованов на абсолютном большинстве раскопанных памятников позволяет предположить наличие наземных жилищ. В этом случае находят объяснение многочисленные хозяйственные ямы, углубления и очаги. К сожалению, они не много говорят о разм., форме и типе жилых построек.

Само название анализируемой общности предполагает единообразие глиняной посуды на всей её территории. Действительно, керамика обнаруживает близость по всем значимым декоративно-морфологическим признакам. Плоскодонные банки – практически единственная разновидность глиняной посуды на всех исследованных памятниках. Обращает на себя внимание близость

как техники нанесения узора (вплоть до размеров и видов штампа), так и общей декоративной схемы. Орнамент украшал всю боковую поверхность сосуда, иногда покрывая дно и закраину венчика. Основной композиционный приём – чередование рядов короткого гребенчатого (реже гладкого) штампа и глубоких, по преимуществу конических ямок – является ведущим на всех памятниках. Иногда пояса гребёнки разделялись простейшими геометрическими фигурами: зигзагами, ромбами с гармонично вписанными в них ямками. Для ряда поселений существенна доля керамики, в традиционной декоративной схеме которой ряды гребенчатых отпечатков замещены поясами гребенчатой качалки.

Просуществовав не одну сотню лет, гребенчато-ямочная керамика при всей своей консервативности не оставалась неизменной. Её эволюция позволяет выделить в ист. развития общности 3 этапа.

Этап ранней гребенчато-ямочной керамики (18 – 15 вв. до н.э.) представлен поселениями на Барсовой горе близ г. Сургута, памятниками в бассейнах рр. Тыма и Васюгана. В это время сказывались традиции позднего *неолита* и *энеолита*. Элементы гребенчато-ямочной схемы внедрялись в обычный для предшествующей эпохи орнамент. По всей видимости, ареал гребенчато-ямочной керамики не выходил за пределы среднетаёжного Приобья и Васюганья.

Этап развитой гребенчато-ямочной керамики (15 – 13 вв. до н.э.) в пределах Томской обл. представлен многочисленными памятниками, включая такие широко известные, как *Самусь-4, поселение* и *Томский могильник*. В это время общность достигает апогея в своем развитии за счёт скачкообразного расширения ареала как в сев., так и в юго-вост. направлениях. Развитая гребенчато-ямочная керамика отличается от предыдущей резким (до 100 %) увеличением доли гребенчато-ямочного типа орнаментации. За счёт введения геометрических мотивов повышается сложность узора, наблюдается расцвет ямочных элементов.

Этап поздней гребенчато-ямочной керамики (12 – 8 вв. до н.э.) характеризуется некоторым сокращением ареала. Хорошо изученные памятники локализовались в среднетаёжных лесах Ср.

Приобья, гранича по рр. Васюгану и Тыму с поселениями *еловской культуры*. Инновации проявились главным образом в орнаментике: за счёт сокращения геометрических мотивов упростилась общая декоративная схема, увеличился удельный вес «ёлочного» расположения штампов, появились новые элементы орнамента – мелкоструйчатые и змейковидные штампы.

Вопрос о происхождении гребенчато-ямочной керамики в Зап. Сибири до сих пор далёк от разрешения. Определяющая роль в её генезисе, по-видимому, принадлежит пришельцам из р-нов, лежащих к Ю.-З. от Ср. Приобья. В обском правобережье и отчасти в Васюганье мигранты столкнулись с населением игрековской культуры (см. в ст. *Энеолит*). В нач. эпохи бронзы (этап ранней гребенчато-ямочной керамики) оно было постепенно ассимилировано пришлыми группами, хотя и оказывало большое влияние на их культуру. Дальнейшая ист. судьба общности определялась внутренней эволюцией культуры, не испытывавшей ощутимых внешних воздействий.

По мнению большинства специалистов, формирование и развитие орнаментальной гребенчато-ямочной традиции на зап.-сиб. территории отражает процесс выделения из уральской языковой семьи протосамодийских этносов. Следовательно, древние насельники Ср. Приобья, оставившие памятники с гребенчато-ямочной керамикой, говорили на самодийском языке, а современные *селькупы* (см. в ст. *Этническая история*) являются их отдалёнными и не совсем прямыми потомками.

Лит.: Васильев Е.А. Гребенчато-ямочная керамика Среднего Приобья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 3-12; Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 268-275.

Е.А. Васильев.

Григоровский Николай Петрович (1830 – 25 апр. 1883, с. Новое Нарымского кр. Томской губ.) – краевед, исследователь Нарымского кр. Работал мл. лесничим Воткинского завода, с 1867 за должностные нарушения был уволен, осуждён и выслан в с. Новое (ныне с. Новоильинка Колпашевского р-на Томской обл.). С 1878 был освобождён от всех последствий административной ссылки, но остался жить в Нарымском кр. Увлёкся про-

светительской деятельностью, выучил язык *селькупов*, составил словарь их языка, плодотворно сотрудничал с Зап.-Сиб. отделом ИРГО. По заданию этого об-ва 1882 совершил экспедицию в Васюганье с целью подробного описания «совершающейся там колонизации», собрал обширный этнографический материал, а также сведения о природе и ист. р-на.

Соч.: Крестьяне-старожилы Нарымского края // Зап. Зап.-Сиб. отдела ИРГО. Омск, 1879. Кн. 1. С. 1-28; Очерки Нарымского края // Там же. 1882. Кн. 4. С. 1-80; Описание Васюганской тундры // Там же. 1884. Кн. 6. С. 1-68.

• Лит.: Рассамахин Ю.К. Комментарий к очеркам Н.П. Григоровского «Крестьянская свадьба», «Мнения и предания о мамонте у нарымских инородцев» // Земля колпашевская. Томск, 2000. С. 267-274; Сколобан И.А. Из истории краеведения Западной Сибири // Отечество: Краеведческий альманах. М., 1995. Вып. 6. С. 22-33.

Ю.К. Рассамахин.

Грязнов Михаил Петрович (31 янв. (13 февр.) 1902, г. Берёзово Тобольской губ. – 18 авг. 1984, Ленинград), из семьи инспектора городского четырёхклассного училища. Археолог, д-р ист. наук, проф. В 1912 – 1919 Г. учился во 2 Томском реальном училище, затем поступил в Томский ун-т на естественное отделение физ.-мат. ф-та. В 1922 переехал в Ленинград и продолжил обучение в Ленинградском ун-те на антропологическом отделении физ.-мат. ф-та. Трудовая деятельность Г. связана с Ин-том истории материальной культуры, Государственным Эрмитажем и ЛГУ. Археологические экспедиции он проводил на Алтае, в Казахстане, Красноярском кр., Иркутской обл. и Туве. Перв. самостоятельные полевые работы Г. связаны с Притомьем: около г. Томска исследованы городище и курганный могильник *Тоянов Городок* (1920, 1924). Г. раскапывал такие всемирно известные памятники, как курган Аржан, Пазырыкские курганы, комплекс у с. Большая Речка. Он автор более 130 работ. Круг науч. интересов Г. связан с проблемами *бронзы эпохи*, формирования ранних кочевников, происхождения раннескифской культуры Центр. Казахстана, Алтая, Тувы, Юж. Сибири. Большое внимание уделял методике полевых исследований и обработки материалов. Им разработан трассологический метод. Воспитал плеяду сов. учёных-археологов – российских, казахстанских и среднеазиатских. Засл. деятель науки РСФСР, лауреат Гос. премии СССР.

Соч.: Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л., 1980. 61 с.; Древнее искусство Алтая Л., 1958. 96 с. (в соавт.); Древняя история племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 48. 161 с.

Лит.: Матюшенко В.И. Сибирская археология в 1940 – 1950-е годы: Учеб. пособие. Омск, 1994. С. 59-65; Плетнёва Л.М. Тоянов Городок (по раскопкам М.П. Грязнова в 1924 году) // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 65-72.

Л.М. Плетнёва.

Д

Дрёмов Владимир Анатольевич (22 дек. 1940, г. Томск – 22 марта 1996, г. Томск) – специалист в обл. изучения коренного населения Сев. Евразии. В 1963 окончил ист. ф-т Новосибирского пед. ин-та, в 1966 – аспирантуру ТГУ. В ПНИЛИАЭС ТГУ беспрерывно возглавлял сектор антропологии. За 30 лет науч. деятельности опубликовал более 60 работ по проблемам этногенеза коренных народов Зап. и Юж. Сибири, впервые определив их таксономическое положение в расовых классификациях. Внёс большой вклад в создание уникальной источниковой базы по краниологии коренных народов Зап. Сибири. Ввёл в науч. оборот краниологические материалы по *хантам, селькупам, чулымцам и томским татарам*, некоторым группам хакасов и алтайцев. Впервые в науке описал их краниологический тип, выявил этногенетические связи. Под руководством Д. проведено более 50 экспедиций по сбору палеоантропологических материалов в р-ны Зап. и Юж. Сибири. Готовил молодые науч. кадры.

Соч.: Древнее население лесостепного Приобья в эпоху бронзы и железа по данным палеоантропологии // Сов. этнография. 1967. № 6. С. 53-66; Антропологические материалы из могильников Усть-Иша и Иткуль: (К вопросу о происхождении неолитического населения Верхнего Приобья) // Палеоантропология Сибири. М., 1980. С. 19-46; Расовая дифференциация угорских и самодийских групп Западной Сибири по данным краниологии // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984. С. 106-132; Об антропологическом составе неолитического населения Новосибирско-Барнаульского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень, 1985. С. 3-16; Материалы по краниологии тюркоязычного населения Томского Приобья: зуштинцы // Антропология и историческая этнография Сибири. Омск, 1990. С. 52-72; Краниология среднеобских хантов // Обские угры: ханты и манси. М., 1991. С. 10-28; Расогенез коренного населения // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1998. Т. 4. 354 с. (в соавт.). Неокончен-

ная книга (выдержки из личного дневника) // Тр. ТОКМ. Томск. Т. 10. С. 192-205.

Лит.: Багашёв А.Н. В.А. Дрёмов и сибирская антропология // Тр. ТОКМ. 2000. Т. 10. С. 186-192; Матющенко В.И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг.: Учеб. пособие. Омск, 1995. С. 70.

М.П. Рыкун.

Дульзон Андрей Петрович (27 янв. 1900, с. Краснополье (Прайс) Новоузенского у. Самарской губ. – 15 янв. 1973, Томск) – лингвист, проф. Род Д. по линии отца происходит из Юж. Франции. Его предки по материнской линии проживали под Кёльном (Германия). Во втор. пол. 18 в. они поселились на Нижней Волге. Ещё во время учёбы в гимназии Д. увлёкся изучением греческого и латинского языков. В 1917 – 1924 Д. работал учителем, зав. детдомом, инструктором уездного отдела народного образования, инспектором Наркомпроса. В 1929 закончил пед. ф-т Саратовского ун-та. В 1930 – 1932 – аспирант Московского науч.-исслед. ин-та языкознания. В 1938 Д. защитил канд., а в 1939 докт. дис. В 1940 был утверждён в учёном звании проф., в 1941 вместе с семьёй оказался в Томске, получив статус спецпереселенца. С 1941 Д. – проф., с 1942 – зав. каф. немецкого языка и общего языкознания ТГПИ. В 1942 был уволен из ин-та и до 1943 работал на Томской ГРЭС. Затем, до посл. дней жизни, преподавал в ТГПИ. С 1945 по 1948 по совместительству – проф. каф. литературы и русского языка ист.-фил. ф-та ТГУ. Занимался изучением германских языков и археологическими изысканиями; исследовал происхождение аборигенных народов Сибири и их языков: *чулымцев* (чулымских тюрков), *селькупов* и кетов. Высказал гипотезу о происхождении чулымско-тюркского языка в результате постепенной тюркизации местного населения – селькупов. Установил, что кетоязычные народы являются наиболее древними из ныне живущих обитателей Ю. и ср. части Зап. Сибири и Красноярского кр.; разработал методику анализа топонимов субстратного происхождения. За монументальный труд «Кетский язык» был удостоен Гос. премии СССР (1971). Основным методом проведения исследований были комплексные экспедиции, в ходе которых, помимо записи лингвистических материалов, велись регистрация и изучение археологических памятников, сбор материалов

по этнографии местного населения. За 30 лет науч. деятельности в Сибири Д. участвовал в организации и работе более 60 экспедиций. Перу Д. принадлежит более 160 опубликованных науч. работ. Он является основателем томской лингвистической школы, получившей признание в стране и за рубежом. Награждён правительственными наградами.

Соч.: Очерки по грамматике кетского языка. Томск, 1964. 218 с.; О методологии историко-сопоставительного изучения неродственных языков // Учён. зап. ТГУ. 1966. № 57. С. 78-87; Кетские сказки. Томск, 1966. 166 с.; Кетский язык. Томск, 1968. 653 с.; Группа енисейских языков // Филол. науки. 1970. № 5. С. 79-85; Кетско-тюркские параллели в области склонения // Сов. тюркология. 1971. № 1. С. 20-26; Этнологическая дифференциация тюрков Сибири // Структура и история тюркских языков. М., 1971. С. 198-208; Прасамодийские форманты глагольного лица // Сов. финно-угроведение. 1972. № 2. С. 139-144; Диалекты и говоры тюрков Чулыма // Сов. тюркология. 1973. № 2. С. 16-29.

Лит.: Андрей Петрович Дульзон (1900 – 1973): Некролог // Народы Азии и Африки. 1973. № 4. С. 155-157; Косарев М.Ф. А.П. Дульзон как археолог // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 233-235; Львова Э.Л. Этнограф и археолог // Сов. учитель. 1983. 28 янв.; Галкина Т.В., Осипова О.А. А.П. Дульзон: К 95-летию со дня рождения. Томск, 1995. 74 с.; Вестн. ТГПУ. 1999. Вып. 4 (12). Сер. гуманитар. науки (филол.). 86 с.; Литвинов А.В. Андрей Петрович Дульзон // Профессора Томского ун-та: Биографический словарь. Томск, 2001. Т. 3. С. 141-145.

А.В. Литвинов.

Е

Еловская культура, бронзы эпоха, 12 – 9 вв. до н.э. Выделена *Косаревым М.Ф.* в 1964 по материалам раскопок Десятовского и Еловского поселений (см. в ст. *Еловский комплекс археологических памятников*). В настоящее время известно свыше 30 памятников, расположенных в основном на обширной территории Томско-Нарымского Приобья. Единичные объекты открыты в Новосибирской обл. и Алтайском кр. В разные годы изучением памятников Е.к. занимались *Матющенко В.И., Косарев М.Ф., Кирюшин Ю.Ф., В.А. Посредников, Ф.И. Мец.* Наиболее яркие материалы выявлены на *Малгете, комплексе археологических памятников*, на комплексах Еловском и Тух-Эмтор.

Е.к. входит в круг т.н. андроновидных культур (черкаскульская, сузгунская, еловская), сложившихся на Ю. зап.-сиб. тайги

путём смешения аборигенного населения с пришлым андроновским. В генезисе Е.к. приняли участие местный компонент, входивший в состав *гребенчато-ямочной керамики культурно-исторической общности* (вероятно, самодийской по языковой принадлежности), и андроновский (фёдоровский) (см. в ст. *Андроновская культурная общность*). Относительно языковой принадлежности посл. есть различные точки зрения – угорская или индоиранская. Е.к. широко представлена поселениями, известны также могильники, и, вероятно, культовые памятники.

Самым массовым материалом при изучении Е.к. является керамика. Выделено 5 групп еловской посуды, из которых 3 отмечены в основном для поселений, 2 – более типичны для погребальных комплексов. В целом для керамики Е.к. характерна баночная и горшковидная форма сосудов и орнаментация гребенчатым или гладким штампом. Орнамент, как правило, заполнял всю боковую поверхность сосуда. Мотивы его могли быть простыми и однообразными («елочка» из оттисков гребёнки, горизонтальные линии), могли иметь и выраженный геометрический характер (узоры; образованные сочетанием треугольников, ромбов, сложных разветвлённых меандров и др.). Отличия между группами керамики могли носить хронологический или локальный характер. Сосуды с богатой геометрической орнаментацией, встречающиеся главным образом в погребениях, могли быть ритуальными.

Население Е.к. вело комплексное хозяйство, значительное место в котором занимали скотоводство и земледелие. В состав стада, судя по костным остаткам, входили лошади, мелкий и крупный рогатый скот. Костяной псалий свидетельствует об использовании лошади в качестве тяглового или верхового животного. Занятия земледелием документируются находками обломков зернотёрок, фрагмента литейной формы серпа или секача, формы для отливки лопаты. Более заметную роль эти отрасли хозяйства играли у той части населения Е.к., которая занимала юж. периферию территории культуры. Здесь были более благоприятные природные условия и более интенсивные связи со скотоводческо-земледельческими группами юж. степей. В более сев. р-

нах, прежде всего в Нарымском Приобье, основу хозяйства составляли охота и рыболовство. Именно оттуда происходят многочисленные серии каменных наконечников стрел, скребков, глиняных рыболовных грузил и др. находки. Комплексный характер хозяйства Е.к. был обусловлен экологической ситуацией лесостепи и предтаёжных р-нов, при которой базировать его лишь на одной отрасли было крайне рискованно.

Высоким уровнем отличилась и металлообработка Е.к. Местные бронзолитейщики умели отливать изделия сложных форм (дротики с прорезным пером, лопаты, некоторые формы кельтов), аналоги которым на соседних территориях пока неизвестны. Жилища Е.к., относящиеся к полужемляночному типу, имели 4-угольную форму и были углублены в землю до 1 м. В их сер. находился очаг из камней, в полу – хозяйственные ямы с костями животных и рыб. В Нарымском Приобье площ. жилищ составляла 20 – 40 м², в Томском Приобье, где было необходимо содержать скот в закрытом помещении, – до 200 м².

Население Е.к. хоронило умерших в неглубоких ямах, в которых изредка прослеживаются следы деревянной обкладки и перекрытия из брёвен, а также следы огня. Зафиксировано несколько случаев сооружения могил прямо на дневной поверхности. Следы надмогильных сооружений нечётки. Как исключение, в Еловском-2 могильнике (см. в ст. *Еловский комплекс археологических памятников*) прослежены 2 трупосожжения и крематорий. Положение умерших в могиле различно: вытянуто, на спине; скорченно, на прав. или лев. боку. Причём для сев. ареала Е.к. характерно положение покойника вытянуто, на спине, а для юж. – на боку (в более древних могилах – на лев., в поздних – на прав.). Преобладает юго-зап. ориентировка погребённых.

Данные о мировоззрении населения Е.к. немногочисленны. Применение огня в погребальном ритуале, наличие в орнаментах керамики мотива креста, свастики говорит о существовании культов, связанных с поклонением солнцу. Находки в могилах черепов и костей лося, изображающая его костяная подвеска свидетельствуют о культе этого животного. Однако неизвестно, каков был характер этого культа – тотемистический или промысло-

вый. Культурные памятники Е.к. (местонахождение Мигалка) связаны с какими-то жертвенными ритуалами заупокойного цикла.

В нач. I тыс. до н.э. Е.к. всё больше и больше испытывает давление инокультурных и, вероятно, иноэтничных сев. групп, которые, в итоге ассимилировали местное население. Одним из результатов этого процесса было сложение новой *молчановской культуры*.

Лит.: Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. *Бронзовый век Васюганья*. Томск, 1979. 182 с.; Косарев М.Ф. *Древние культуры Томско-Нарымского Приобья*. М., 1974. С. 166; Мец Ф.И. *Поселение Берёзовый остров – археологический памятник Васюганского Приобья // Археологические исследования в Среднем Приобье*. Томск, 1993. С. 5-25; Мец Ф.И., Чиндина Л.А. *Местонахождение Мигалка // Материалы и исследования культурно-исторических проблем народов Сибири*. Томск, 1996. С. 163-177; *Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья*: В 20 т. М., 1987. 472 с.

Ф.И. Мец.

Еловский комплекс археологических памятников, бронзы эпоха, раннего железа эпоха (?), средневековье. Находится в окрестностях с. Еловки Кожевниковского р-на Томской обл. Включает несколько древних могильников и поселений, расположенных по лев. берегу обской протоки Симана. Наибольшее культурное и ист. значение среди них имеют Еловский-1 курганный могильник, Еловский-2 могильник и Еловское поселение, в разные годы исследовавшиеся под руководством *Матющенко В.И.* (ТГУ).

Еловский-1 курганный могильник насчитывает 37 курганов, 13 из них раскопаны. Некоторые курганы представляют собой внушительные архитектурные сооружения, диам. их насыпей достигают 25 м, а выс. – 2 м, но преобладают низкие, с расплывшейся насыпью объекты. Основная часть погребений относится к *еловской культуре* эпохи бронзы, но есть и более поздние впускные захоронения носителей *ирменской культуры* этой же эпохи и населения *развитого средневековья*. Под одной насыпью располагалось несколько неглубоких могил, в которых умершие лежали в скорченном положении, на боку или в выпрямленном, на спине. Известны парные погребения. Погребальный инвентарь составляли хорошо выделанные нарядные горшки, в декоре кото-

рых преобладали геометрические мотивы, выполненные гребенчатым штампом. Остальные находки из могил составляют бронзовые украшения и детали одежды (бляшки, пуговицы, подвески, перстни, браслеты, серьги), ножи, каменные и костяные орудия. К числу уникальных предметов относится четырёхугольное бронзовое зеркало.

Еловский-2 могильник представляет собой грандиозное погребальное поле, протянувшееся почти на 1 км. Состоит из нескольких групп невысоких, плохо выраженных в совр. рельефе курганов и грунтовых погребений. Один из наиболее широко исследованных погребальных памятников Сибири: на раскопанной площ. в 15500 м² обнаружено 455 могил. Крупные могильные комплексы, имеющие определённую планиграфическую привязку, относятся к *андроновской культуре*, еловской и ирменской культурам, единичные погребения связаны с *самусьской культурой* и эпохой раннего железа.

Население андроновской культуры хоронило умерших в прямоугольных грунтовых могилах. Труп, размещённый в скорченном положении, на боку, обычно обкладывали брёвнами и перекрывали досками. Известны исключения из общепринятого обряда: трупосожжения, парные захоронения, положение погребённого на спине. Помимо почти обязательного сосуда, как правило, изысканно украшенного «ковровыми» геометрическими узорами, в могилах обнаружены бронзовые ножи и кинжалы, шилья, нашивные бляшки, кольца (одно из них обложено золотом), браслеты, наконечники стрел из кости и бронзы.

Погребения еловской культуры не имеют выраженных насыпей и квалифицируются как грунтовые. Покойника в скорченном на лев. боку положении помещали в неглубокую яму с деревянной обкладкой и перекрывали плахами или жердями. В качестве исключения практиковалось сожжение трупов в специальной крематории с последующим размещением останков в могилах. Погребальный инвентарь в целом повторяет набор вещей, известных в материалах Еловского-1 курганного могильника. Необычны лишь единичные богатые захоронения, где обнаружены

десятки престижных предметов, включая золотую гривну и бронзовую пуговицу, покрытую листовым золотом.

Все курганы могильника относятся к ирменской культуре. Умершего размещали в скорченном положении, на прав. боку и возводили над ним небольшое сооружение из дерновых кирпичей, которые, сливаясь с аналогичными объектами, образовывали общую насыпь. Наряду с этим обрядом практиковалось полное или частичное трупосожжение. Инвентарь в могилах распределялся сравнительно равномерно. Его составляли горшки с традиционным резным орнаментом, а также бронзовые ножи, кольца, браслеты, нашивки, бляшки.

Еловское поселение занимает территорию в 1 га, на которой раскопано около 850 м². Памятник многослойный, но абсолютно большая часть находок относится к еловской и ирменской культурам. На поселении вскрыты остатки 3 больших, углублённых в землю жилищ еловского времени площ. до 200 м², рассчитанных на содержание скота (молодняка?) в зимнее время. В представленной коллекции находок преобладает керамика, которая распадается на 2 группы: нарядные, покрытые геометрическим орнаментом еловские сосуды и ирменские горшки с обеднённым декором. Среди массы каменных, костяных и бронзовых орудий выделяются такие редкости, как бронзовые наконечник копья с прорезными перьями и нож с орнаментированной рукоятью, костяная ложка. Собрана значительная остеологическая коллекция, состоящая из костей диких и домашних животных, в кухонных отбросах зафиксированы чешуя и косточки рыб. На площ. поселения расчищено несколько погребений, предположительно отнесённых к эпохе раннего железа.

В целом Е.к.а.п. образует уникальный культурно-исторический микрорайон, состоящий из ключевых для Зап. Сибири памятников андроновской, еловской и ирменской археологических культур.

Лит.: Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 95-120; Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 3 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 11. 150 с.; Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник I эпохи железа // Тр. ТГУ. 1970. Т. 206. С. 152-174.

Е.А. Васильев.

Енисейских кыргызов культура, средневековье развитое.

Е.к.к. на территории Томской обл. представлена её среднечулымским вариантом, датированным 10 – 13 вв. Он открыт и исследован О.Б. Беликовой (ТГУ) в кон. 1970 – 1990-х по археологическим материалам ср. течения Чулыма, прав. притока Оби. Выявление новой, сев. периферии Е.к.к. значительно расширило её ареал для кон. 1 – нач. 2 тыс., ранее фиксируемый только в Минусинской котловине, Туве, Красноярско-Канском регионе, на Алтае. В Томской обл. Е.к.к. представляют 8 памятников: *Калмакский курганный могильник*, курганные могильники Змеинкинский, Иловско-Чердатский, Ирский, отдельные комплексы в Берегаевском и Иловском, селище Городокское-1, Чердатский клад. Всего раскопано 110 курганов и 4 жилища. Местоположение памятников тяготеет к р-ну устьев Яи и Кии, лев. пр. Чулыма, на коренных террасах которого они и были сооружены. Диаметры исследованных курганов 2 – 7 м, выс. до 1,0 м. Насыпи располагались изолированно друг от друга, не соприкасаясь подошвами.

Среднечулымский вариант Е.к.к. представлен 3 этапами. 1-й этап, 10 – перв. пол. 11 в., отмечен только в Калмакском курганном могильнике. Главное в погребальном обряде этого времени – полное сожжение тела умершего на костре в стороне от места будущего земляного кургана (крематории не обнаружены). В могильную яму помещали лишь небольшую часть мелких обломков кремированных костей (от единичных фрагментов до 50 – 60 ед.) с вещами, не побывавшими в огне. На 2-м этапе (сер. 11 – 12 в.) умерших также полностью сжигали на костре в стороне, но остатки кремации с обожжёнными вещами помещали на площадку древней поверхности, чаще – в деревянные рамы-обкладки, которые сжигали перед сооружением насыпи. На 3-м этапе (13 в.) сохраняли в основном предшествующий ритуал, но применяли ещё полную кремацию на месте захоронения на дневной поверхности и ингумацию в могильные ямы. В могильниках среднечулымского варианта Е.к.к. сооружали «тайники»: скопления вещей, изолированных от останков умершего. В них обязательны миниатюрные железные копии предметов (ножи, тёсла-мотыжки,

кресала, крюки от поножей), служившие оберегами души умершего. Погребения всех этапов содержат предметы быта, конского снаряжения, вооружения, украшения, детали одежды.

Выделено 2 основных компонента среднечулымского варианта Е.к.к. Перв. ярко проявляется в погребально-поминальном обряде, инвентаре; он един с Е.к.к. Минусинской котловины, Тувы. Втор. отражён в керамике широкого ареала. Его сев. границу фиксируют памятники р. Кети, вост. – р. Енисея в р-не г. Красноярска, юго-зап. – Томского и Новосибирского Приобья, юж. – Кузнецкой котловины, Горной Шории.

Среднечулымская археология предоставила значительные возможности для реконструкции ист. событий эпохи средневековья Зап. и Юж. Сибири, соотносимых с косвенными письменными свидетельствами вост. авторов. Появление в 10 в. на землях Ср. Чулыма перв. групп кыргызов и миграции их в этот р-н до кон. 13 в. были вызваны политическими событиями в Центр. Азии и окончанием «эпохи кыргызского великодержавия». О масштабах миграции говорят реконструированные данные: в 10 – 13 в. в 4 эталонных могильниках среднечулымского варианта Е.к.к. захоронены останки приблизительно 390 человек. Кыргызские женщины участвовали на самом перв. этапе миграции. В 11 – 13 вв. существовали брачные контакты мужчин-кыргызов с местными женщинами.

В монгольское время среднечулымские земли кыргызов, возможно, были включены в состав владений монгольской империи Юань (1260 – 1368). Об этом позволяет судить Чердатский клад (втор. пол. 13 – перв. пол. 14 в.), состоящий из пиршественной и ритуальной посуды (9 серебряных чаш и кубков на поддоне), кольца и обломка зеркала из металла. Вероятно, этот комплекс вещей происходит из разрушенного погребения. Владельцем вещей был богатый человек, высокий социальный статус которого обуславливался принадлежностью к приверженцам буддизма: на дно одной чаши нанесён перв. знак его молитвенной формулы «ом мани падме хум». Для территории Томской обл. это самый архаичный буддийский символ и единственная буддийская надпись эпохи развитого средневековья. Не исключено, что Чер-

датский клад связан с военными поселенцами на Ср. Чулыме. После разгрома енисейских кыргызов в 1293 юаньским полководцем Тутухой на завоёванные земли стали перемещать семьи, верные Юаньской империи, в которой буддизм был гос. религией. Исследование языка чулымских тюрков допускает, что их предки, среди которых предполагаются и среднечулымские кыргызы, контактировали в 13 – 14 вв. с монголами.

Длительному пребыванию кыргызов в Ср. Причулымье, занимающем пограничный р-н между зоной юж. тайги и зоной лиственных лесов, способствовал экологический фактор. Природно-климатические условия благоприятствовали ведению комплексного хозяйства и, следовательно, адаптации традиционного хозяйственного уклада мигрантов. Население Е.к.к. Ср. Причулымья занималось скотоводством с преобладанием коневодства и земледелием, вероятно пашенным. Было широко распространено кузнечное дело, но его невысокий уровень, скорее всего, определялся отдалённостью от основных центров металлургии и металлообработки Юж. Сибири. Совр. источники не фиксируют чёткой преемственности между могильниками среднечулымского варианта Е.к.к. и археологическими памятниками чулымских тюрков, но и отрицать её тоже нельзя. Судьба сев. группы кыргызов после 13 в. в настоящее время археологически чётко не прослеживается.

Лит.: Беликова О.Б. О длительности пребывания кыргызов на Среднем Чулыме // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 13-19; Она же. Среднее Причулымье в X – XIII вв. Томск, 1996. 272 с.

О.Б. Беликова.

Ж

Железный век см. Раннего железа эпоха и Средневековье.

И

Игрековский Остров-1, стоянка (Игрековская стоянка, Игреково-1), энеолит. Расположена на останце, возвышающемся на широкой правобережной пойме р. Оби у оз. Звезда в Молча-

новском р-не Томской обл. Местное название останца – Игрековский о-в. Памятник открыл в 1970 *Матющенко В.И.*, исследовала в 1972 Г.В. Синицина (ТГУ). Обнаружено свыше 220 каменных предметов, среди которых выделяются иволистной формы накопечники стрел, топоры, долота, скребки, ножи, точила, и керамическая коллекция, представленная плоскодонными баночными сосудами. Орнамент на них нанесён оттисками палочки или гребенчатого штампа. Интересен фрагмент сосуда с зооморфным изображением (медведь или соболь). Материалы стоянки послужили основой для выделения игрековского типа памятников, или, по мнению некоторых исследователей, игрековской культуры (см. в ст. *Энеолит*), которая датируется перв. четв. 2 тыс. до н.э.

Лит: Васильев Е.А., Мец Ф.И. Памятники игрековского типа в Среднем Приобье // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1991. С. 35-38; Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.; Синицина Г.В. Игреково-1 – памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л., 1986. С. 100-108.

Ф.И. Мец.

Ирменская культура, бронзы эпоха, 10 – 8 вв. до н.э. Выделена Н.Л. Членовой в 1955. И.к. названа по поселению Ирмень-1 (Новосибирская обл.), является одной из наиболее изученных археологических культур Зап. Сибири. В нач. 1 тыс. до н.э. носители И.к. занимали обширные пространства зап.-сиб. лесостепи к В. от Иртыша. Самые сев. их группы освоили юж. р-ны Томской обл., где в условиях залесённых ландшафтов сформировался своеобразный локальный вариант И.к. Следы пребывания ирменцев фиксируются во многих местах Томского Приобья, но региональные культурные центры располагались в устье р. Большой Киргизки, а также на берегу обской протоки Симан. Здесь обнаружены и частично раскопаны остатки крупных богатых посёлков с мощным культурным слоем, которые известны на археологических картах как *Чекист, поселение* и *Еловское поселение*. Рядом с посл. исследован обширный Еловский-2 могильник (см. в ст. *Еловский комплекс археологических памятников*).

Ирменцы были искусными гончарами, косторезами, владели секретами бронзолитейного производства, умели шлифовать и сверлить камень. Мастера по выделке керамики вручную, способом ленточного налёпа, они изготавливали изящные, разнообраз-

ные по форме, разм., пропорциям горшки, украшая их в верхней части резным геометрическим орнаментом. О местной металлообработке свидетельствуют ошлакованные фрагменты тиглей, обломки литейных форм и шишек. Посвящённые мужчины владели самыми высокими технологиями эпохи бронзы. Они отливали топоры-кельты, наконечники копий, трёхлопастные наконечники стрел, ножи. Посл. по разм. и форме значительно отличаются друг от друга. По общим признакам ножи напоминают аналогичные изделия со слабоизогнутым обушком из Юж. Сибири (карасукской археологической культуры). На поселениях и могильниках найдены десятки шильев и проколов. Некоторые изделия составные: бронзовые стержни вставлены и закреплены с помощью деревянных клиньев в торцах костяных рукояток. Остальные проколки и иглы сделаны из различных костей, рабочие концы их заточены и заполированы. Из кости и рога изготавливались не только проколки. Особой тщательностью отделки отличаются элементы костюма (застёжки, пряжки), наконечники стрел, панцирные пластины. В качестве украшений или оберегов носили ожерелья из рыбьих позвонков и сверлёных каменных бусин, бронзовые височные кольца, пронизки, браслеты.

Решающая роль в экономике ирменцев принадлежала скотоводству. Их стада, находившиеся большую часть года на вольном выпасе, состояли из овец, коз, коров, лошадей. Коней разводили не только на мясо, но и использовали для верховой езды. На лёгких пойменных землях возделывали злаки, которые размалывались мощными каменными пестами. С помощью лука и стрел, а возможно, и ловушек охотились на диких животных, как с целью получения мяса (лось, косуля), так и ценного меха (лиса, соболь, куница). В реках ловили рыбу. Предпочтение отдавалось её крупным видам (осётр, стерлядь, нельма, таймень, щука, язь), которых добывали не только сетями, но и с помощью специальных гарпунов.

Представления ирменцев о мире, природе и человеке преломлялись через систему определённых ритуалов. Ушедших в иной мир соплеменников хоронили в могильниках, расположенных рядом с поселениями. Над умершими и погибшими насыпа-

ли курганы, снабжали покойников погребальной пищей в горшках и необходимыми вещами. Сравнительно равномерное распределение инвентаря в могилах позволяет предполагать, что в ирменском об-ве процессы имущественного и социального расслоения только набирали силу.

Антропологи описывают ирменцев как представителей европеоидной расы. Они были потомками населения андроновской культуры (см. *Андроновская культурная общность*) и, очевидно, наследовали не только трансформированную временем и контактами с соседями культуру, но и ираноязычность. Наиболее существенные инновации были привнесены с В., из ареала карасукской культуры, которая оказала огромное влияние на культуру негез Сев. Евразии накануне *раннего железа эпохи*.

Лит.: Косарев М.Ф. *Бронзовый век Западной Сибири*. М., 1981. С. 172-180; Матющенко В.И. *Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)*. Ч. 4 // ИИС. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.

Е.А. Васильев.

История археологического исследования Томской обл.
см. *Археологическое исследование Томской обл., история*.

К

Календарная обрядность русских впитала в себя древние народные и христианские традиции и определялась сменой времён года, сезонными чередованиями труда и отдыха крестьянина-земледельца. Эти традиции сформировались в Европейской России и устойчиво сохранялись в Сибири с некоторой корректировкой весенне-осенних сезонов.

В зимние праздники славили Рождество Спасителя и отмечали зимний солнцеворот, когда начинал прибывать световой день. Поэтому Святки, от Рождества до Крещения, включая Новый год, сопровождались гаданиями, колядованием – обходом домов с пожеланием благополучия, ряжением, т.е. обрядами, направленными на обеспечение будущего урожая и плодородия всего сущего, включая и самого человека. Со временем эти обряды перешли в разряд молодёжных и детских развлечений. Рождество было престольным праздником в сс. Мельникове, Рыбалове, Осинниках и др. томских селениях; Крещение в сс. Богород-

ском, Воронове, Иглакове, Нелюбине, Спасском и др. Накануне рождественско-крещенских праздников соблюдали строгий пост – сочельник. Крещенская обрядность была наиболее яркая: со- оружали прорубь-Иордань в форме креста, священник святил в ней воду, все запасались святой водой, умывались, а некоторые купались в проруби для смывания грехов. Святой водой умывали и поили больных, обрызгивали весь дом и скот, а на косяках двe- рей и окон ставили углём кресты для защиты от всякой нечисти.

Перв. весенним праздником была масленица. Её сроки оп- ределялись по передвижной части календаря в зависимости от Пасхи, от которой она отстояла на 7 недель Великого поста. Пас- ха же была после перв. весеннего новолуния, в перв. воскресенье. Основные элементы празднования масленицы – это обилие жир- ной, но не мясной пищи, особенно блинов; катание с ледяных го- рок и на лошадях; чествование молодожёнов; взятие снежного городка и Прощёное воскресенье. Обряды и приметы, связанные с ожиданием и встречей весны, вплетались во все рубежи народ- ного календаря, начиная со Сретенья (15 февр.), которое тракто- валось как перв. встреча весны с зимой, а также на Евдокию веш- нюю (14 марта) и особенно на «Сороки» (22 марта), когда пекли «жаворонков» и закликали весну. С Благовещения (7 апр.) отсчи- тывали посл. сорок холодных утренников. Вербное воскресенье приносило перв. цветы. На Пасху праздновали не только воскре- сение Христа, но и любовались переливами-«игрой» солнца, на- чинались, если позволяла погода, весенние гулянья молодежи – качели, хороводы, игры спортивного типа (городки, лапта, жмур- ки и пр.). От Пасхи сохраняли скорлупу крашенных яиц и крошки от кулича, добавляя их в зерно для удачного посева.

Егорьев день (6 мая), Еремей-запрягальник (14 мая) и Нико- ла вешний (22 мая) были сигналом для весенних работ: выгона скота на пастбище, пахоты и сева. Христианские святые были сво- его рода помощниками и покровителями в крестьянском труде, особенно почитался Николай-угодник. Никола вешний и зимний были престольными праздниками в сс. Губине, Орле, Подобе, Се- милужках, Уртаме и др.

Троица (на 50-й день после Пасхи) открывала летний период К.о., связанный с почитанием молодой зелени: берёзками украшали дома, завивали венки, гадали, выходили всем селом на гулянье в лес на поляну или на берег реки. Троица была престольным праздником в сс. Гынгазове, Кожевникове, Мельникове, Малышеве, Севере, Уртаме и др. Иванов день, или Иван Купала (7 июля), отмечал летний солнцеворот и был насыщен очистительными обрядами с кострами, купанием и обливанием, добыванием с помощью трения «чистого огня». В это время полного расцвета природы искали цветущий папоротник, собирали целебные травы и даже заготавливали веники для бани. Макушка лета – петровки; Петров день (12 июля) – был перв. сигналом о скором окончании лета: «Пётр и Павел час убавил». Петров день был престольным праздником в сс. Батурина Томского р-на, Вершинине, Десятове, Колпашеве, Петропавловке и др.

Грозный Илья-пророк (2 авг.) заканчивал купальный сезон и лето, пугая грозами, и как бы следил за соблюдением традиций, наказывая за непочтение. В этот день, как и в др. большие праздники, работать считалось за грех. Ильин день был престольным праздником в сс. Иглакове, Позднякове, Осинниках и др. Августовские Спасы, Преображение и Успение давали возможность вкусить плоды своего труда: освящали перв. овощи, мёд, орехи и главную пищу – хлеб нового урожая. При жатве оставляли горсть колосков или сноп в качестве благодарной жертвы. Улетающие птицы и др. приметы, особенно на Семёнов день (14 сент.), извещали о приближении зимы и торопили с окончанием сельскохозяйственных работ, которые нужно было закончить к Воздвижению (27 сент.). С Покрова (14 окт.) ожидали перв. снежного покрова, начинались зимние заботы и развлечения – молодёжные вечерки и посиделки, играли свадьбы. Покров был престольным праздником в сс. Астальцеве, Батурина, Белобородове, Новиковке, Покровках.

Михайлов день, Введение, Егорий осенний и Никола зимний, отмечаемые в нояб. – дек., служили рубежами новой зимы в вечном круговороте природы и были связаны с заботами о санном пути, зимними ярмарками, престольными праздниками и Рождественским постом. Михайлов день (21 нояб.) был пре-

льным праздником в сс. Анастасьевке, Вороно-Пашне, Нелюбино, Успенке; Введение (4 дек.) – в сс. Ярском, Вершинине и др.

Календарные обряды, повторяясь из года в год, приобщали новые поколения к хозяйственной и общественной жизни, способствовали созданию новых семей и преемственности поколений. Важную роль играла традиция престольных праздников (обычно один – зимой, один – летом для конкретного села), когда собирались жители не только одного, но и многих окрестных селений. Совместные праздники способствовали более тесному общению сельчан, что было немаловажным при заселении новой сиб. территории.

См. также: *Традиционное мировоззрение.*

Лит.: Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 224 с.; Двенадцать месяцев: Народный календарь. Обрядовые блюда. Томск, 1998. 29 с.; Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. 18 – пер. пол. 19 в. М., 1991. 225 с.

П.Е. Бардина.

Калмакский курганный могильник, средневековые развитое, 10 – 13 вв., Ср. Причулымье. К.к.м. расположен в 2,5 км к Ю.-З. от д. Калмаки Первомайского р-на Томской обл., вниз по течению р. Чулыма, на его прав. надпойменной террасе, граничащей на этом отрезке с Калмакской курьей. Перв. сведения о К.к.м. получил в 1940 Н.А. Чернышёв (ТОКМ), в 1974 его обследовал *Дрёмов В.А.* (ТГУ). В 1984, 1986 – 1987, 1990 – 1991 раскопки К.к.м. проводила О.Б. Беликова (ТГУ). Ею исследовано 30 курганных комплексов, включающих курганы, околокурганные ямы и пространства между курганами. Могильник занимает террасный мыс подпрямоугольной формы с хорошо выраженными гривами и ложбинами. На площ. около 42000 м² насчитывалось 184 земляных кургана (в 6 группах) округлых и овальных очертаний, диам. от 2,5 до 8 м и выс. 0,25 – 1,5 м. Возле них прослеживались ямы, из которых брался грунт для сооружения насыпи. В 1991 при расширении дороги местными жителями уничтожено 3 кургана.

Выделено 3 последовательных этапа в развитии культуры населения, оставившего могильник: 10 – перв. пол. 11 в.; сер. 11 – 12 в.; 13 в. Их характеристика соответствует основному содержа-

нию этапов среднечулымского варианта *енисейских кыргызов культуры*, эталонным памятником которого и является К.к.м. Отличительная черта погребально-поминального обряда – полная кремация умершего человека вне пределов территории могильника. В 10 – перв. пол. 11 в. остатки сожжения помещали под курганами в ямы глуб. в основном около 0,2 – 0,4 м. В сер. 11 – 12 и 13 в. их располагали также под курганами, но на площадке древней дневной поверхности, внутри обугленной деревянной рамы-обкладки. Для сер. 11 – 13 в. отмечены очень редкие для Азии сопроводительные захоронения лошадей по типу полной кремации на стороне. В погребениях найдены бытовые предметы, конское снаряжение, вооружение, украшения, аксессуары одежды, миниатюрные модели ножей, тёсел-мотыжек, кресал. Найдена бронзовая китайская монета, выпущенная в 1004 – 1007 династией Сев. Сун. На основе находок 2 железных наконечников рала или сохи предполагается занятие пашенным земледелием населения Причулымья уже в 10 – 11 вв.

Лит.: Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X – XIII вв. Томск, 1996. 272 с.; Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. С. 48. № 933.

О.Б. Беликова.

Каменный век см. *Камня эпоха*.

Камня эпоха – древнейший период в ист. человечества. На территории Томской обл. представлен археологическими памятниками *палеолита, неолита*.

Карбинское-1 городище, раннего железа эпоха, 5 – 3 вв. до н.э. Расположено на мысу надпойменной террасы, на протоке Карбинская Анга, на лев. берегу р. Кети, примерно в 40 км к В. от р.ц. Белый Яр Верхнекетского р-на Томской обл. Открыто в 1982 Г.И. Гребневой. К.-1г. обследовалось и раскапывалось Я.А. Яковлевым в 1986, 1987 (ТГУ) и в 1991 – 1993 (ТГОИАМ). Площадь раскопа 1116 м². Памятник состоит из укрепленного и неукрепленного участков. Перв. представляет собой 2 небольшие площадки на длинном и узком языке мыса, отсечённых фортификацией от остальной части берега. Втор. – 9 западин от построек у основания мыса, снаружи от линии обороны. Скорее всего, изначально фортификационные элементы отсутствовали и возникли

уже на этапе существования поселения и потом несколько раз обновлялись. Раскопками полностью вскрыта укрепленная часть и все элементы фортификации, а также 3 жилища и пространство между ними на неукрепленной площадке.

В систему обороны, пересекавшей поперечно мыс, входили 4 рва и 1 вал. 2 рва слегка дугообразной формы служили внешними элементами защиты. К внутренней стенке 2-го рва примыкал вал. 3-й ров отделял одну укрепленную площадку от другой и имел максимальные для оборонительной системы памятника разм.: шир. 6,8 – 8,0 м и глуб. 1,2 – 1,4 м. 4-й ров располагался в острове мыса, уровень которого лежал более чем на 5 м ниже вала.

Главным назначением обеих укрепленных площадок было их использование для цветной металлообработки. Ее многочисленные и разнообразные следы – бронзолитейные объекты, сотни обломков тиглей и фрагментов теплотехнической керамики, обожженные обломки камней и т.д. – представляют сегодня К.-Iг. крупнейшим металлургическим центром Ср. Приобья. Характер и условия обнаружения некоторых находок, в т.ч. культовой металлопластики, позволяют считать укрепленную часть памятника и культовым местом. Обернутые берестой либо шкурой животного изделия из бронзы, очевидно в качестве подношений, закапывались в неглубокие ямки.

Жизнь обитателей посёлка протекала на неукрепленной площадке. Раскопанные жилые и хозяйственные постройки были наземными или слегка углубленными в землю, имели подпрямоугольные очертания и небольшие размеры – от 2,6 x 3,5 м до 3,4 x 4,8 м. Коллекция с памятника содержит в себе предметы быта, хозяйственной деятельности, вооружения, культовую атрибутику, украшения. Своеобразие К.-Iг. – необычно сильное влияние культур скифо-сибирского типа в столь высоких широтах. Бронзовая металлопластика, украшения (особенно предметы поясной и ременной гарнитуры), предметы вооружения входят в круг изделий Центр. Азии, Вост. Казахстана, Юж. Сибири, Алтая. Плоскодонные банки и горшки с обедненным декором более близки посуде лесостепного и степного пояса Евразии, нежели одновременной кулайской керамике Приобья (см. в ст. *Кулайская куль-*

тура). Некоторая часть орнаментальных композиций находит прямые аналогии в керамике тагарской культуры (см. в ст. *Раннего железа эпоха*), посуде бронзы эпохи из Ср. Азии. В то же время др. характеристики глиняной посуды К.-1г. сближают её с одновременными материалами зап.-сиб. региона, как и наличие в коллекции кулайских наконечников стрел и художественных бронз.

К.-1г. впервые со всей очевидностью выявило далёкое проникновение на С. в 5 – 3 вв. до н.э. населения, скифского по своему культурному облику, первоначальный период его адаптации в лесной зоне, а также форму и механизм его участия в формировании кулайской и последующих средневековых археологических культур Зап. Сибири.

Лит.: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск, 1995. С. 327-328; Яковлев Я.А. Карбинское городище I – памятник раннего железного века Среднего Приобья // Жилища народов Западной Сибири. Томск, 1991. С. 115-142; Он же. Новые находки скифо-сибирской металлопластики в Нарымском Приобье // История и культура Томской области. Томск, 1998. С. 39-48.

Я.А. Яковлев.

Ким Александра Аркадьевна (р. 10 нояб. 1952, г. Томск) – филолог, проф. В 1975 закончила ф-т иностранных языков ТГПИ. С 1977 по 1995 – на каф. немецкого языка, с 1994 – зав. каф. немецкого языка, с 1997 – зав. каф. лингвистики. В 1988 защитила канд. дис. С 1992 по 1995 заведовала лабораторией языков народов Сибири. Осуществила 9 экспедиций к аборигенам Сибири (*селькупы, ханты, эвенки*) в Томской обл.; 2 экспедиции к индейцам кри в Канаде. В 1999 защитила докт. дис. Основное направление исследований – этнолингвистика, реконструкция картины мира на основе культовой лексики селькупов.

Соч.: Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 220 с.; Селькупская культовая лексика как этнолингвистический источник: проблема реконструкции картины мира. Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1999. 41 с.

Н.А. Тучкова.

Ким Аркадий Романович (2 февр. 1946, г. Ангрэн Ташкентской обл. – 6 мая 1993, г. Барнаул) – антрополог, канд. ист. наук. Закончил ист.-фил. ф-т ТГУ в 1974, с 1970 работал в

ПНИЛИАЭС ТГУ, с 1988 – в Алтайском гос. ун-те, где был дир. Ин-та гуманитарных исследований. Разрабатывал проблемы расовой классификации и происхождения коренных народов Зап. и Юж. Сибири; занимаясь изучением населения сев. предгорий Алтая, выделил своеобразный сев.-алтайский антропологический вариант, занимающий самостоятельное таксономическое положение в расовой классификации народов Сибири. Провёл более 30 собственных антропологических экспедиций в различные р-ны Томской, Кемеровской, Новосибирской, Омской обл., Алтайского, Красноярского кр., в которых собирал ценные антропологические, этнографические, археологические сведения.

Соч.: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 29-57, 84-94, 270-286, 328-331; Материалы к краниологии кызыльцев // Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск, 1978. С. 208-216; Материалы к краниологии телеутов // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 151-163; Материалы по краниологии шорцев и кумандинцев // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 180-195; Антропологический состав и вопросы происхождения коренного населения северных предгорий Алтая: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 17 с.; Антропологический состав населения Барабы в позднем средневековье // Бараба в эпоху средневековья. Новосибирск, 1990. С. 249-260.

Лит.: Боброва А.И., Рыкун М.П. Штрихи к биографии (памяти А.Р. Кима) // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 29-45; Археология, антропология и этнография Сибири: Сб., посвящённый памяти антрополога А.Р. Кима. Барнаул, 1996. 263 с.

М.П. Рыкун.

Кирюшин Юрий Федорович (р. 13 янв. 1946, г. Бердск Новосибирской обл.), из семьи строителей. Археолог, историк, д-р ист. наук, проф. (1990), специалист по проблемам *неолита, энеолита, бронзы эпохи и раннего железа эпохи* Зап. Сибири и Алтая. Окончил ист.-фил. ф-т ТГУ (1969), в котором работал зав. Музеем археологии и этнографии Сибири (1969), мл. науч. сотр. ПНИЛИАЭС (1970 – 1977). Защитил канд. дис. «Бронзовый век Васюганья» (1977). С 1977 и по настоящее время К. живет в г. Барнауле, где его профессиональная деятельность связана с Алтайским гос. ун-том (АГУ). Здесь он работал ст. преподавателем, доцентом, ст. науч. сотр. каф. истории СССР (1977 – 1985), зав. каф. и проф. археологии, этнографии и источниковедения (с 1988 по настоящее время), проректором по науч. работе (1991 – 1996).

В 1978 К. создал науч.-исслед. лабораторию археологии и этнографии Алтая, вошедшую в 1991 в состав открытого в АГУ НИИ гуманитарных исследований, науч. руководителем которого стал К. Зав. Барнаульской лабораторией археологии Юж. Сибири Ин-та археологии и этнографии СО РАН (с 1993 по настоящее время). Защитил докт. дис. «Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья» (1987). С 1997 по настоящее время К. – ректор АГУ, председатель совета учредителей Алтайского научно-образовательного комплекса. К. является науч. консультантом и руководителем докт. и канд. дис.

В Томской обл. К. исследовал на р. Васюган комплексы археологических памятников Тух-Эмтор и Тух-Сигат, содержащие материалы *еловской культуры, молчановской культуры, кулайской культуры, рёлкинской культуры*. На Алтае им раскопаны комплексы памятников на оз. Иткуль и на р. Катунь. Автор более 230 публикаций, в т.ч. 5 монографий. К. – чл.-корр. СО Международной академии наук высшей школы (1993), действ. член Академии гуманитарных наук (1997), действ. член РАЕН (2001). Награждён нагрудным знаком «Почётный работник высшего профессионального образования России» (1998).

Соч.: *Бронзовый век Васюганья*. Томск, 1979. 182 с. (в соавт.); *Археология Нижнетыткескенской пещеры I (Алтай)*. Барнаул, 1995. 151 с. (в соавт.); *Очерки культурогенеза народов Западной Сибири*. Т. 1: *Поселения и жилища*. Кн. 1. Ч. 1. Томск, 1994. 287 с. (в соавт.); *Скифская эпоха Горного Алтая*. Ч. 1: *Культура населения в раннескифское время*. Барнаул, 1997. 232 с. (в соавт.); *Древнейшие могильники северных предгорий Алтая*. Барнаул, 2000. 117 с. (в соавт.).

Лит.: Матющенко В.И. *Археология Сибири 1960 – начала 1990 гг. Процессы развития: Учеб. пособие*. Омск, 1995. С. 52; Профессор Ю.Ф. Кирюшин: *Библиография науч. тр.* Барнаул, 1996. 30 с.

О.Б. Беликова, Ф.И. Мец.

Косарев Михаил Федорович (р. 3 дек. 1931, д. Ярок Карасукского р-на Алтайского кр. (ныне – Новосибирская обл.). Археолог, вед. науч. сотр. Ин-та археологии РАН (Москва), д-р ист. наук, проф. В 1954 закончил ист.-фил. ф-т ТГУ, затем в течение 5 лет работал в системе народного образования в Новосибирской обл. В 1962 завершил обучение в аспирантуре Ин-та археологии РАН и через год был зачислен в его штат. В 1964 защитил канд.

дис., а в 1976 – докт. дис. «Бронзовый век Западной Сибири». С 1981 – руководитель группы урало-сиб. археологии, в 1989 – 1994 – зав. отделом каменного и бронзового веков.

В 1950 – 60-е К. производил археологические работы в Томской обл.: вёл раскопки на Десятовском поселении, Новокусковской и Лавровской стоянках, городище Шеломок-1, участвовал в раскопках Парабельского культового места, Самусьского могильника и *Самусь-4, поселения*. Автор более 150 науч. работ, в т.ч. нескольких монографий. Разработал целостную концепцию древней ист. Зап. Сибири: выделил факторы и этапы культурной и хозяйственной эволюции, систематизировал археологические культуры в рамках широких этнокультурных ареалов, определил особенности взаимодействия человека и природной среды в первобытную эпоху, предложил реконструкцию социальной структуры и мировоззрения древнего населения региона. Сторонник и яркий представитель палеоэтнографического подхода к изучению прошлого Зап. Сибири.

Соч.: Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 216 с.; Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.; Западная Сибирь в древности. М., 1984. 246 с.; Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. 302 с.; Из древней истории Западной Сибири: Общая историко-культурная концепция // Российский этнограф. М., 1993. Вып. 4. 283 с.

Лит.: Матющенко В.И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Процессы развития: Учеб. пособие. Омск, 1995. С. 81.

Е.А. Васильев.

Костров Николай Алексеевич (1823, Орловская губ. – 25 апр. 1881, г. Томск), чиновник, исследователь Сибири. Из семьи офицера, мелкопоместного землевладельца Псковской губ.; из старинного, но захудалого княжеского рода, родоначальник которого, казанский мурза, был впервые упомянут в документах 1550. Окончил юридический ф-т Московского ун-та, в 1844 поступил на гос. службу в межевую канцелярию в качестве канцелярского служителя. В 1846 по личному прошению переведён в канцелярию общего губ. правления Енисейской губ., в 1855 определён в должности нач. Минусинского округа, в 1858 – советника Енисейского губ. суда. В 1861 переведён в Томск чиновником особых поручений губ. управления, дослужился до чина

статского советника, с 1866 – секретарь Томского губ. статистического ком.

С молодости занимался сбором и публикацией материалов по этнографии, фольклору, географии, экономике, обычному праву, статистике, ист. Использовал для этого личные наблюдения, работал с архивными документами, трудами учёных и путешественников по Сибири. Опубликовал свыше 130 работ, много статей о Томске и губ. опубликовано в «Томских губ. ведомостях». Состоял членом ИРГО, Сиб., а затем Зап.-Сиб. отдела ИРГО, Киевского юридического об-ва. В 1878 удостоен малой золотой медали ИРГО «за многолетние труды по изучению народного юридического быта». Был награждён также орденами Св. Владимира 4 и 3 ст., Св. Анны 2 ст., Св. Станислава 2 ст.

Соч.: Туруханский Троицкий монастырь // Москвитянин. М., 1852. № 8, кн. 2. С. 127-134; Качинские татары. Казань, 1852. 66 с.; Город Минусинск // Зап. Сиб. отдела ИРГО. 1856. Кн. 2. С. 10-15; Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск, 1886. 117 с.; Путешествие по Томской губернии Великого князя Владимира Александровича в июне и июле месяцах 1868 г. Томск, 1869. 80 с.; Нарымский край. Томск, 1872. 96 с.; Каинская Бараба. Томск, 1874. 69 с.; Торговые сношения Томской губернии с Монголией. Томск, 1876. 13 с.; Юридические обычаи крестьян-старожилов Томской губернии. Томск, 1876. 117 с.; Очерки юридического быта якутов. СПб., 1878. 43 с.; Образцы народной литературы самоедов. Томск, 1882. 36 с.

Лит.: Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Тр. ТОКМ. 2000. С. 35-47; Князь Николай Алексеевич Костров (некролог) // Сиб. газета. 1881. 17 мая; Костров Н.А. // Русский биографический словарь (Кнаппе-Кюхельбекер). СПб., 1903. С. 321; Костров Н.А. // Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов русских писателей и писательниц. Вып. 1. М., 1903. С. 32-35; Костров Н.А. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 962-963.

Н.М. Дмитриенко.

Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович (1851, Минусинский окр. Енисейской губ. – 13 янв. 1916, г. Томск), учёный-краевед, исследователь Сибири, путешественник, меценат. Выходец из семьи крупных красноярских купцов, золотопромышленников и меценатов. Образование получил в частной гимназии в Петербурге, позже – вольнослушателем на медицинском ф-те Томского ун-та (1888 – 1891). Многие годы К. прожил в Томске. Круг интересов и занятий К. разнообразен: семейный

бизнес, общественная, науч. (полевая и кабинетная) деятельность, археология и ист. Сибири, а также путешествия, коллекционирование древностей, поиск ист. документов, публикация источников, формирование музейных собраний, рыбаоразведение, астрономические наблюдения.

Известность в сиб. археологии К. заслужил после ряда совместных с И.Т. Савенковым и самостоятельных раскопок в Минусинской котловине. По мнению Н.М. Ядринцева, они отличались достаточно высоким для того времени науч. уровнем. Не претендуя на глубокие обобщения, К. предпринял попытку собственной классификации минусинских курганов, внедрил новые принципы в традиционные приёмы предшественников, высказал справедливые суждения о постепенном переходе от бронзового инвентаря к железному. В то же время он не избежал отдельных заблуждений. Значительна роль К. в деле накопления и сохранения ист. источников самого широкого хронологического диапазона. Собрал великолепные археологические коллекции минусинских древностей, коллекцию оружия, этнографические, ист. и художественные предметы, уникальные документы 17 – 19 вв. Из путешествия по Сев. Америке привёз прекрасную коллекцию предметов материальной и духовной культуры и фотографий индейцев прерий, а из Скандинавии – подборку древних и средневековых художественных бронз. Собранными и приобретёнными раритетами К. щедро делился с музеями Красноярска, Минусинска и Археологическим музеем Томского ун-та. В последний им было передано свыше 700 предметов, среди которых – индейская и скандинавская коллекции. После смерти К. все собрания, в числе 1722 предметов, также поступили в музей Томского ун-та.

К. издал несколькими книгами крупные подборки сиб. ист. документов, отдельными изданиями вышли и результаты его археологических и ист. изысканий. Наряду с изданными рукописями (около 20) имеются неопубликованные – по ист. Сибири и приисковой жизни. Помимо своих работ, К. было профинансировано издание трудов В.А. Ватина и Д.А. Клеменца.

Науч. деятельность К. была отмечена именными наградными знаками ИРГО и его Вост.-Сиб. отдела по случаю их 50-

летних юбилеев (1895, 1901). Сферы общественной жизни К. почти не нашли освещения. Помимо членства в упомянутых обществах, состоял в томском Об-ве попечения о начальном образовании, которое поддерживал финансово и деятельным участием. Входил в его совет и комиссию по созданию музея прикладных знаний, участвовал в организации и проведении этнографических выставок. В Красноярске К. являлся почётным смотрителем уездного училища и гласным городской думы, участвовал в создании частной типографии, учреждении газет «Справочный листок Енисейской губернии» и «Енисей». В Иркутске он состоял сотр. «Сиб. летописи» (Сиб. архив).

Многие годы поддерживал дружеские отношения с В.И. Суриковым, оказывал ему помощь и поддержку со времени учёбы того в Академии художеств, в которую юноша поступил и благополучно закончил только благодаря хлопотам и стипендии П.И. Кузнецова (отца К.), а также в период подготовки эскизов к картине «Покорение Сибири Ермаком». В собрании К. (Музей археологии и этнографии Сибири ТГУ) сохранились 2 рисунка В.И. Сурикова. На одном из них художник запечатлел К. в средневековом костюме (Петербург, 1874), а другой – акварельный эскиз к названной картине – написан в имении К. на р. Немир (1892).

Соч.: Страленберг в Сибири // Сиб. вестник. 1888. № 18-20; Древние могилы Минусинского округа. Томск, 1889. 50 с.; Исторические акты XVII столетия (1633 – 1699): Материалы для истории Сибири. Томск, 1890. Вып. 11. 111 с.; То же. Томск, 1897. Вып. 2. 99 с.; Архив Аскызской Степной думы Минусинского уезда. Томск, 1892. С. 26 с.; Поездка г. Адрианова по южным частям Томской и Енисейской губернии летом 1883 года. Томск, 1895. 21 с.; Заметки о древних обитателях южных частей Енисейской губернии. Томск, 1902. 37 с.; Отчёт о раскопках, произведённых в Минусинском уезде Енисейской губернии в 1884 году. Томск, 1907. 9 с.; Минусинские древности: Медно-бронзовый и переходный периоды. Томск, 1908. Вып. 1. 29 с.; О некоторых находках древностей железного периода на юге Енисейской губернии // Изв. общества археологии, истории и этнографии. Казань, 1908. Т. 24, вып. 1. 5 с.; Археологические заметки // Сибирский архив (Минусинск). 1915. № 6. С. 253-258; Минусинский край в XVIII веке, В.В. Ватина: (Критический очерк). Томск, 1915. 15 с.

Лит.: Зуева Е.А. Кузнецовы // Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т. 2, кн. 2. Новосибирск, 1995. С. 128; Кузнецов (Красноярский) Иннокентий Петрович // Сибирская советская энциклопедия.

Новосибирск, 1931. Т. 2. Стб. 1103-1104; Матюшенко В.И. История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов). Омск, 1992. С. 59-60; Ожередов Ю.И. Фонд И.П. Кузнецова-Красноярского в музее археологии и этнографии Сибири // История вузовских музеев страны. Сыктывкар, 1994. С. 225-229; Он же. История двух рисунков // Alma Mater (Томск). 1993. № 27; Он же. История неизвестных рисунков В.И. Сурикова // Материалы научно-практической конференции Томского областного художественного музея. Томск, 1994. С. 35-41; Он же. Страницы 115-летней истории Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета (досоветский период) // История и культура Томской области. Томск, 1998. С. 29.

Ю.И. Ожередов, О.Н. Разумов.

Кузнецов Степан (Стефан) Кирович (30 июля 1854, г. Малмыж Вятской губ. – 13 авг. 1913, г. Малмыж). Археолог, этнограф, перв. библиотекарь (зав. библиотекой) Томского ун-та. К. в 1873 окончил Казанскую гимназию, в 1877 – Казанский ун-т со степенью канд. ист.-фил. наук. Оставлен для подготовки к званию проф. при каф. римской словесности. 7 июля 1878 командирован на год в Дерптский ун-т для совершенствования знаний. 20 нояб. 1879 избран хранителем музея этнографии, древностей и изящных искусств Казанского ун-та. 31 дек. 1880 утверждён приват-доцентом римской словесности Казанского ун-та. 12 мая 1885 К. дал согласие и получил официальное разрешение каф. работать библиотекарем Сибирского (Томского) ун-та. Исполнял эти обязанности с 1 июля 1885, окончательно утверждён в должности 28 июля 1888. Под руководством К. и при его непосредственном участии были осуществлены перевозка и расстановка книг в главном корпусе ун-та, подготовка библиотеки к обслуживанию читателей. С 1886 по 1898 К. проведена основная работа по подготовке и выпуску 4 т. печатного каталога библиотеки (43796 названий) с приложением к т. 1 (описание витринных экземпляров с 1-й по 584-й) и отдельный том с описанием медицинской библиотеки В.А. Манассеина (5142 названия). Всего на момент открытия ун-та в библиотеке насчитывалось 96 тыс. т.

К. совместно с В.М. Флоринским в 1891 разработал классификацию медицинской лит. из 42 разделов. Являлся с 31 мая 1891 членом профессорской комиссии (председатель проф. М.Г. Курлов) по составлению систематического каталога библиотеки. Участвовал в составлении Правил пользования библиотекой

(1889 – 1892) в составе комиссии, возглавляемой В.М. Флоринским. Входил в состав комиссии для обсуждения вопроса о постройке нового здания библиотеки (с 1900). Занимался изучением творчества и пед. деятельности В.А. Жуковского.

К. неоднократно проводил археологическое обследование окрестностей Томска, где открыл ряд памятников и раскапывал курганные могильники: в 1889 – Тахтамышевский, Чернильщиковский, Лагерный, *Томский могильник* (совместно с А.В. Адриановым), *Тоянов Городок, курганный могильник*; в 1896 – Архирейская Заимка. В 1890 – 1891 в левобережье Оби он исследовал Вороновский курганный могильник (совместно с С.М. Чугуновым). В 1891 провёл обследование и раскопки памятников по р. Яе на территории современной Кемеровской обл. (в т.ч. и вместе с С.М. Чугуновым). К. неоднократно совершал археологические поездки на Алтай, участвовал в качестве эксперта защиты (этнографа) в Мултанском деле (5 мая 1892 – 28 мая 1896): свидетельствовал против существования человеческих жертвоприношений у вотяков.

С 1 авг. 1903 К. вышел в отставку и переехал в Москву. Вёл раскопки в Поволжье и Прикамье (1904 – 1912). С 1907 – проф. Московского археологического ин-та. Преподавал *археологию*, этнографию, русскую ист. географию и метрологию, хронологию, библиотековедение и музееведение.

Член ИРГО (от которого получил 2 серебряные медали) (1876) и Казанского об-ва археологии, ист. и этнографии (1880), действ. член Парижского этнографического об-ва (1882), почётный член Финно-угорского учёного об-ва в Гельсингфорсе (1884). Французское правительство за большую просветительскую деятельность пожаловало К. почётный знак «Officier d'Academie» (1897). С 1904 – член и секретарь Московской археологической комиссии Московского археологического об-ва.

Соч.: Случайная находка натуральной мумии в Томске // Сиб. вестник (Томск). 1889. № 104, 105 (в соавт.); Отчёт об археологических разысканиях в окрестностях Томска, произведённых летом 1889 г. // Изв. Том. ун-та, 1890. Кн. 2. С. 123-200; К вопросу об охране древностей от истребления // Сиб. вестник. 1894. № 114; Находка скелета мамонта со следами человека близ г. Томска // Сиб. вестник. 1896. № 90, 92; Отчёт о раскопках курганного кладбища у Архирейской

рейской заимки, близ г. Томска // Отчёт императорской Археологической комиссии за 1896 г. СПб., 1898. С. 94-98; Из воспоминаний этнографа // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 68 – 69, № 1-2. С. 29-51; Культ умерших и загробные верования черемис // Этнографическое обозрение. 1906. Кн. 61; Черемисская секта кугу-сарта: Опыт исследования религиозных движений среди поволжских инородцев // Этнографическое обозрение. 1908. Кн. 79. № 4. С. 1-59; Русская историческая география: Курс лекций, читанных в Московском Археологическом Институте в 1907 – 1908 гг. Вып. 1: Меря, мещера, мурома, весь. М., 1910. 197 с.; Мордва: Курс лекций, читанных в 1908 – 1909 уч. году в Московском Археологическом институте. М., 1912. 73 с.

Лит.: Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804 – 1904): В 2 ч. Ч. 1: Кафедра православного богословия, факультеты историко-филологический (с разрядом восточных языков и лектурами) и физико-математический. Казань, 1904. С. 115-116; Исторический вестник. 1913. № 9. С. 1145-1146; Русские ведомости. 1913. № 187; Филимонов М.Р. Книжная сокровищница Сибири. Томск, 1988. С. 19-25. В.А. Есипова.

Кулайская культура, раннего железа эпоха, кон. 6 в. до н.э. – 5 в. н.э. Сформировалась в Ср. Приобье и пережила 2 этапа: васюганский (кон. 6 – 2 в. до н.э.) и саровский (2 – 1 вв. до н.э. – 5 в. н.э.). Названа по перв. и долгое время уникальному памятнику – *Кулайскому культовому месту*. Культуру «типа Кулайки» выделил И.М. Мягков в 1929, а в 1953 она названа В.Н. Чернецовым «кулайской». В эпоху раннего железа К.к. сыграла огромную роль в ист. населения Зап. Сибири и ряда сопредельных территорий, поэтому её историография обширна. Целенаправленно К.к. изучали *Ураев Р.А., Косарев М.Ф., В.А. Могильников, Плетнёва Л.М., Т.Н. Троицкая, Я.А. Яковлев, С.А. Терёхин, Ю.В. Балакин*. Обобщающее исследование по проблемам К.к. в 1970-х – сер. 1980-х проведено *Чиндиной Л.А.*

К.к. характеризуется многочисленными поселениями, городищами, святилищами. Только в Томской обл. известно свыше 110 памятников: в *Степановском комплексе археологических памятников* и в *Малгетском комплексе археологических памятников*, *Саровское городище*, *Карбинское-1 городище*, городища *Киреевское-3*, *Шеломок-1*, *Кулайское культовое место*, *Парабельское культовое место* и др. Могильников найдено в Зап. Сибири пока 11 и только 2 – в Томской обл.: *Усть-Киндинский* и в *Алдыганском комплексе археологических памятников*.

Поселения васюганского этапа К.к. включали 3 – 10 жилищ и располагались на берегах водоёмов компактно. На саровском этапе К.к. жилища рассредоточивались на больших территориях. Поселения функционировали постоянно, круглый год или сезонно, временно. Городища входили в общий комплекс поселений и находились на высоких мысах, господствующих возвышенностях. Их обносили сложной системой рвов и валов. Городища служили местом жительства, военными укреплениями, бронзолитейными центрами. Бронзолитейный процесс сопровождался сложными культовыми обрядами с жертвоприношениями. Жилища полуназемные, каркасного и срубного типов, с очагами-кострищами в середине. Очаги были многофункциональными: для обогрева, приготовления пищи и литья бронзовых изделий. В них обнаружены предметы бронзолитейного производства (тигли, льячки, обломки форм) и его отходы (сплески бронзы, шлаки, остатки сгоревших костей, использовавшихся как дополнительные энергоносители).

Умерших хоронили в неглубоких грунтовых могилах, вытянуто, на спине, обёртывая в бересту, в погребальных сооружениях из плах и коры берёзы. Воинские и, возможно, шаманские погребения выделяются по составу инвентаря – наличию оружия, богатых головных уборов и различных украшений. Погребальный и поминальный обряд сопровождался очистительными кострами, жертвоприношением животных и вещей. На саровском этапе широко распространяется кремация умерших.

На васюганском этапе сформировался своеобразный стереотип инвентаря, являющийся ярким культурным признаком К.к., резко отличающий её от соседних культур: особый тип керамики, оружия, культовой металлопластики. Культуроопределяющее место принадлежит фигурно-штамповой орнаментации (прямой зигзаг-«уточка», уголки, треугольники), которая украшала не только керамику, но и орудия труда (кельты, пряслица, ножи) и оружие (чеканы, топоры, копья). Специфика кулайского оружия заключалась в оригинальности форм бронзовых копий (с маленькой боевой, обычно трёхлопастной головкой и сильно удлинённой втулкой), крупных трехпёрых втульчатых стрел, ис-

пользовании большого лука. Особую категорию изделий составляло культовое литьё, обнаруженное в основном на священных местах – Кулайском, *Саровском культовом месте* и др. Это плоские односторонние ажурные и сплошные изображения животных, человека и мифических существ. Они отражали представление человека о верхнем, среднем и нижнем мирах, духах-посредниках между мирами. Большую роль играли духи предков, плодородия, промысла, тотемы (родоначальники).

На васюганском этапе предметами из железа пользовались крайне редко. На саровском этапе происходят значительные изменения в культуре кулайцев. Все ведущие орудия труда и оружие стали изготавливаться из железа. С появлением собственной металлургии и металлообработки железа бронзолитейное дело становится сопутствующим, а само металлообрабатывающее производство специализируется и концентрируется в особых центрах, в т.ч. и на городищах. В технологии бронзовых культовых изделий ажурное литьё заменяется сплошным, часто с высоким рельефом. Вещи приобретают прикладной характер (подвески, пояса и т.д.). Основным сюжетом культовых изображений становится хищная птица с развёрнутыми крыльями с личиной или фигурой человека на груди. Эти предметы символизировали птиц-посредников между мирами. Зарождается образ воина-героя. Это был новый этап в мировоззрении населения К.к., связанный с распадом патриархально-родовых отношений.

Хозяйство населения К.к. было комплексным, многоотраслевым, но присваивающие отрасли всегда господствовали: занимались сезонными охотой и рыболовством. Скотоводство являлось широкораспространённой отраслью хозяйства. Разводили лошадей низкорослой сиб. породы. С приходом в Томское Приобье кулайцы освоили и др. направления в животноводстве. В сев. р-нах территории Томской обл. появляется оленеводство. Высокого уровня в К.к. достигли металлургия и металлообработка. Занимались и др. видами производства, обеспечивающими натуральное хозяйство. В социальной сфере усиливается значение индивидуальной семейно-патриархальной общины, из неё выделяются отдельные семьи, появляются особые привилегированные

прослойки глав семейных общин, кузнецов-литейщиков, воинов и шаманов.

Границы К.к. постоянно расширялись в связи с активными миграциями, нач. которых приходится на юж. направление в кон. 4 – нач. 3 в. до н.э. Население К.к. из Нарымского Приобья проникает в низовья Томи и междуречье Оби и Томи и ассимилирует местное население *шеломокской культуры*. Затем активная волна миграций населения К.к. наблюдается с территории совр. Томской обл. в кон. 2 в. до н.э. во всех направлениях, но уже за её пределы: на Ю. они достигли Саяно-Алтая, на С. проникли в Нижнее Приобье и Тазовский бассейн. Существуют 3 точки зрения об этнической принадлежности населения К.к.: самодийская (Л.А. Чиндина, В.Н. Чернецов, В.А. Могильников, В.И. Васильев, А.Н. Багашёв, А.М. Малолетко и др.); угорская (В.И. Молодин, О.М. Рындина); кетская (Р.А. Ураев).

Лит.: Балакин Ю.И. Урало-сибирское культовое литьё в мифе и ритуале. Новосибирск, 1998. 288 с.; Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. 216 с.; Молодин В.И. Этногенез // Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М., Мартынова Е.П., Шмицт Е., Фёдорова Н.Н. История и культура хантов. Томск, 1995. С. 3-44; Мягков И.М. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея) // Тр. ТКМ. 1929. Т. 2. С. 51-86; Рындина О.М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 3. Томск, 1995. 640 с.; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. 352 с.; Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 125 с.; Ураев Р.А. Кулайская культура Среднего Приобья // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 22-24; Чернецов В.Н. Усть-Полуйское время в Приобье // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1953. № 35. С. 221-241; Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Яковлев Я.А., Боброва А.И. Продолжение работ на Алдыгане // АО 1998 г. М., 2000. С. 361-363.

Л.А. Чиндина.

Кулайское культовое место (святилище), раннего железа эпоха. Дало название *кулайской культуре*. Находится в Чаинском р-не Томской обл., на горе Кулайке выс. 38 – 43 м, на прав. берегу р. Чаи, в месте впадения в неё р. Иксы, в 2 – 3 км выше р.д. Подгорного. В 1920 местные жители обнаружили «клад», часть которого в 1922 передали в ТКМ. С тех пор в музеи Томска и

Томской обл. было несколько поступлений находок с К.к.м. Перв. археологическое обследование и раскопки памятника проводил в 1928 И.М. Мягков, в 1958 – *Ураев Р.А.*, затем, в разные годы, – Г.В. Трухин, *Дрёмов В.А.*, В.А. Рябцев, Е.Г. Шершенёва. Исследователи, кроме Р.А. Ураева, сообщают, что культурного слоя не обнаружили, хотя при закладке раскопов находили кости и предметы. К сожалению, точное распределение находок на площ. К.к.м. почти неизвестно. Осмотр памятника и заложенный *Чиндиной Л.А.* раскоп площ. около 3 м² в 2000 подтвердили наличие культурного слоя на частично сохранившемся участке горы Кулайки: было обнаружено ритуальное погребение человека. К.к.м. – один из основных источников в изучении искусства, мировоззрения, социальной, политической, *этнической истории* народов Приобья эпохи раннего железа.

Святилище занимало первоначально значительную площ. и выходило за пределы горы Кулайки на соседнюю гору («Пионерлагерь»). Отдельные находки и их скопления рассредоточены повсеместно. В 1920 был выкопан «скифский» котёл, в котором находилась часть ажурного литья в виде изображений животных. Другой котёл находился рядом. Все предметы лежали на небольшой глуб. Возможно, это были жертвенники, оставленные на общем святилище мелкими коллективами (семья, военная элита и др.) для посвящения конкретным символам, духам, праздникам, явлениям природы и т.п.

Основная масса находок состоит из зооморфных (лоси, кони, бобры, медведи, птицы), антропоморфных (фигура человека, личины воинов и шаманов) и мифических изображений. Литьё плоское: ажурное и сплошное. Сюжеты разнообразные (смешанные антропо-зооморфные, «древовидные» и т.п.). Значительна группа находок оружия (29 наконечников стрел, обломки копья, ритуального ножа), круглых бронзовых зеркал, блях с изображениями и без них. Особую группу составляют бронзовые ажурные налобья с изображениями птиц по верхнему краю или в виде гладких пластин. Найдено типично юж. происхождения бронзовое полое изображение кабана, обвитого змеей. Обнаружены кости лося, оленя и бурого медведя.

Материалы К.к.м. относятся в основном к васюганскому этапу (5 – 2 вв. до н.э.) *кулайской культуры*. Как святилище оно функционировало и позднее. Изображение медведя, стоящего на задних лапах, связано уже с *рёлкинской культурой*. Кроме того, есть информация о находках русских и шведских монет 18 – 19 вв. У *селькупов* гора Кулайка считается священной и при проезде мимо неё необходимо принести дары. Лингвисты переводят слово «кула» с языка селькупских шаманов как «духи предков».

Лит.: Мягков И.М. Древности Нарымского края (в собрании Томского краевого музея) // Тр. ТКМ. 1929. Т. 2. С. 51-86; Он же. находка на горе Кулайке // Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 65-69; Чиндина Л.А. Головные уборы в металлопластике кулайского времени // Международная конференция по первобытному искусству: Тр. Кемерово, 1999. Т. 1. С. 188-194.

Л.А. Чиндина.

Кулемзин Владислав Михайлович (р. 5 мая 1938, с. Тогу-чин Новосибирской обл.), из семьи учителей. Этнограф, проф. Закончил ист.-фил. ф-т ТГУ в 1966, с 1970 – науч. сотр. сектора этнографии ПНИЛИАЭС ТГУ, защитил канд. дис. в 1974, докт. дис. – в 1995. С 1995 является проф. каф. археологии и ист. краеведения ТГУ. Основные направления его исследований: мировоззрение и религиозные верования народов Сибири, взаимоотношения человека и природы, проблемы функционирования традиционных культур. Во время многочисленных этнографических экспедиций собрал и обработал огромный материал по духовной культуре народов Обского Севера.

Соч.: Шаманство васюганско-ваховских хантов в конце XIX – нач. XX в. // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3-154; Васюганско-ваховские ханты в кон. XIX – нач. XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977. 226 с. (в соавт.); Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.; Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с. (в соавт.); Отношение «человек-общество», «человек-вещь», «человек-природа» в традиционных и современных культурах Сибири. М., 1997. 46 с.

Лит.: Кулемзин Владислав Михайлович: Библиографический указатель. Ханты-Мансийск, 1998. 25 с.; Грачёва Г.П. Рец. // Сов. этнография. 1986. № 6. С. 163-165.

П.Е. Бардина.

Культурно-историческая общность гребенчато-ямочной керамики см. *Гребенчато-ямочной керамики культурно-историческая общность.*

Курганный могильник у устья Малой Киргизки см. Усть-Малокиргизский курганный могильник.

Кустовский комплекс археологических памятников, средневековье развитое и средневековье позднее. Включает Кустовский курганный могильник и селища Кустовское-1, 2, 3, 4. Находится в 5 км от пос. Центральный Бакчарского р-на Томской обл., на поверхности и у подножия коренной террасы лев. берега р. Кёнги, которая входит в систему р. Парабель, лев. притока Оби. В 1930-е *Кутафьев П.И.* раскопал 4 кургана. В 1984, 1990 – 1993 Ю.И. Ожередов (ТГУ) вновь обследовал территорию и дополнительно к могильнику выявил 4 селища, исследовал Кустовское-1 селище, 13 курганов и 2 насыпи без погребений на Кустовском курганном могильнике.

Кустовский курганный могильник (13 – 14, 16 – 17 вв.) первоначально включал 17 курганов круглой и удлинённо-овальной формы. Перв. сооружались в один приём и содержали по 1 – 2 захоронения; втор. возникли при слиянии тесно стоявших круглых насыпей. Один из курганов удлинённо-овальной формы включал даже 3 яруса погребений под одной насыпью. Кроме подкурганных захоронений, обнаружены грунтовые могилы вне насыпей. Одна из них частично перекрывалась насыпью, что объясняется наличием 2 типов погребальной традиции. Грунтовые погребения в ямах глуб. 0,5 – 0,7 м появились раньше подкурганных. Подкурганные захоронения производились на поверхности или с незначительным углублением в почву, поэтому они не нарушали предшествующих грунтовых. Всего исследовано 33 захоронения.

В грунтовых могилах хоронили в дощатых ящиках, а в подкурганных – в перекрытых бревенчатых рамах-обкладках или срубам, а также в долблёных лодках (остроконечных или с уплощённой кормой). Часто тела заворачивали в берестяные полотнища-тиски, которые также стелили на дно погребальных сооружений (в этих случаях край полотнища закрывал умершего сверху). Несмотря на существующие различия, в обрядности прослеживается преемственность между грунтовыми и подкурганными погребениями. Оба варианта обряда предусматривали одинаковое

положение умершего – в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища, головой преимущественно на Ю., ногами вниз по течению реки. В таком положении усопшие переселялись в страну мёртвых, которая, по понятиям *селькупов*, располагалась на С., в устье Оби – «Мировой реки».

В очистительных целях окуривали или обжигали площадки под погребения, в 2 случаях умерших кремировали на месте захоронения. В могилы помещали оружие, украшения (из олова, реже из бронзы и серебра), глиняную посуду, бытовые предметы и инструменты. Многие украшения выступали символами тотемистических образов, защищали от потусторонних сил. В грунтовых погребениях 13 – 14 вв. найдены бронзовые полые фигурки птиц и животных, серебряные серьги и бубенцы, лапчатые подвески, в подкурганых погребениях 16 – 17 вв. много вещей из олова. Перечисленные изделия из цветных металлов проникали с С.-З. – с территории, занятой угорским населением. Оттуда же поступал европейский импорт (бусы, бисер). Селькупы шиешгула, оставившие Кустовский могильник, тесно взаимодействовали с соседями – *хантами* и барабинскими татарами, при этом их мирные отношения перемежались с военными столкновениями.

Кустовское-1 селище, располагавшееся в 60 м от могильника, насчитывало хозяйственный объект и 3 жилища – однокамерные, полуземляночного типа, площ. 33 – 45 м². Жилища представляли ямы глуб. не более 1 м, в которых устанавливался каркас в виде сруба, выступавший над поверхностью земли. Крыша, вероятно, была двускатной, перекрывалась берестяными полотнищами, утеплялась слоем земли. Входом в жилище служил полуподземный коридор, перекрытый сверху. В центре сооружали открытый очаг. В одном из жилищ вдоль стен прослежены остатки земляных нар. Пол в жилище был земляной. Мусор выбрасывали на площадку перед жилищами: территория Кустовского-1 селища была буквально завалена обломками глиняных сосудов и ломаными костями животных. Большую часть составляли остатки пищи, но наряду с ними найдены заготовки и готовые изделия из кости и рога: наконечники стрел и деталь упряжи. Фрагменты

раскrojенных и использованных в работе рогов, железный пруток, медные пластинки-заготовки свидетельствуют о существовании местного производства. Обитатели селища занимались рыболовством, а также охотились на лосей, северных оленей, бобров, зайцев, соболей и норок, используя при этом собак. находка, вероятно, упряжной детали из лосиного рога предполагает существование оленьей или собачьей упряжки. Могильник и селище относятся одной группой населения – селькупам-шиешгула, этническая история которых базируется на кулайской культуре и рёлкинской культуре.

Лит.: Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Тр. ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 89-316; Ожередов Ю.И. Исследования Южнотаёжного отряда // АО 1984 г. М., 1986. С. 197; Он же. К вопросу о взаимоотношениях восточных хантов и селькупов шиешгула // Обские угры. Тобольск; Омск, 1999. С. 73-75; Он же. К топонимике Барабы // Сибирские татары. Тобольск, 1998. С. 101-104; Он же. Новые данные о Кустовском могильнике // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. Томск, 1998. С. 206-210; Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 232; Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Ю.И. Ожередов.

Кутафьев Пётр Иванович (6 авг. (26 июля) 1893, г. Санкт-Петербург – 21 янв. 1967, р.ц. Молчаново Томской обл.), из семьи петербургской мещанки и выходца из крестьян Самарской губ. Один из пионеров музейного строительства и полевых археологических исследований в Томской обл. Сиб. этап биографии К. начался в г. Новосибирске, где в 1929 – 1933 он работал в должности дир. краевого музея. Одновременно в 1931 – 1932 закончил Высшие музейные курсы Московского ин-та ист. и философии, в 1930 – 1935 являлся членом Центр. бюро краеведения. С 1933 – дир. Тымской промыслово-охотничьей станции. В 1935 он был зав. Нарымским окружным музеем краеведения (с. Парабель), в кон. 1935 – 1937 – зав. Парабельским р-ным отделом народного образования. Музей в это время был переведён в Колпашево – административный центр Нарымского округа Зап.-Сиб. кр. После ареста и расстрела его дир. Н.В. Билевича этот пост в 1937 – 1939 вновь занял К. В эти годы им были впервые подвергнуты

сплошному археологическому обследованию коренные террасы рр. Тыма, Васюгана, Парабели, Кети, приближавшиеся к их современному руслу. Результатом этой работы стало не только комплектование археологического фонда музея, являющегося и сегодня самым крупным собранием древностей среди районных музеев Томской обл., но и составление сводки памятников археологии, ставшей руководством для полевых изысканий в регионе на несколько десятилетий вперёд.

• В 1939 – 1940 К. был переведён на работу комиссаром спецгоспиталя РККА в Томске, а затем вновь вернулся в Колпашево. В 1940 – 1941 он параллельно с должностью дир. Нарымского окружного музея краеведения исполнял обязанности лектора Нарымского окружного комитета ВКП(б). В 1941 – 1945 официально числился лектором Томского обкома ВКП(б), зам. зав. отделом пропаганды и агитации Нарымского окружного ком. ВКП(б). К. стоял у истоков создания Нарымского музея И.В. Сталина (ныне Нарымский музей политссыльных – филиал ТОКМ), который возглавлял в 1945 – 1955, разрабатывал перв. экспозицию и руководил её художественным оформлением. Похоронен в Молчанове Томской обл.

Лит.: Жатков А.В. Из истории Нарымского музея (1938 – 1960 гг.) // Тр. ТГОИАМ. 1994. Т. 7. С. 189-194; Яковлев Я.А. Рассамахин Ю.К. У истоков Колпашевского краеведческого музея: Петр Иванович Кутафьев // Тр. ТОКМ. 2000. Т. 10. С. 96-131.

Я.А. Яковлев, Ю.К. Рассамахин.

Л

Лингвистическая характеристика. На обширной территории Томской обл. представлены различные языки и диалекты: русский, татарский, чулымский (или чулымско-тюркский), немецкий, польский, селькупский, хантыйский, эвенкийский и др. языки народностей России и бывших республик СССР.

Преимущественное распространение имеет русский язык в его основных формах – литературной, просторечной и диалектной. Литературный язык и городское просторечие являются средством общения населения городов, р-ных центров, сельской интеллигенции, многие жители деревень говорят на различных

местных диалектах. В их числе выделяются: говоры «новосёллов», сложившиеся начиная со втор. пол. 18 в. и позднее на базе говоров переселенцев из европейской части России и унаследовавшие диалектные типы сев., юж. наречий и ср.-русских говоров, и старожильческие говоры Сибири, сформировавшиеся начиная с 16 в. и до сер. 18 в. на базе говоров первопоселенцев и их потомков. Основные миграционные потоки этого периода направлялись в Сибирь с С. и ср. полосы России, что обусловило единообразие, однотипность их диалектного облика, выразившиеся в единой, сев., диалектной основе. Взаимодействие сиб. говора с говорами местных жителей наложило на них свой отпечаток, придав им своеобразие. Именно старожильческие говоры Сибири составляют языковую специфику территории обл. Для них характерно в обл. фонетики: аканье (вада, марос), Г взрывной, В губно-зубной, долгий твёрдый шипящий (рошша), упрощение конечного сочетания согласных СТ (С'Т') (мес`нась), произношение в отдельных словах Е в соответствии с литературным А (опеть, мечик, племенник), И – в соответствии с Е (исть, сивер); в области морфологии – твёрдое произношение конечного Т в глагольных формах 3 л. настоящего – простого будущего времени (идёт, посидит), окончание Е в словоформах дат. и предл. п. ед. ч. существительных 3 скл. (на пече, в грязе), окончание прилагательных и неличных местоимений муж. и ср. р. в род. п. ед. ч. с интервокальным В (сухово, моево), в предл. п. ед. ч. -ИМ (-ИМ) (в красным, на другом), местоимение ЧЁ и др.; в обл. синтаксиса – «однако» в значении вводного слова 'наверное', 'по-видимому' (однако нонче на печку лягу: вчерась заколел), согласование по смыслу (народ работают) и др.; в обл. лексики – баской 'хороший, красивый', литовка 'орудие кошения', оболокать 'одевать', лонись 'в прошлом году' и т.д., включая многочисленные заимствования у аборигенов – чир, чарым 'наст', кича 'слякоть', казара 'ореховка', чердак 'рыболовный снаряд'.

Старожильческие говоры, представляющие ср.-обской диалектный массив, были белым пятном на диалектологической карте России нач. века. К настоящему времени диалектологами ТГУ

обследовано свыше 300 населённых пунктов обл. Теперь это один из самых изученных диалектов русского языка благодаря изысканиям А.Д. Григорьева, Г.Т. Чуича, А.А. Скворцовой, В.В. Палагиной, *Блиновой О.И.*, М.Н. Яценецкой, Л.А. Захаровой, О.Н. Киселёвой и др.

На основе произведенных исследований осуществлена группировка старожильческих говоров Томской обл. по данным фонетики и морфологии. Выделено 5 диалектных групп: нарымская (Каргасокский, Парабельский р-ны), прикетская (Верхнекетский, Колпашевский р-ны), приобская (Молчановский, Кривошеинский, Шегарский, зап. часть Томского р-на), притомская (юж. часть Томского р-на и сев. р-ны Кемеровской обл.), причулымская (Асиновский, Зырянский, Тегульдетский, Туганский р-ны).

После русского языка, включая его диалектное разнообразие, наиболее широко представлены в Томской обл. тюркские языки, в перв. очередь татарский, носителей посл. насчитывается до 20 тыс. чел. К тюркским этническим группам относятся татары, зуштинцы, чаты, калмаки, *чулымские тюрки*, а также такие некоренные жители Томска, как казахи, таджики, узбеки и др.

Языковые признаки старого зуштинского наречия свидетельствуют о его смешанном характере. С одной стороны, целый ряд особенностей зуштинского говора объединяет его с чулымско-тюркским языком, наблюдается общность также с алтайским языком. С др. стороны, имеются языковые параллели между говорами зуштинцев и барабинских, тобольских, тюменских татар. Наречие чатов отличалось в прошлом от зуштинского общими чертами с тоболо-иртышскими говорами. Калмаки – это ассимилированные татарами телеуты. Они проживают в с. Зимник / Кышлау и пос. вокруг него. Особенностью их говора является близость к алтайскому языку. Чулымские тюрки являются аборигенным народом, проживающим на р. Чулыме. Их язык сложился в результате постепенной тюркизации местного населения: *селькупов* – в нижней части Чулыма и *кетов* – в ср. части Чулыма с формированием впоследствии 2 основных диалектов: нижнечулымского и среднечулымского. Перв. во многом сходен со старыми зуштинским и барабинским говорами, посл. примыкает к

хакасскому языку. Коренное тюркоязычное население г. Томска и его окрестностей представлено *томскими татарами* – носителями ср. и вост. диалекта.

Томская обл. известна и как место проживания коренных народов Сибири. Всего в Томской обл., по данным переписи 1989, проживают 2394 чел. 24 народностей Севера, большинство из них (89,8 %) – селькупы (52,2 %) и ханты (33,6%). Численность др. народностей гораздо меньше: эвенки – 89, эвены – 21, коряки – 16, кеты – 12 и др. Р-ны преимущественного проживания народностей Севера и распространения их языков: Александровский (ханты), Верхнекетский (селькупы, эвенки, эвены, кеты), Колпашевский (селькупы), Каргасокский (селькупы, ханты), Парабельский (селькупы). Селькупский и хантыйский языки относятся к уральской языковой семье; эвенкийский и эвенский – к тунгусо-маньчжурской; кеты входят в состав енисейской группы языков и причислены к палеоазиатской макросемье.

Пространственный континуум селькупского языка именуется по самоназванию представителей одного из диалектов – сев., распространённого в Тюменской обл. и в Красноярском кр., – *šöl'qur, söl'qur*. Остальные диалекты представлены в Томской обл. и имеют др. самоназвания: *čumǝl qur* – центральная группа (Васюган, Тым, Нарым, Парабель); *šöšqum* – ср.-обская группа (между Нарымом и Колпашевом); *süsöqǝ(j) qum* (по Оби выше Колпашева, на нижней Кети), к ним примыкали *t'ujqum* на Чулыме – юж. группа и *süs(s)ü qum* – кетская группа (сев.-вост. часть Томской обл.). Этноним состоит из сочетания слов “тайга” / “земля” и “человек”. Диалектное членение основано не только на этно-географических признаках, но и на языковых различиях. К особенностям центр. группы относится переход ауслатных носовых согласных в смычные; слияние *l* с *l'*; слияние *č(t')* и *č*; переход *s* в *h*; отпадение ауслатных редуцированных гласных; употребление показателей -*n* (мн. ч. посессивная форма), -*ki* (латив не ед. ч.) и др. Ср.-обская и юж. группы имеют переход *s* в *š*; переход *l'* в *j*; наличие в ряде слов *k* в соответствии с *č(t')*; сохранение качества лабиальных гласных в непервых словах; показатели -*la* (мн. ч.), -*wlä / lä* (транслатив); метатезу *j*- в формах гла-

гола бытия (ja). Кетская группа близка к юж., её особенность – тенденция к геминации интервокальных согласных в нач. открытого слога; тенденция к переходу редуцированных гласных в *a* в непервых слогах и др.

В целом селькупские диалекты характеризуются значительным парадигматическим перевесом вокализма (25 фонем) над консонантизмом (16 фонем); тенденцией к ослаблению артикуляционной напряжённости гласных; отсутствием консонантных или вокалических сочетаний в нач. и кон. слова, / / в анлауте, /w/, / ɣ/ в ауслауте. В селькупских диалектах на территории Томской обл. (юж. ареал) имеется тенденция к гармоническому уподоблению редуцированных гласных в суффиксальных слогах гласному перв. слога: кет. *surəm* [sūrŭm] «зверь», центр. *eļəgu* [elĕgu] «ожить». Преобладает агглютинативный (суффиксальный) тип; части речи – существительные, глаголы, прилагательные – дифференцированы по присущим им грамматическим категориям. Значительная часть словарного фонда имеет общесаамодийское происхождение. Количество заимствований из соседних языков – хантыйского, кетского, тюркских – невелико, с 18 в. распространяются русские заимствования.

Ханты, проживающие на территории Томской обл., представляют в языковом отношении вост. диалектный ареал (вахвасюганский). Этноним происходит от самоназвания сев. хантов – *χānt*, вост. ханты называют себя *kāntə*. Характерными чертами языка являются: архаичность системы фонем, парадигматическое чередование гласных, обилие падежных суффиксов (10, ср.: 5 – юж., 3 – сев.); распространённость эргативной конструкции предложения; значительное число прошедших времён (4, ср. в др. 1,2).

Лит.: Камалетдинова З.С. Тюркско-татарская географическая терминология и топонимия Томской области РФ: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Казань, 1997. 18 с.; Русские говоры Среднего Приобья. Томск, 1984. Ч. 1. 208 с.; 1989. Ч. 2. 324 с.; Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964. Т. 1. 143 с.; 1965. Т. 2. 233 с.; 1967. Т. 3. 249 с.; Словарь русских старожильческих говоров средней части р. Оби: Дополнения. Томск, 1975. Ч. 1. 279 с.; Ч. 2. 291 с.; Хелимский Е.А. Селькупский язык // Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 356-372; Хонти Л. Хантыйский язык //

Языки мира: Уральские языки. М., 1993. С. 301-319; Яшин И.М. Народы Севера в Томской области // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. С. 130-136.

О.И. Блинова, А.А. Ким.

Лукина Надежда Васильевна (р. 2 дек. 1937, д. Пеньки Новосибирской обл.), из семьи крестьян. Этнограф, проф. В 1964 закончила ист.-фил. ф-т ТГУ. С 1968, со дня открытия ПНИЛИАЭС ТГУ, являлась её науч. сотр., зав. сектором этнографии с 1970 по 1993. Защитила канд. дис. в 1972, докт. дис. – в 1985. Занимается этнографическим исследованием народов Севера Томской и Тюменской обл., организатор и участник многих этнографических экспедиций. Основные направления исследований: материальная культура, орнамент, фольклор. Её солидным вкладом в этнографическое сибиреведение являются переводы с немецкого языка и публикации трудов зарубежных исследователей 19 в. Ведёт большую редакторскую деятельность. С нач. 1990-х переключилась в основном на подготовку высококвалифицированных специалистов-этнографов из представителей народов Севера. Ею подготовлены перв. этнографы – канд. наук из народа *ханты*.

Соч.: Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – нач. XX в.: Этнографические очерки. Томск, 1977. 226 с. (в соавт.); Альбом хантыйских орнаментов: (Восточная группа). Томск, 1979. 229 с.; Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985. 365 с.; Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990. 568 с.

Лит.: Лукина Надежда Васильевна: Библиографический указатель. Ханты-Мансийск, 1997. 34 с.; Смоляк А.В. Рец. // Изв. СО АН СССР. Сер. ист., филол. и филос. 1988. № 10. С. 70; Фёдорова Е.Г. Рец. // Сов. этнография, 1989. № 5. С. 163-165; Список основных работ доктора ист. наук Н.В. Лукиной // Этнографическое обозрение. 1997. № 2. С. 152-153.

П.Е. Бардина.

Лукьяновский Бор, комплекс археологических памятников, средневековье развитое, средневековье позднее и 18 в. Включает 2 курганных могильника 15 – 17 вв., 3 одиночных кургана 15 – 18 вв., 3 поселения и 6 одиночных жилищ 10 – 14 вв. Л.Б.,к.а.п. расположен на прав. берегу р. Кети, в окрестностях бывшей д. Лукьяново Верхнекетского р-на Томской обл. Открыт в 1976 и исследовался в 1977, 1980 Г.И. Гребневой (ТГУ): раскопаны полностью могильники и все одиночные курганы, 1 жилище на поселении и 2 – одиночных. В жилищных комплексах об-

наружена изготовленная от руки глиняная посуда с наклепными валиками и с воротничком на внешней стороне сосуда. Эта черта, вероятно, отражает влияние вост.-сиб. населения на местную аборигенную культуру. Умерших хоронили на высоких местах, на земной поверхности, на предварительно обожжённых и огороженных площадках прямоугольной или квадратной формы, в деревянных сооружениях-домовинах. Особенность погребально-го обряда населения р. Кети – сооружение небольшого кургана (диам. 2 – 10, выс. 0,2 – 1,5 м), под которым обычно хоронили 1 человека в вытянутом положении, на спине, руки вдоль туловища, головой на С.-В. и В., отсутствие глиняной посуды. Среди вещей, сопровождавших умерших, много предметов русского импорта: железные топоры, ножи, наконечники стрел; перстни, западноевропейские счётные жетоны, пояса. По ист. источникам, в 17 в. на этой территории проживали *селькупы*.

Лит.: Боброва А.И. Нарымское Приобье и Причулымье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 293-321; Боброва А.И., Гребнева Г.И., Мец Ф.И. Керамика II тыс. н.э. из Прикетья (публикация материалов) // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 46-67.

А.И. Боброва.

Львова Элеонора Львовна (р. 21 апр. 1940, г. Томск) – этнограф, доцент. В 1964 окончила ист.-фил. ф-т ТГУ и в этом же году начала работу в качестве ассистента каф. ист. СССР досоветского периода. С 1978 – ст. науч. сотр., с 1984 – доцент этой же каф. В 1978 защитила канд. дис. на тему «Чулымские тюрки (Историко-этнографические очерки)». Автор около 30 науч. работ, в т.ч. 3 монографий. Преподавательская деятельность отражена в многочисленных лекционных курсах по проблемам этнологии и воспитании большого количества учеников – известных учёных-сибиреведов. В обл. теоретической этнографии впервые дала ист.-этнографическую характеристику *чулымцев* (чулымских тюрков), исследовала особенности мировоззрения тюрков Юж. Сибири. Сфера науч.-практической деятельности включает в себя активную защиту прав коренного населения Сибири.

Соч.: Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с. (в соавт.); Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989.

243 с. (в соавт.); Тюрки таёжного Причудымья: Популяция и этнос. Томск, 1991. 176 с. (в соавт.).

Лит.: Костин В.М., Сагалаев А.М. Виват, Элеонора! // Томские новости. 2001. 19 апр.; Пенкина О. Сибирь: тюрьма или маховое колесо Отечества? // Томские новости. 2001. 27 апр.

И.Е. Максимова.

М

Малгет, комплекс археологических памятников, многослойный поселенческий комплекс *камня эпохи, неолита, бронзы эпохи* и эпохи железа. Находится в Колпашевском р-не Томской обл. в 35 – 40 км выше устья р. Шудельки, лев. притока Оби, на месте б.д. Малгет, на мысу, образованном болотистой поймой и оз. Шапочным. Впервые М.,к.а.п. обследовал в 1965 В.Е. Добычин. В 1964 – 1985 его раскопки проводила *Чиндина Л.А.* (ТГУ). Памятник федерального значения (указ Президента № 176 от 20 февр. 1995). В М.,к.а.п. входят:

Малгет-1 – поселение, выделено по керамике и каменным изделиям. Относится к верхнеобской культуре (3 тыс. до н.э.) эпохи *неолита*.

Малгет-2 – поселение неолита. Обнаружено значительное количество керамики игрековского типа, мелкие объекты каменной индустрии, каменные изделия (скребки, тёсла, ножевидные пластины). Кон. 3 – нач. 2 тыс. до н.э.

Малгет-3, Малгет-4, Малгет-4а – поселения, представлены материалами эпохи бронзы: *степановской, еловской культуры и молчановской культуры* (18 – 7 вв. до н.э.). Изучено 9 жилищ, перекрытых сооружениями эпохи железа на обширной центр. и вост. частях М.,к.а.п. Собрана большая коллекция керамики, каменных изделий (наконечники стрел, топоры, тёсла, скребки, проколки, точила), предметов бронзолитейного производства.

Малгет-5, Малгет-6 – поселения *кулайской культуры* (6 в. до н.э. – 5 в. н.э.) *раннего железа эпохи*. Изучены по материалам 7 жилищ, многочисленной керамике васюганского и саровского типов, материалам бронзолитейного производства (очаги-горны, тигли, отходы литья).

Малгет-7, Малгет-8 – поселения *рёлкинской культуры (средневековье раннее)*. Исследованы остатки 46 сооружений различного функционального назначения. Многотипные жилища, хозяйственные постройки свидетельствуют об особенностях хозяйства и быта рыболовов и охотников, о взаимодействии 2 культурно-исторических традиций (кулайской и пришедшей из вост. р-нов). Производственные мастерские отражают специфику гончарного и кузнечно-литейного дела. Мастера-универсалы в небольших тиглях отливали теперь из бронзы и серебра только украшения и культовые предметы, из железа ковали орудия труда (ножи, топоры) и оружие (наконечники стрел, боевые ножи, панцирные доспехи). Основная масса находок – керамика. Удалось восстановить фрагменты свыше 800 сосудов. Многообразие типов отражает истоки и ист. формирования сев. варианта рёлкинской культуры.

Малгет-9, Малгет-10 – поселения *средневековья развитого и средневековья позднего* (13 – 18 вв.), почти полностью уничтожены поздней деревенской застройкой и распашкой. Изучены по остаткам 3 жилищ и керамике.

Малгет-11 – этнографический объект (*селькупы*), представляющий остатки смолокурной мастерской нач. 20 в. (?).

Лит.: Евдокимова Г.В. К вопросу о молчановской культуре // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7. С. 117-124; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск, 1979. 182 с.; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Она же. Культурные особенности средневековой керамики в эпоху железа // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7. С. 161-174; Она же. Поселение Малгет // Вопросы истории Сибири. Томск, 1972. Вып. 6. С. 148-159; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. С. 75-76. № 75; Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 248-267.

Л.А. Чиндина.

Матющенко Владимир Иванович (р. 25 окт. 1929, хут. Алёшкино, Суражанского р-на, Брянской обл.), из семьи крестьян. Археолог, историк, д-р ист. наук, проф. В 1941 – 1948 жил в г. Комсомольске-на-Амуре, где окончил школу. В 1948 – 1953 обучался на ист.-фил. ф-те ТГУ. Его наставником в археологии был *Пеняев Е.М.* В 1952 – 1962 М. заведовал Музеем ист. материаль-

ной культуры (с 1968 – Музей археологии и этнографии Сибири) ТГУ. В 1960 М. защитил канд. дис. по теме «Неолит и бронзовый век Притомья», подготовленную под руководством *Грязнова М.П.* В 1962 – 1964 М. – ассистент каф. археологии и этнографии ТГУ, в 1964 – 1976 – ст. преподаватель, затем доцент каф. ист. СССР досоветского периода. Участвовал в создании ПНИЛИАЭС ТГУ, с 1968 по 1974 заведовал отделом археологии и этнографии этой лаборатории, был его науч. руководителем. М. является основоположником Зап.-сиб. археолого-этнографических совещаний (с 1998 – конференций), с 1970 регулярно проходящих в Томске.

В 1974 М. защитил докт. дис. по теме «Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)». В 1976 он переезжает в г. Омск, где работает в Омском гос. ун-те: с 1976 по настоящее время заведует каф. всеобщей ист. (после разделения каф. первобытной ист.), заведует сектором археологии Омского филиала Объединённого ин-та ист., филологии и философии СО РАН, в 1977 – 1978 был деканом ист. ф-та Омского гос. ун-та. Продолжает работу по краеведению. По его инициативе в Омском гос. ун-те проводятся регулярные ист. чтения памяти М.П. Грязнова.

На томский период деятельности М. приходятся наиболее значимые полевые и науч.-исслед. открытия. Под его руководством разворачивается широкомасштабное изучение разновременных памятников на территории Томской обл. и за её пределами. Наиболее значимые среди них – *Могочинская палеолитическая стоянка*, *Еловский комплекс археологических памятников*, *Самусьский могильник*. Мировую известность приобрели *Самусь-4, поселение* бронзолитейщиков, *Ростовкинский могильник* (близ г. Омска). Специализируясь на исследовании ист. населения лесных и лесостепных районов Зап. Сибири *камня эпохи* и эпохи раннего металла, М. изучает и памятники *средневековья развитого* и *средневековья позднего*: *Рёлкинский курганный могильник*, курганные могильники *Иштанский*, *Берегаевский* и др. Много внимания М. уделял обследованию р-нов новостроек Томской

обл., участвовал в академических экспедициях от Урала до Байкала под руководством М.П. Грязнова, М.М. Герасимова и др.

М. выявил в р-не Обь-Иртышского бассейна верхнеобскую неолитическую культуру (см. в ст. *Неолит*), томскую культуру (позднее переименована в *самусьскую культуру*), андроновскую культуру (см. в ст. *Андроновская культурная общность*), еловско-ирменскую культуру (см. *Еловская культура* и *Ирменская культура*) эпохи бронзы. Несмотря на спорность ряда позиций, он стал пионером в изучении трёхтысячелетней древнейшей ист. края, подготовил стартовую площадку для исследования историко-культурных процессов Зап. Сибири и сопредельных территорий. В настоящее время много внимания уделяет историографии сиб. археологии. Продолжает полевые и аналитические исследования. Руководит аспирантурой, имеет свыше 100 науч. работ.

Соч.: Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 1 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 9. 182 с.; То же. Ч. 2 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10. 210 с.; То же. Ч. 3 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 11. 150 с.; То же. Ч. 4 // ИИС. Томск, 1974. Вып. 12. 196 с.; Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988. 134 с. (в соавт.); История археологических исследований Сибири (до конца 1930-х годов): Учеб. пособие. Омск, 1992. 138 с.; Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. Новосибирск, 1994. 223 с. (в соавт.); Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Кн. 2. Томск, 1994. 490 с. (в соавт.); То же. Т. 2. 477 с. (в соавт.); Сибирская археология в 1940 – 1950-е годы: Учеб. пособие. Омск, 1994. 103 с.; Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Проблематика: Учеб. пособие. Омск, 1995. 128 с.; Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Процессы развития: Учеб. пособие. Омск, 1995. 96 с.; Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск, 1997. 198 с. (в соавт.); Древняя история Сибири: Учеб. пособие. Омск, 1999. 232 с.

Лит.: Татаурова Л.В., Толпеко И.В. К 70-летию со дня рождения профессора В.И. Матюшенко // Вестн. Омского гос. ун-та. 1998. Вып. 4. С. 117-118; Тихонов С.С., Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Толпеко И.В. Наш Владимир Иванович // Исторический ежегодник: Специальный выпуск. Омск, 2000. С. 4-10; Чиндина Л.А. Тридцатилетний этап археологии Томского университета // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 17-24.

Л.А. Чиндина.

Мигалка, грунтовый могильник, средневековье позднее, 17 – нач. 18 в. Находится в Колпашевском р-не Томской обл., на территории, входящей в ведение Инкинской администрации. М.г.м. расположен на юж. склонах невысоких грив, в пойме р

Оби, между Инкинской протокой и Обью, на «Остяцких буграх» у Назаркиных озёр, в 2,5 – 3,0 км ниже д. Юрты Инкины, в местечке «Мигалка». Открыт в 1988 агрономом совхоза «Инкинский» В.А. Черепановым. Исследовался в 1989 – 1992 Чиндиной Л.А. (ТГУ). Выявлено 74 могилы. Могильник возник на месте временных стоянок энеолита, бронзы эпохи и железа, относящихся к игрековской и степановской культурам, еловской культуре, кулайской культуре, рёлкинской культуре.

Погребальный обряд М.г.м. стандартен. Погребения, наземные и грунтовые, были расположены рядами. Умерших хоронили вытянуто, на спине, головой в юго-вост. векторе, за единичным исключением. Погребальное сооружение: рама из плах или сруба в 1 – 2 венца, корьевая подстилка, корьевое или дощатое перекрытие. Погребальный инвентарь представлен многочисленными глиняными сосудами, форма и орнаментация которых продолжают традиции рёлкинской культуры, а также украшениями, хозяйственным и бытовым инвентарём (топоры, ножи, металлические котлы и т.д.). Богатством и особенностями инвентаря (наличие ритуальной одежды с наборными поясами и нарядными головными уборами) отличаются захоронения женщин и детей. В погребениях встречены изделия русского происхождения (топоры, котлы, сапоги и др.), монеты времени правления царя Алексея Михайловича (1645 – 1676), а также украшения из счётных жетонов мастерской Конрада Лауфера с изображениями Людовика XIV и герба Бурбонов, изготовленных в Западной Европе.

М.г.м. принадлежал *селькупам* 3-й Парабельской волости Томской губ. 17 в. и может быть соотнесён с этнографическими и диалектно-локальными группами: чумульгула и, возможно, тегула, сюсигула.

Лит.: Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить...» Барнаул, 1995. С. 179-187; Она же. О селькупских могильниках XVII в. // Проблемы этнической истории самодийских народов. Омск, 1993. С. 74-82.

Л.А. Чиндина.

Могочинская палеолитическая стоянка, палеолит, возраст – 16000 лет. Находится в Молчановском р-не Томской обл., напротив пос. Могочина, на мысу лев. берега Оби выс. 40 – 50 м,

в устье широкого лога. В древности здесь, видимо, протекала небольшая речка, на берегах которой и поселились люди. В 1972 геолог Н.В. Евтушенко в свежей осыпи оврага собрал несколько грубо обработанных каменных орудий и выявил почвенный слой, в котором они содержались. В нём позже были обнаружены нуклеусы, скребки, скрёбла, долотовидные изделия, ретушированные пластины, резцы, а также кости животных – мамонта, шерстистого носорога, сев. оленя и лошади. Так была открыта самая сев. в Зап. Сибири палеолитическая стоянка. В том же году она исследовалась томскими учёными – археологом В.А. Посредниковым и антропологом *Дрёмовым В.А.* (ТГУ). В 1973 М.п.с. изучают археологи М.В. Аникович, Г.В. Ложникова и *Матющенко В.И.*, в 1975 – 1977 – специалист по сиб. палеолиту В.Т. Петрин. Всего было вскрыто 204 м² площ. памятника на глуб. 3 – 6 м. В результате работ собрана представительная коллекция каменных изделий и отходов их изготовления. Отсутствие остатков стационарных зимних жилищ свидетельствует об обитании здесь людей только в тёплое время года. М.п.с. по характеру находок близка *Томской палеолитической стоянке* и Ачинской палеолитической стоянке средней поры позднего палеолита. Пластинчатая техника обработки каменных орудий М.п.с. аналогична приёмам изготовления инвентаря из памятников Вост. Сибири.

Лит.: Аникович М.В. Могочинская стоянка – новый памятник верхнего палеолита Западной Сибири // Проблема этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 29-30; Петрин В.Т. К проблеме освоения человеком Западно-Сибирской равнины в конце плейстоцена // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 29-31; Он же. К проблеме сравнения комплексов каменного инвентаря (по материалам палеолитической стоянки Могочино I) // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири. Новосибирск. 1983. С. 132-137; Он же. Палеолитические памятники Восточного Зауралья (Западно-Сибирская равнина): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1983. 16 с.; Родной край: Очерки природы, истории, хозяйства и культуры. Томская область. Томск, 1974. С. 110-130; Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 10.

Ю.И. Ожередов.

Молчановская культура, бронзы эпоха, 9 – 7 вв. до н.э.
Выделена *Косаревым М.Ф.*, названа по ключевому памятнику – городищу Молчановская Остяцкая гора. М.к. – одна из наименее

исследованных первобытных археологических культур Ср. Приобья: практически повсеместно комплексы М.к. выделены типологически в составе многослойных поселений и городищ (*Самусь-4, поселение; Чекист, поселение; Десятовское поселение* и др.), где составляют незначительную их часть. Ареал М.к. охватывал обширные пространства Обского Правобережья, включая тёмно-хвойные урманы Нижнего Причулымья, смешанные леса в низовьях Томи, таёжно-болотные р-ны Нарымского кр.

Гончарство явилось той областью материальной культуры, в которой в наибольшей степени нашли отражение внутреннее единство и самобытность памятников М.к. Все сосуды изготовлены от руки, по форме и орнаменту они делятся на 2 группы. 1-ю составляют оригинально профилированные горшки с дугообразно выгнутой шейкой и раздутым туловом, переходящим в небольшое плоское донце. Нарядные композиции, покрывавшие боковую поверхность сосудов, включали резные геометрические узоры (треугольники, ромбы, меандры, «уточки»), в которых без труда угадываются андронидные прототипы, выработанные в орнаментике *еловской культуры*. Такая керамика является своеобразной визитной карточкой М.к. Ко 2-й группе относятся менее эффектные плоскодонные банки, украшенные поясами отпечатков гладкого, слабоволнистого или гребенчатого орнамента. На большинстве сосудов эти пояса разделялись оттисками косоугольного креста, ромбического или треугольного штампов. Подобная керамика не имеет местных прототипов и, по всей видимости, была привнесена в Нарымское Приобье с Зап.-Сиб. Севера.

Судя по немногочисленным находкам производственного инвентаря, население М.к. пользовалось как бронзовыми, так и каменными орудиями. Медь и легирующие материалы, поступавшие с Ю., ценились очень высоко и использовались для изготовления ножей, топоров, небольших украшений. Значительную часть инструментов и оружия, включая скребки и наконечники стрел, делали из камня. По всей видимости, основу экономики носителей М.к. составляли охота и рыболовство, а разведение скота практиковалось преимущественно в юж. р-нах.

Наличие 2 типов керамики, имеющих различный генезис, проливает свет на происхождение М.к. Она сложилась накануне эпохи железа на позднееловской основе под воздействием инкультурных групп населения, пришедших из сев. таёжных лесов Зап. Сибири. Интеграции, очевидно, предшествовали военные столкновения между аборигенами и мигрантами, в ходе которых было положено начало традиции фортификации. Древнейшие в регионе городища (Молчановская Остяцкая гора; Шайтанское в бассейне Кети) были сооружены носителями М.к. и представляли собой поселенческие площадки, окружённые рвом и валом. На Ю. своего ареала население М.к. контактировало с носителями *ирменской культуры*. Судя по взаимопроникновению отдельных элементов культур, эти контакты носили постоянный и мирный (брачный? торгово-обменный?) характер. На заключительном этапе своего развития население М.к. приняло участие в сложении *кулайской культуры (раннего железа эпоха)*.

Лит.: Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 121-132.

Е.А. Васильев.

Мягков Иван Михайлович (25 июля 1899, г. Томск – 29 авг. 1991, г. Томск) – историк, археолог, этнограф, геолог. Учился в ТГУ на ист.-фил. ф-те (1920 – 1922), в Петроградском ун-те (1922 – 1925), в Иркутском ун-те (1926). Перв. систематизатор и исследователь *кулайской культуры*. Данные М. в 1929 определения хронологии, ист. места и значения этой культуры не потеряли своего значения до настоящего времени. В 1930 – 1932 им собраны 2 крупные этнографические (хантыйские) коллекции из Каргасокского р-на (бассейн ср. и верхнего течения р. Васюгана), которые хранятся в Музее антропологии и этнографии Санкт-Петербурга. С 1931 по 1941 работал в редакционном бюро Зап.-Сиб. геологического управления. С 1941 по 1949 – нач. Томского отд-ния этого управления, с 1949 по 1955 – ст. инженер Обь-Иртышской экспедиции. С 1957 по 1988 – нач. тематической партии Зап.-Сиб. геологического управления, редактор и издатель материалов по геологической тематике. Награждён медалями.

Соч.: Пути изучения Западно-Сибирской археологии и её проблемы в настоящем // Сибирские огни. 1925. № 6. С. 162-167; Находка на горе Кулайке //

Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 65-69; Древности Нарымского края (в собрании ТКМ) // Там же. 1929. Т. 2. С. 51-86; Искусство Танну-Тувы // Материалы по изучению Сибири. 1931. Т. 3. С. 283-315; Морены ледников Белухи // Вестн. Зап.-Сиб. геологического треста. 1936. Вып. 1. С. 85-106.

Лит.: Галкина Т.В., Чиндина Л.А., Лукина Н.В., Горюхин Е.Я. И.М. Мягков как исследователь Сибири // Тр. ТГОИАМ. 1995. Т. 8. С. 165-182.

Т.В. Галкина.

Н

Неолит, посл. период *каменя эпохи*. Нач. Н. принято считать изобретение глиняной посуды, кон. – перв. признаки использования металлических изделий. В Зап. Сибири Н. датируется 7 – 5 – сер. 3 тыс. до н.э. Конкретизация датировки Н. для территории Томской обл. пока затруднительна из-за малочисленности материалов. Переход к Н. ознаменовался широким распространением передовых технологий обработки камня: шлифовки, пиления, сверления, применения двусторонней отжимной ретуши. Резко увеличился ассортимент, улучшились технические качества основного набора каменных орудий: охотничьих наконечников копий, дротиков, стрел, ножей; орудий для обработки дерева, шкур, кости (топоров, тёсел, скребков, скобелей, скрёбел). Появились абразивные орудия – оселки, точила, выпрямители древков стрел. Для ловли рыбы использовали составные рыболовные крючки, отдельные детали которых (рыболовные стерженьки) делались из камня. Широко применяли изобретённые, видимо, ещё в предыдущую эпоху лыжи, нарты, долблёные лодки, рыболовные сети. Состав охотничьего инвентаря и остатки фауны на стоянках Н. говорят о гораздо более богатом спектре охотничьей добычи, чем в более раннее время.

Исключительно важным для Н. является изобретение керамики (глиняной посуды), которая использовалась как для хранения запасов пищи (сосуды большого объёма, часто закопанные в землю), так и для её варки на огне. Сосуды изготавливали от руки способом постепенного наращивания по спирали глиняных лент. Украшали, как правило, простым орнаментом из ямочек и комбинаций из прямых или волнистых линий, нанесённых прочерчиванием палочкой по сырой глине. Иногда мог применяться спе-

циальный штамп в виде гребёнки, сделанный из камня; в качестве орнамента могли использоваться кости и зубы животных, птиц, рыб. Для различных регионов характерны свои специфические узоры.

Др. важным достижением Н. было изобретение прядения и ткачества. Волокно вырабатывали из растений (конопля, крапива) или из шерсти. Появился ранее неизвестный материал для изготовления одежды, рыболовных снастей и пр. Этот новый для человека вид трудовой деятельности стал известен по находкам пряслиц (каменных или глиняных кружочков, которые надевались на конец веретена) и отпечаткам тканей на древней керамической посуде. С Н. связано и появление шахт, где добывался пригодный для обработки камень, прежде всего – кремь. Традиционные способы добычи камня, связанные с разработками открытых месторождений, уже не обеспечивали потребностей растущего населения.

В юж. р-нах земного шара, прежде всего там, где позволяли природные условия, уже в Н. происходил переход к производящим формам хозяйства – земледелию и скотоводству. В лесной зоне, в т.ч. и на территории Томской обл., развивались присваивающие формы хозяйства (охота, рыболовство, собирательство). Для неолитической эпохи Зап. Сибири характерен тёплый и влажный климат. Таёжные массивы занимали гораздо более обширные пространства, чем сейчас. Наиболее рациональным видом в этих условиях оказалось промысловое хозяйство, сочетавшее охотничий (в основном осенне-зимний) промысел с рыболовческими (в основном летними) занятиями.

Ярко выраженная специфика орнамента глиняной посуды свидетельствует о существовании в Н. Зап. Сибири нескольких разных культурных ареалов. Понимание процессов, которые проходили в Н. на её территории в целом и Томской обл. в частности, крайне затруднено неравномерной и очень слабой изученностью этого региона.

Предварительно можно говорить о существовании на территории Томской обл. 2 больших культурных зон, расположенных в сев. (Нарымское Приобье) и юж. (Нижнее Притомье) ре-

гионах. Н. Нарымского Приобья представлен единичными памятниками (Лавровка, Кондрашкина Акка, Могильный Мыс, *Малгет, комплекс археологических памятников* и некоторые др.), находящиеся в сотнях км друг от друга и давшие крайне малочисленные коллекции керамики и инвентаря. Для керамики этого региона характерна отступающе-накольчатая техника нанесения орнамента. В сев. р-нах Нарымского Приобья просматривается связь с Н. Сургутского Приобья, в юж. – с Н. Верхнего Приобья.

Неолитические памятники Притомья (*Старо-Мусульманское Кладбище, могильник*), видимо, были составной частью Н. обширной зоны Верхнего Приобья. У исследователей нет единой точки зрения на проблемы Н. этого региона. В нач. 1970-х *Матющенко В.И.* выделил верхнеобскую неолитическую культуру, однако многие памятники, характеризующие её, др. исследователи теперь относят к более поздним эпохам – *энеолиту*, ранней бронзе. Не бесспорны и попытки включения Верхнего Приобья в ареал кузнецко-алтайской (кузнецкой) культуры. Думается, что в наше время можно лишь констатировать близость немногих достоверно неолитических памятников Нижнего Притомья памятникам более юж. р-нов (Новосибирское Приобье, возможно, Кузбасс). Однако проблемы происхождения, хронологии, культурной принадлежности памятников Н. Нижнего Притомья можно будет решать только с накоплением новых материалов.

Лит: Неолит Северной Евразии // Археология с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1996. С. 264-266.

Ф.И. Мец.

Новокусковская-1, стоянка, эпоха энеолита. Расположена в урочище Борик в пойме р. Чулыма, на прав. берегу рч. Верхние Соколы у д. Ново-Кусково Асиновского р-на Томской обл. Открыта в 1953 археологом *Ураевым Р.А.* Исследована в 1954 и 1959 экспедицией ТГУ под руководством *Матющенко В.И.* Каменные орудия труда Н.-1, с. представлены наконечниками стрел различной формы, наконечниками дротиков, скребками, скрёбками, массивными орудиями рубящего действия. Керамическая посуда плоскодонна, орнаментирована отступающей палочкой, лунками, ямками, резными линиями. Материалы стоянки послу-

жили основой для выделения новокускового этапа эпохи *энеолита* Томско-Нарымского Приобья. Наиболее вероятная дата памятника – кон. 3 – нач. 2 тыс. до н.э.

Лит.: Косарев М.Ф. *Бронзовый век Западной Сибири*. М., 1981. 279 с.; Матющенко В.И. *Неолитическая стоянка у д. Ново-Кусково на Чулымс* // Учён. зап. ТГУ. 1966. № 60. С. 46-53.

Ф.И. Мец.

О

• **Осипова Ольга Андреевна** (р. 2 марта 1927, г. Томск) – лингвист-германист, проф. Родилась в семье проф. А.Г. Савиных. В 1949 закончила ф-т иностранных языков ТГПИ, с этого и до настоящего времени – на преподавательской работе в ТГПУ. В 1958 защитила канд. дис. на тему «Грамматические способы выражения понятия будущего в современном английском языке». В 1986 – докт. дис. «Отражение категории одушевлённости / неодушевлённости в склонении древнегерманских существительных». С 1990 – проф., с 1993 – чл.-корр. СО АН высшей школы, с 1998 – зав. каф. лингвистики и межкультурных коммуникаций ТГПУ. Автор более 80 науч. публикаций. В 1992 Международным биографическим центром в Кембридже (Великобритания) избрана «женщиной года». Как организатор науки О. внесла большой вклад в укрепление традиций и сохранение преемственности в томской лингвистической школе. Ученица лауреата Гос. премии *Дульзона А.П.*, инициатор проведения *Дульзоновских чтений*, которые в посл. годы стали международными. Награждена медалями.

Соч.: *Elementary English Grammar*. Tomsk, 1966. 104 p. (в соавт.); *Отражение категории одушевлённости / неодушевлённости в парадигме склонения существительных в древнегерманских языках*. Томск, 1980. 130 с.; *Функциональная вариативность древнегерманских консонантных основообразующих формантов* // *Языки мира. Проблемы языковой вариативности*. М., 1990. С. 153-171; *А.П. Дульзон: К 95-летию со дня рождения*. Томск, 1995. 74 с. (в соавт.); *Место древнегерманских существительных с основами на -и в склонении* // *Языковые единицы в системе и тексте*. Томск, 1996. С. 5-23.

Лит.: *Кашеев Н. Почести из Кембриджа. Женщиной года в Кембридже избрали томичку* // *Томский вестник*. 1993. 16 янв.; *Фёдоров В. Одна из выбранных* // *Красное знамя*. 1993. 25 июня; *Батурин М. Женщина года* // *Сов. учитель*.

П

Палеолит, древнейший период камня эпохи. Открытие и исследование в 1896 *Томской палеолитической стоянки* в Лагерном саду в г. Томске явилось науч. сенсацией в мировой археологии. Ранее европейские учёные, активно разрабатывающие проблему предыстории человечества, отвергали саму мысль о возможности заселения палеолитическим человеком территории Сибири. До открытия в 1960-х палеолитических памятников на рр. Чулыме и Иртыше Томская стоянка оставалась единственной в Зап. Сибири, что позволяло предполагать её случайный характер. С открытием в 1972 *Могочинской палеолитической стоянки* граница расселения человека несколько отодвинулась к С. Дальнейшие поиски памятников П. в Томской обл. продолжительное время оставались безрезультатными.

В 1988 в г. Северске при выборке грунта случайно было обнаружено скопление костей мамонтов (местонахождение Парусинка). На фрагмент одного из бивней взрослой особи в технике полиэйконии (греч. – многообразность) нанесены изображения мамонтов, двугорбых верблюдов, благородного оленя, антропоморфных персонажей, а также знаки-символы. Изобразительная манера рисунков позволяет отнести их ко времени 10 – 25 тыс. лет назад. Находки подобного рода весьма редки и занимают особое положение в ряду произведений древнего человека. Томская стоянка была оставлена группой бродячих охотников на мамонтов. Могочинская стоянка просуществовала более продолжительное время. Отсутствие остатков долговременных жилищ свидетельствует о сезонном обитании на стоянке, приуроченном к относительно тёплому времени года. Томская и Могочинская стоянки существовали в эпоху позднего оледенения, в кон. П., примерно 16 – 18 тыс. лет назад, когда на Земле обитал человек совр. физического облика – кроманьонец.

Для решения проблемы первоначального заселения С. Евразии определённое значение имеют памятники на р. Яя, лев.

притоке р. Чулым: местонахождения Воронино-Яйское и Арышевский Карьер. Перв. открыто в 1955 на р. Яя близ с. Воронино-Яя Асиновского р-на Томской обл. На глуб. 5 – 7 м были случайно найдены бивень мамонта и архаичное по форме орудие рубящего типа, предположительно, палеолитического возраста. Обследование в 1997 палеонтологом С.В. Лещинским окрестностей села дало новые находки каменных орудий. В 1998 он и археолог С.В. Зенин обнаружили местонахождение Арышевский Карьер на берегу Арышевского ручья (Зырянский р-н Томской обл.). Памятник был вскрыт совр. карьером по разработке тугоплавких глин. Своим появлением в данном месте он обязан естественному выходу горной породы. Пласты камня, ныне перекрытые поздними отложениями, в древности находились на поверхности и были доступны древнему человеку. Сливные или окремнённые песчаники оказались пригодным для изготовления орудий материалом и привлекли сюда людей. По мнению исследователей, памятник возник в казанцевское время, датируемое пределами 80 – 130 тыс. лет назад.

Открытие памятника Арышевский Карьер полностью переценило прежние представления о времени первоначального освоения человеком территории совр. Томской обл. и в целом Зап.-Сиб. равнины, основанные ранее на материалах Томской, Могочинской и др. синхронных им стоянок. Освоение началось гораздо раньше и имело достаточно широкие масштабы, в чём убеждает ещё одно новое открытие археологов – находка местонахождения Омутная близ пос. Малиновка Томского р-на, на прав. берегу р. Омутной. Обнаружено в 1999 Ю.И. Ожередовым. Старый геологический карьер на поверхности террасы и речной поток у её подножия обнажили естественный выход сливных песчаников и вместе с ними археологический памятник. Не исключено, что и здесь была мастерская по производству каменных орудий.

Уникальность местонахождений Арышевский Карьер и Омутная состоит в их комплексном характере: на одном месте находились источник сырья (древний рудник) и мастерская по его обработке. Собранные на них нуклеусы, скребки, рубящие орудия и многочисленные отщепы являются продуктами единой

технологии и весьма близки не только по материалу, но и по форме. Исходя из этого, данные памятники объединены в единых хронологических и культурных границах. Имеется достаточно оснований считать их следами одной культуры, носителями которой стали люди мустьерского времени, т.е., времени, когда Землю населяли представители позже исчезнувшей ветви развития человечества – палеантропы (неандертальцы).

Лит.: Абрамова З.А., Матющенко В.И. Новые данные о Томской палеолитической стоянке // ИИС. Томск, 1973. Вып. 5. С. 16-23; Зенин В.Н., Лещинский С.В. Новое палеолитическое местонахождение в Томской области (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1998. С. 98-102; Они же. Новые данные о палеолитическом местонахождении Воронино-Яя в Томской области // Там же. С. 96-97; Коноваленко С.И., Ожередов Ю.И. Номенклатура и вещественный состав артефактов нового памятника раннего палеолита из Томской области // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Томск, 1999. С. 178-180; Ожередов Ю.И. К вопросу о позднеплейстоценовой фауне по материалам археологии // Эволюция жизни на Земле: Материалы 1-го Международного симпозиума. Томск, 1997. С. 126-127; Петрин В.Т. К проблеме освоения человеком Западно-Сибирской равнины в конце плейстоцена // Особенности естественно-географической среды и исторические процессы в Западной Сибири. Томск, 1979. С. 29.

Ю.И. Ожередов.

Пелих Галина Ивановна (12 окт. 1922, г. Барнаул – 16 сент. 1999, г. Томск) – этнограф, проф. В 1945 окончила ист.-фил. ф-т ТГУ. В 1945 – 1946 – ассистент пед. ин-та г. Сталинска (ныне – г. Новокузнецк). С 1946 – ассистент ТГПИ. В 1954 П., перв. в Томске, защитила канд. дис. по этнографии. С 1955 – ст. преподаватель каф. всеобщей ист. ТГУ. Науч.-пед. деятельность П. в 1950 – 1970-е заложила основы функционирования этнографического направления в ист. науке ТГУ. В 1976 защитила докт. дис. «Происхождение селькупов». С 1977 по 1981 – зав. группой этнографии Ин-та ист., филологии и философии СО АН СССР в Новосибирске. С 1993 по 1999 – проф.-консультант каф. археологии и ист. краеведения ТГУ.

Соч.: Условия возникновения территориальной общины-юрты у селькупов Нарымского края // Учен. зап. ТГПИ. 1955. Т. 14. С. 251-284; Кольцевая связь у селькупов Нарымского края // Тр. Ин-та им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Сибирский этнографический сборник. М., 1962. Т. 78, вып. 4. С. 176-196; О методе научной классификации сибирских петроглифов // Сов. этнография. 1968. № 3.

С. 68-76; Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск, 1980. С. 5-70; Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 157 с.; Селькупская мифология. Томск, 1998. 78 с.

Лит.: Деревянко А.П., Гемуев И.Н., Октябрьская И.В. Народы Сибири: история и культура (к 75-летию Г.И. Пелих). Новосибирск, 1997. 160 с.

А.Т. Топчий, Т.В. Галкина.

Пеняев Евгений Михайлович (9 июля 1923, г. Новосибирск – 19 сент. 1953, с. Костино Мытищинского р-на Московской обл.), из семьи служащих. Археолог, историк. Окончил ист.-фил. ф-т ТГУ (1946). С 1946 по 1953 был зав. Музеем ист. материальной культуры (с 1968 – Музей археологии и этнографии) ТГУ. Один из перв. исследователей *средневековья позднего Причудымья*. В 1946 – 1950 участвовал в археологической разведке и руководил раскопками на территории Асиновского и Молчановского р-нов. Исследованные памятники: Тургайское селище, Тургайский курганный могильник (1948); Малое Смолокуровское городище, Десятовское селище (1949); городище Тургай-1, курганный могильник Берёзовая Грива (1950). В 1951 – 1953 П. написал дис. «Хозяйство чулымских татар в 17 веке», которая получила высокую оценку, но осталась незащищённой в связи с его кончиной.

Соч.: Описание ведущих кремнёвых орудий с Басандайского городища // Тр. ТГУ. 1948. Т. 98. С. 117-123 (Басандайка: Сб. материалов и исследований по археологии Томской области).

Лит.: Галкина Т.В. Исследователь Причудымья Евгений Михайлович Пеняев (1923 – 1953) // Вестн. Омского ун-та. 1999. Вып. 2. С. 52-58; Матюшенко В.И., Дульзон А.П., Синяев В.С., Урасв Р.А. Памяти археолога Е.М. Пеняева // Тр. ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 358-359.

Т.В. Галкина.

Плетнёва Людмила Михайловна (р. 23 дек. 1936, г. Томск), из семьи служащих. Археолог, д-р ист. наук, специалист по ист. Сибири *раннего железа эпохи и средневековья*. После окончания ист.-фил. ф-та ТГУ (1960) работала в его Музее ист. материальной культуры (с 1968 – Музей археологии и этнографии Сибири) сначала лаборантом (1960 – 1962), затем – зав. музеем (1962 – 1968, 1970 – 1974), в т.ч. на общественных началах (1974 – 1987). Являлась одним из перв. сотрудников-археологов ПНИЛИАЭС ТГУ, в которой трудилась мл. науч. сотр. (1968 –

1970), ст. науч. сотр. (1974 – 1992), вед. науч. сотр. (1993), руководила сектором археологии (1987 – 1992), методическим семинаром археологов, этнографов и антропологов (1976 – 1982). Параллельно вела учебную работу со студентами. С 1993 основным местом работы П. становится Музей – выставочный зал (с февраля 1997 – Музей) г. Северска. В настоящее время зам. дир. музея по науч. работе, постоянно сотрудничает с ТГУ.

В течение более 30 полевых сезонов П. изучает археологические памятники Томского Приобья, а также провела разведочные работы по рр. Чулым (1962), Обь (1963, 1970), Мрас-Су (1963), Парабель (1970). Ею исследованы *Шеломок-2, поселение, городище Шеломок-1, Савинский курганный могильник, Тимирязевский-1 курганный могильник, Усть-Малокиргизский курганный могильник, Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс*. Значительное расширение источниковой базы лесостепных и южнотаёжных р-нов Зап. Сибири явилось основой для защиты канд. дис. «Томское Приобье в конце 5 – 3 в. до н.э.» (1974) и докт. дис. «Томское Приобье в средневековье (по археологическим источникам)» (1996), написания 4 монографий и около 70 статей. П. разработана концепция культурно-исторического развития Томского Приобья в эпоху железа, основные положения которой сводятся к следующему.

В *раннего железа* эпоху в регионе локализуется *шеломокская культура* (кижировская) 5 – 3 вв. до н.э., для которой прослежено сильное влияние и проникновение юж. соседей – населения тагарской культуры и *большереченской культуры*. Позднее, с 3 в. до н.э. и по 3 – 4 вв. н.э., шеломокская культура попадает под влияние *кулайской культуры* и, видимо, постепенно ассимилируется её носителями. П. реконструированы также процессы эпохи *средневековья*. Памятники *средневековья раннего* включены ею в ареал *верхнеобской культуры* 5 – 9 вв. В *средневековье развитое* её сменяет *басандайская культура* 11 – 14 вв., один из ранних компонентов которой связан со *сросткинской культурой*, а в целом – фиксирующая приход в Томское Приобье значительной группы кыпчаков (см. в ст. *Этническая история*). Памятники *средневековья позднего* (15 – нач. 17 в.) отражают культуру том-

ских татар, чатов, близких барабинским татарам (см. в ст. *Этническая история*). П. награждена медалью «Ветеран труда» (1984), нагрудными знаками «К 100-летию ТГУ» (1988), «Высшая школа СССР. За отличные успехи в работе» (1989).

Соч.: Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.; Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с. (в соавт.); Томское Приобье в позднем средневековье. Томск, 1990. 133 с.; Томское Приобье в начале II тыс. н. э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 351 с.; Томское Приобье в средневековье (по археологическим источникам): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 49 с.

Лит.: Матющенко В.И. Археология Сибири 1960 – начала 1990-х гг. Процессы развития: Учеб. пособие. Омск, 1995. С. 43-44; Чиндина Л.А. Тридцатилетний этап археологии Томского университета // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 17-24.

О.Б. Беликова.

Р

Раннего железа эпоха (эпоха раннего железного века, ранний железный век) в Зап. Сибири приходилась на 6 в. до н.э. – 4 – 5 вв. н.э. и знаменовалась рядом важнейших культурно-исторических и палеогеографических особенностей. 1-й этап Р.ж.э. характеризуется господством бронзы как основного сырья для производства орудий труда и оружия. В Юж. Сибири, где существовало несколько культур, входивших в скифо-сибирское культурно-историческое единство, этот этап, благодаря наличию высококачественной бронзы, задержался до 5 – 4 вв. до н.э. После этого железо активно внедряется в производство.

В Томской обл. в памятниках 4 в. до н.э. уже известны мелкие железные изделия (*Степановский комплекс археологических памятников; Тух-Эмтор-4, поселение; городище Киреевское-2* и др.). В лесные р-ны сырьё (медь, бронза) и, видимо, перв. железные поделки поступали из юж.-сиб. металлургических центров через культуры скифо-сибирского мира, что укрепляло многовековые экономические связи этих 2 регионов, но ставило в зависимость от Ю. лесные культуры.

Юж. р-ны Томской обл. в 5 – 3 вв. до н.э. являлись сев. приферией скифо-сибирского мира с его знаменитым звериным стилем в искусстве, своеобразным оружием, высокоразвитым

скотоводством и земледелием. В Томском Приобье сложилась *шеломокская культура* (кижировская) на местной основе. В правобережье Томи на неё оказывает влияние компонент тагарской культуры (культура скотоводов и земледельцев Юж. Сибири, входившая в скифо-сибирский круг, 6 – 2 вв. до н.э.). Оно заключалось не только в культурном заимствовании. Лесостепные тагарцы мелкими группами в 5 – 3 вв. до н.э. проникали в Притомье и, видимо, в низовья притоков Чулыма, создавая при этом торгово-производственные центры и вступая в тесные контакты с местным населением. В бассейне Оби шёл процесс трансформации традиций *большереченской культуры* и воздействия со стороны сако-усуней через соседние южные культуры. Обменные, хозяйственные и семейно-брачные связи, политическое давление модифицировали местные традиции, придавая им скифо-сибирский облик.

Собственная металлургия железа в лесном Ср. Приобье начинается в кон. 3 – 2 в. до н.э. Освоение собственной чёрной металлургии, основанной на местном сырье (болотные руды), освободило лесные племена от необходимости завозить металл для массового производства орудий, обеспечило самостоятельное развитие новой отрасли хозяйства, предопределило новую эпоху в культурном развитии края.

Р.ж.э. ознаменовалась развитием в степных и лесостепных р-нах Сибири полукочевого и кочевого скотоводства, требовавшего широких кормовых территорий. Формирование общества кочевников (кочевников), распад общинных отношений, возникновение первых племенных союзов (усуней, юэджей, саргатцев, динлинов) изменили взаимоотношения сиб. населения. Резко увеличилась его подвижность, частота военных столкновений, этническая и культурная пестрота. На территории лесных р-нов проходили не менее сложные процессы. Неравномерность экономического развития сев. периферии приводила к усилению одних культур и ослаблению других. Неизбежный рост народонаселения усилившихся культур в условиях в основном присваивающего хозяйства со слабой технической базой требовал отлива избыточного населения. Посл. осуществлялось путём захвата чужих

территорий, освоения малонаселённых земель или опустевших в результате разорительных походов кочевников.

Культурно-исторические преобразования серьёзно регламентировались природными изменениями. На Р.ж.э. (в пределах 9 – 3 вв. до н.э.) пришлось одно из крупнейших эпохальных колебаний климата – похолодание. Оно сопровождалось увеличением осадков и их слабой испаряемостью. Это привело к мощному пространственному болотообразованию, смещению границ природных зон (лес продвинулся к Ю. на 200 – 300 км), сокращению степных территорий, деградации лугово-чернозёмных почв. В свою очередь, уменьшились луговые площ., снизилась биологическая продуктивность степей, лесостепей и юж. тайги Зап. Сибири, заметно перераспределялись биоценозы.

Острые социально-экономические, политические противоречия, экологический кризис ввергли Зап. Сибирь в евразийский процесс Великого переселения народов. Миграционные потоки распространились в широтном и меридиональном направлениях: то пересекаясь, то проходя параллельно. Феноменом для Зап. Сибири стало распространение миграций на весь регион. Связано это с ист. *кулайской культуры*. Кулайское общество отличалось невиданной до того времени у охотников и рыболовов Сибири организацией военного дела, археологически выразившейся в создании и широком использовании специфических форм оружия, распространении укреплённых поселений (городищ), формировании военной идеологии.

Эпизодически, небольшими группами кулайцы начали просачиваться на Ю. и З. Ср. Приобья, начиная с рубежа 4 – 3 вв. до н.э. Массовая волна переселений в этих направлениях приходится на втор. пол. 3 в. до н.э., когда кулайцы, занимая привычные для их хозяйственно-культурного типа экологические ниши вдоль Оби, доходят до предгорий Алтая, сохраняя при этом свой культурный тип. 2-я волна приходится на 1 в. до н.э. – 2 в. н.э., когда кулайцы движутся во всех направлениях, особенно активно внедряясь в сев. зоны, вплоть до Ледовитого океана. Там они оставили памятники усть-полуйского типа. На юж. направлении кулайцы проникают на территорию тагарской культуры, колони-

зируя лесные участки Ср. и Верхнего Притомья, Верхнего Причудымья, оставляя памятники фоминского типа. По Кети они достигают сев. Приангарья. Возникла огромная кулайская общность. С этого времени территория Томской обл. полностью вошла в состав кулайской культуры. Позднее на колонизированных территориях кулайской общности, в результате саморазвития местных культур и влияния извне, возникли новые культурные образования с кулайскими традициями.

Лит.: Грязнов М.П. Древняя история племён Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л., 1956. № 48. С. 44-98; Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. Томск, 2001. С. 285-308; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.; Троицкая Т.Н. О северной границе распространения большереченских племён // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 45-55; Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.; Она же. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. С. 117-130.

Л.А.Чиндина.

Рёлка, курганный могильник. Месторасположение памятника – р.ц. Молчаново Молчановского р-на Томской обл., на мысу лев. надпойменной террасы р. Оби. Открыт в 1947 *Пеняевым Е.М., Синяевым В.С. и А.И. Уваровым* Его исследования проводили *Дульзон А.П.* (1952, 1954), *Матющенко В.И.* (1963 – 1964), *Чиндина Л.А.* (1966). В 14 курганах раскопано 58 погребений, 2 из которых относятся к эпохе поздней бронзы (*молчановская культура*), остальные – к *средневековью раннему*, 6 – 8 вв. Материалы Р.,к.м. послужили основой для выделения и характеристики *рёлкинской культуры*.

Р.,к.м. содержит уникальные материалы, которые отражают ист. культуры, сложную систему мировоззрения рёлкинцев. Погребальный обряд сохранил следы многообразных ритуальных действий. Под насыпью находилось от 1 до 17 могил. Хоронили в неглубоких ямах и на поверхности, сооружая деревянную рамугробовище, куда помещали обёрнутого в бересту покойника. Существовал обряд повторных захоронений. За редким исключением, умершему клали хозяйственные и бытовые (топоры-тёсла, ножи, лук и стрелы, точила, посуду), а также культовые предме-

ты (обереги, изображения духов). Мужские погребения, как правило, сопровождали захоронения частей жертвенного животного.

Умерших воинов, которые при жизни выполняли также функции шаманов и кузнецов, сжигали в боевом облачении, в сопровождении духов-помощников (бронзовые изображения), кремированные останки предавали земле. Существовал и специфический обычай расчленения трупа – отчленения головы и погребения её отдельно от тела. У жертвенных животных (коней) также отчленяли головы и хоронили в стороне от могилы – на площ. могильника. Своеобразие обряда выразилось и в наличии тайников – скоплений вещей (украшений, миниатюрных моделей оружия, бытовых предметов, зоо- и антропоморфных изображений) в сосуде обычной формы или ладьевидной. Инвентарь погребений богат и разнообразен: орудия труда, боевое и защитное оружие, бытовые предметы, детали одежды и украшения, культовые и художественные изделия местного и иноземного производства. Особое значение имеет керамическая посуда. Её 3 типа наглядно демонстрируют взаимодействие 3 этнокультурных компонентов в единой культурной общности. Памятник оставлен самодийским населением, предками нарымских *селькутов* (камасинцев).

Лит.: Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Она же. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. С. 97. № 175.

Л.А. Чиндина.

Рёлкинская культура, средневековье раннее. Р.к. сложилась в Томско-Нарымском Приобье и существовала в 6 – 9 вв. Выделена *Чиндиной Л.А.* в 1970-е. Позднее к проблемам Р.к. обращались многие учёные – В.А. Могильников, *Плетнёва Л.М.*, Т.Н. Троицкая и др. Споры ведутся в основном по 2 позициям – юж. границы Р.к. и её этнической интерпретации. Л.М. Плетнёва, Т.Н. Троицкая, А.В. Новиков считают, что граница на Ю. проходила по устью Томи. Л.А. Чиндина, В.А. Могильников, *Косарев М.Ф.*, А.А. Казаков и др. – что этот рубеж достигал в Томском Приобье широты г. Новосибирска.

Р.к. сформировалась на основе кулайских традиций. Непосредственный переход от *кулайской культуры* к рёлкинской со-

вершался в Нарымской и сев. частях Томского Приобья, сохраняя локальные различия на протяжении всего существования Р.к. В 6 в. в связи с экспансией тюрков в Верхнее Приобье население Ю. Томского Приобья (также потомки населения кулайской культуры) объединяется с сев. сородичами. В складывании Р.к. важную роль сыграл пришлый юго-вост. компонент, в Притомье непосредственно связанный с лачиновской культурой.

Р.к. характеризуют многочисленные поселения, могильники, священные места, а также многообразие категорий и обилие вещей. В системе источников выделяется чёткий комплекс как специфических культууроопределяющих признаков (погребальный обряд, керамика, культовое литьё, местные украшения, специфические жилища), так и в целом характеризующих культуру (поселения, жилища со всем интерьером, общепринятый распространённый инвентарь).

В настоящее время в Томской обл. известно не менее сотни поселений (Кисловка-2, 7, Нёготка-4, Мысовая-2, Круглое озеро-1, 2, *Малгет, комплекс археологических памятников* и др.). Поселения располагались по берегам водоёмов и насчитывали от 5 до 100 построек (жилищных, хозяйственных, бытовых, культовых). Жилища различного типа: от небольших полуземлянок до крупных двухкамерных каркасных и срубных сооружений с очагами, с определёнными местами для отдельных семей. Как исключение встречаются жилища с земляными канами по типу дальневосточных.

Погребальный обряд известен по небольшим курганным могильникам (2 – 3 кургана) и крупным: *Архиерейская Заимка, Вахтовский, Рёлкинский курганный могильник, Салтаковский, Тимирязевский-1 курганный могильник, Тимирязевский-2* и др. Умерших в основном хоронили по обряду ингумации – на поверхности или в неглубоких могилах, сверху насыпали небольшие курганы. На крупных некрополях для семейной общины существовало своё место погребений. В результате мелкие курганные насыпи сливались в большой курган, под которым покоились десятки родственников. Были и небольшие курганы с одним погребённым.

Экономика Р.к. претерпела существенные изменения по сравнению с экономикой кулайской культуры. Она, как и прежде, базировалась на комплексном многоотраслевом хозяйстве, однако путь адаптации в природной среде шёл не за счёт обширных миграций, а через наращивание потенциала производящего хозяйства – скотоводства и земледелия. Др. путь подъёма экономики был связан со специализацией отдельных отраслей хозяйства – пушной охоты, чёрной металлургии, металлообработки в рамках семейных общин, «людей одной реки». Совершенствуются технологии традиционных форм охоты, рыболовства, собирательства: утверждаются сезонность, новые технические средства промысла. Формируется локальная специфика в зависимости от местных природных условий, близости пограничным р-нам, активно развивается торговый обмен, особенно с Ю. Оттуда поступали медь, готовые бронзовые, серебряные, железные изделия (культовые чаши, наборные пояса, некоторые виды оружия в богатой оправе и др.), шёлковые и шерстяные ткани, породистые лошади. В обмен на дорогой импорт шла высококачественная пушнина (соболей, беличий, бобровый мех).

Рёлкинское об-во состояло из позднеродовых объединений (патриархальная семья, семейная община, группа семейных общин) со свойственными им чертами внутреннего единства: общность земель семейных общин, наличие единых тотемистических и антропоморфных предков, кладбищ, мировоззрения. Именно в Р.к. чётко проявляются трёхчленное деление мироздания с особыми духами в каждом мире, сложная система посредничества между мирами, осуществляемая культурным героем, шаманом с многочисленными помощниками. В то же время у рёлкинцев сильно пошатнулись родовые устои, что отразилось в интенсивном дроблении семейных общин, индивидуализации хозяйственной деятельности, становлении территориальных принципов собственности, активном процессе имущественной и социальной дифференциации. В об-ве появляются элитарные прослойки воинов, кузнецов, более обеспеченных людей, о чём свидетельствует особый обряд погребений (сожжения, жертвоприношения), более богатое сопровождение специфическим инвентарём (первокласс-

ное оружие, дорогостоящие ткани, элитные пояса, жертвенные животные, обособление жилищ-мастерских кузнецов-универсалов на общих поселениях и т.д.).

Группы семейных общин консолидировались в более крупные подразделения типа племен. Р.к., сохранившая в Ср. Приобье традиции кулайцев-самодийцев, была разнокомпонентна и являлась результатом союза родственных племён пракамасинского и праселькупского этносов.

Лит.: Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. 216-232 с.; Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 150 с.; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Она же. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Л.А. Чиндина.

Розов Николай Сергеевич (7 мая 1896, с. Николо-Замошве Ярославской губ. – 3 окт. 1987, г. Томск), из семьи священника. Антрополог, канд. биологических наук. В 1916 закончил Ростовскую гимназию, в 1929 – Ленинградский ун-т по специальности этническая антропология. В 1934 по конкурсу зачислен и.о. доцента каф. анатомии Томского мед. ин-та. Науч. и пед. деятельность в Томске связана также с ТГУ (зав. каф. анатомии и гистологии, доцент каф. физиологии чел. и животных) и пед. ин-том. В 1948 на общественных началах организовал в ТГУ антропологический музей, преобразованный в 1958 в кабинет антропологии, краниологические коллекции которого являются крупнейшими в России. Осуществил многочисленные экспедиции в различные р-ны Зап. и Юж. Сибири, собирая материал по коренным народам региона. Науч. наследие, посвящённое происхождению древнейшего населения Зап. Сибири и его миграциям, актуально и по сей день.

Соч.: Материалы по краниологии чулымцев и селькупов // Тр. Ин-та этнографии. М., 1956. Т. 33. С 340-373; Антропологический состав древнего населения Средней Оби (селькупов) // Учён. зап. ТГУ. 1958. Т. 32. С. 144-151; Антропологические исследования коренного населения Западной Сибири // Вопросы антропологии. М., 1961. Вып. 6. С. 71-94; Материалы по антропологии насе-

ления Причулымья // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961. С. 387-396.

Лит: Плетнёва Л.М. О Николае Сергеевиче Розове // Тр. ТОКМ. Т. 10. С. 149-152.

М.П. Рыкун.

Русские по численности преобладают во всех р-нах и в большинстве селений Томской обл. (884 тыс. чел. по переписи 1989). Язык Р. относится к славянской группе индоевропейской языковой семьи. Письменность – на основе варианта кириллицы. По религиозным убеждениям большинство Р., в т.ч. старообрядцы, относятся к православному направлению христианства. Ист. появления Р. на территории Томской обл. связана с ист. присоединения Сибири к Русскому государству.

Р. принесли в Сибирь традицию пашенного земледелия, распахав лесные поляны (елани) вокруг острогов уже в перв. годы после переселения. На территории обл., как и во многих местах Сибири, сложилась залежно-паровая, с элементами подсечной, система земледелия, наиболее приспособленная к местным климатическим условиям. Выращивали озимую и яровую рожь, овёс, ячмень, пшеницу, горох, лён, коноплю, разнообразные овощи. Орудиями земледельческого труда служили деревянные сохи с железными сошниками, бороны, косы-горбуши, серпы. Сжатый хлеб связывали в снопы, ставили их в суслоны, затем перевозили в гумна и овины для просушки и обмолота. Обмолачивали зерно на ледяном току деревянными цепями. Для размола зерна на муку строили водяные, реже ветряные, с кон. 19 в. – паровые мельницы, а также использовали ручные жернова.

Разводили крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз, свиней, кур. Хорошо зарекомендовали себя лошади нарымской породы – небольшие и неказистые на вид, но очень выносливые и неприхотливые. Количество скота на одну семью было от 10 голов до 100 и более. Даже в семьях бедняков было по 1 – 2 коровы и лошади. Для содержания скота зимой строили на усадьбе или на особой заимке скотные дворы и заготавливали сено. В нарымских селениях содержали собак не только для охоты, но и для получения тёплых шкур на одежду. Подсобными промыслами были охота, рыболовство и сбор дикорастущих. Охота имела мясное

(на лося, боровую и водоплавающую дичь) и пушное (на соболя, белку, лисицу и др.) направления. Активные формы охоты с ружьём и собакой сочетались с пассивными: добычей зверя с помощью ловушек (ям, петель, кулем, плашек, самострелов, черканов, капканов и пр.). Снаряжение охотника состояло из лёгкой и тёплой одежды, лыж, нарт, ружья, ножа, топора, ловушек. Рыболовство было более массовым, по сравнению с охотой, промыслом. Орудиями лова служили невода, сети, сплетённые из прутьев морды и коржачки, крючковые снасти: удочки, самоловы, перемёты, жерлицы, а также загородки (котцы). При ночном способе лова – лучении – использовали острогу. Зимой вылавливали рыбу в специальных ямах, где она скапливалась на зимовку.

В домашних условиях или в кустарных мастерских изготавливали все необходимые в хозяйстве орудия труда, утварь и одежду. В томских деревнях особо развиты были деревообрабатывающие промыслы: плотницкое ремесло, изготовление лодок, саней, телег, дуг, колёс, мебели, посуды и пр. Сложилась специализация селений по производству тех или иных изделий: например, в с. Спасском, дд. Луговой, Чернильшиково, Протопопово гнули дуги; в дд. Поздняковой, Кругликовой, Луговой делали посуду; в с. Киреевском, д. М.-Евтюхиной был развит бондарный промысел. Занимались также смолокурением, дёгтекурением, углежжением, выделяли гончарную посуду и кирпич. Кузнечный промысел обеспечивал нужды в металлических изделиях. В отдалённых селениях, особенно у старообрядцев, до 1930-х сохранялись домашнее прядение и ткачество. Ткали холст, пестрядь, узорные скатерти, полусукно (понитчину) и сермяжное сукно, а также пояса, шали, одеяла и пр. Из овечьей шерсти катали войлок, валенки и головные уборы. Для шитья обуви, изготовления конской упряжи выделяли кожи. Из выделанных овчин, собачьих шкур и шкур диких животных шили верхнюю одежду, обувь, шапки, рукавицы.

Традиционным средством передвижения у Р. был гужевой транспорт с использованием лошади в оглобельной упряжке, с хомутом и дугой. Наибольшее применение в томских селениях имели зимние полозовые средства: сани, в т.ч. дровни, розвальни,

кошева, сани-волокуши, сани с подрезами (металлическими полосами на полозьях) и пр. Особую разновидность саней представляли нарты, используемые охотниками для перевозки грузов вручную и с помощью собаки. Средством передвижения охотников являлись широкие лыжи-подволоки, подклеенные мехом, и лыжи-голицы без меха. Колесные средства передвижения: телеги, брички, сноповозки, двуколки, тарантайки и пр. на 4 и 2 колёсах применялись на летних дорогах, хотя сибиряки летом предпочитали передвигаться по рекам. Основным средством водного транспорта были лодки, различающиеся по конструкции и размерам: остроконечные долблёные обласки, колодообразные долблёные лодки, дощатые плоскодонки, дощаники, большие завозни, неводники, паузки.

Перв. поселениями Р. были укреплённые остроги или городки, вокруг которых выросли сельские поселения: заимки, деревни, сёла, выселки, починки и пр. Большинство селений было основано по берегам рек, которые определяли планировку, – расположение вдоль берега. Выбор места для поселения диктовался не только практическими соображениями, но и духовными потребностями. Одной из форм освящения места было первоочередное строительство храма, а также сложение легенд о местных чудотворных иконах в сс. Богородском, Семилуженском, Ярском. Застройка селений была свободной и рядовой, позднее – уличной. Во многих селениях выделялись обособленные части – концы или края в зависимости от состава жителей или особенностей местности, например витебский, чалдонский, подгорный и др. Селения огораживались поскотиной из жердей, служащей для выпаса скота.

Дома строили в основном из сосны, для нижних венцов и столбов использовали лиственницу. Брёвна просушивали 1 – 2 года во временном срубе. Для постройки собирали «помощь» из родственников и соседей или нанимали плотников. Брёвна рубили «в чашку» или «в угол» с выпуском концов, реже – «в лапу» без выпуска концов. Распространены были двухкамерные избы с сенями, трёхкамерные избы-связи, позднее – пятистенки и крестовики. Самыми престижными являлись «круглые» дома – кре-

стовики или пятистенки с квадратными основаниями под четырёхскатными крышами. Крыши закрывали тёсом в 2 слоя или «в разбежку», с промежутками; реже для покрытия использовали дранку, бересту, солому. В крупных селениях окна делали с арочным верхом, а наличники и карнизы украшали резьбой. Простейшее жилище из четырёхстенной избушки встречалось только у бедняков и одиноких бобылей или служило в качестве временного жилья.

Внутренняя планировка жилища была сев.-среднерусского типа – с печью в углу у входа, с челом, повернутым к окнам фасада, и передним углом по диагонали от печи. Рядом с русской глинобитной печью ставили железную печку для дополнительного обогрева. Такую же печку ставили в горнице. Часть избы перед печью (куть, бабий куть) отгораживалась занавеской или заборкой и считалась женским местом в доме. С печью и огнём было связано много поверий, идущих из глубокой древности. Самым почётным местом в доме был передний угол, где помещались иконы, стоял обеденный стол, а вдоль стен – встроенные лавки. В передний угол садили почётных гостей, жениха с невестой, а также клали умершего, провожая его в посл. путь.

Хозяйственные постройки на усадьбе размещались чаще всего по периметру, а центр. часть закрывалась на зиму жердями, соломой и сеном. Рядом с домом ставили амбар или избушку-зимовье, за ними шли завозня, поднавес и др. строения. На задах усадьбы располагались постройки для скота: холодный двор, конюшня и стайки. Вся усадьба обносилась бревенчатым забором-заплотом с двухстворчатыми воротами и калиткой при входе. Отдельно на огороде или у реки сооружали топящуюся по-чёрному баню, часто под земляной крышей.

Традиционная одежда и сопутствующее ей ручное ткачество дольше всего сохранялись у старообрядцев. Женский костюм состоял из домотканой рубахи и сарафана (косоклинного, прямого, на кокетке) и шапочки-сашмуры. У старожилов в кон. 19 – нач. 20 в. преобладал т.н. городской костюм – «парочка» из кофты и юбки. В нарымских селениях бытовали домотканые шерстяные юбки-сукманки. Пореформенные переселенцы при-

несли в зависимости от мест выхода одежду с сарафаном или понёвой, но в Сибири вскоре перешли на ношение юбок и кофт как в силу общерусских процессов, так и под влиянием старожилов, у которых даже сам термин «понёва» считался бранным словом. Сохранились поверья, связанные с женскими волосами и необходимостью ношения головного убора для замужних женщин, который полностью бы закрывал волосы.

Мужская одежда состояла из рубахи-косоворотки, которую носили навывпуск, подвязывая поясом, и заправленных в сапоги или чирки широких шаровар. Тканый пояс наряду с крестом считался оберегом от злых сил. Головными уборами служили картузы, валяные и меховые шапки. Верхняя одежда из домотканого полусукна была халатообразного (пониток, шабур) и приталенного покроя. Популярны были мужские азямы из верблюжьего сукна. Зимой носили овчинные шубы, полушубки, тулупы, собачьи дохи. Обувью служили кожаные чирки (женские – без голенищ), бродни, бахилы, валяные пимы с узорами по голенищу. Традиция ношения многослойной одежды, обуви и рукавиц способствовала сохранению тепла при длительном пребывании на морозе.

Готовили в основном мучные и крупяные блюда, дополняемые овощами, рыбными и мясо-молочными продуктами в зависимости от дней поста или мясоеда. Выпекали хлеб из ржаной муки, а в праздники – из пшеничной, пекли пироги, блины, шаньги и пр. В пост готовили блюда из овощей, каши с мёдом и конопляным маслом, сладкое блюдо из заварной солоделой муки (кулагу), гороховые и овсяные кисели, постные похлёбки и щи. Квас был не только повседневным напитком, но и основой для приготовления многих блюд. В праздники и в дни мясоеда в достатке имелись мясо, яйца, масло и молочные продукты, поскольку держали много скота и занимались охотой. Староверы не ели мясо зверей «с когтем»: медведя, зайца и «с одним копытом»: лошади. Полупостной пищей считалась рыба. Любимым угощением у старожилов служила строганина из замороженной рыбы (чушь). Почти в каждом доме весь день стоял горячим самовар, поскольку чай являлся излюбленным напитком сибиряков.

Для приготовления пищи и хранения продуктов использовалась самодельная посуда из дерева, бересты и глины. Покупали гончарные изделия, металлическую, реже – стеклянную и фарфоровую посуду. Готовили пищу в глиняных горшках, корчагах, латках, позднее использовали чугуны и сковороды. Для хранения продуктов применяли кринки, туеса и бондарные изделия. На стол подавали пищу в одной деревянной чашке. Староверы придерживались запрета на еду из одной посуды с «мирскими».

Семья у Р., как правило, состояла из 2 поколений, однако иногда, особенно у старожилов и старообрядцев, сохранялись большие, нераздельные семьи. К важнейшим семейным обрядам относились родинно-крестильный, свадебный и похоронный. В общественной жизни большое значение имели общинные традиции: сельские сходы, коллективные работы, совместные престольные праздники. Важную роль в организации общественной жизни играла церковь. Устное поэтическое творчество у Р. представлено лирическими и обрядовыми песнями, частушками, заговорами, пословицами и поговорками, сказками, загадками, быличками и пр. Через фольклор осуществлялось воспитание нового поколения и приобщение его к нравственным устоям об-ва.

См. также: *Календарная обрядность. Этническая история.*

Лит.: Бардина П.Е. Быт русских сибиряков Томского края. Томск, 1995. 224 с.; Бояршинова З.Я. Развитие русского земледелия в Томском уезде в XVII в. // Материалы по истории земледелия СССР. М., 1952. Сб. 1. С. 246-278; Громыко М.М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. 352 с.; Жили да были: Фольклор и обряды томских сибиряков. Томск, 1997. 222 с.; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 2. Томск, 1994. 286 с.; Томилов Н.А. О средствах передвижения русского населения Нижнего Притомья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 88-95.

П.Е. Бардина.

С

Савинский курганный могильник, раннего железа эпоха, 5 – 3 вв. до н.э. Находится в Томском р-не Томской обл., на прав. коренном берегу р. Томи, в 6 км к Ю.-В. от с. Ярское. Открыт А.Д. Гаманом в 1988. Раскопки 7 курганов проведены Плетнёвой Л.М. и А.Д. Гаманом в 1993 – 1994. Для погребально-

го обряда С.к.м. характерны: земляные курганы разм. от 8 x 9 м до 15 x 18 м, выс. от 0,3 до 1 м; округлая или пирамидальная с уплощённым верхом форма насыпи; наличие в 1 кургане от 1 до 3 могил глуб. от 1 до 2 м; помещение в могилу по 1 умершему; ориентация могил З.-В., Ю.-З. – С.-В., С.-С.-З. – Ю.-Ю.-В. Богатством инвентаря, разм. могилы и её глуб. выделяется погребение, предположительно, военачальника.

Инвентарь из погребений составляют костяные и бронзовые наконечники стрел, уникальный предмет для эпохи раннего железа – бронзовый кистень на кожаном ремешке, вставленном в бронзовую рукоять, а также бронзовые распределители римней упряжи и ножи, керамические сосуды и масса украшений: золотые серьги, бронзовые фигурки птиц, пантеры, бусы (халцедоновые, из речного (?) жемчуга, стекла и янтаря). Материалы С.к.м. свидетельствуют о приходе в Томское Приобье инокультурного населения, которое вошло в состав *шеломокской культуры*.

Лит.: Плетнёва Л.М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск: История и современность. Томск, 1994. С. 22-34.
Л.М. Плетнёва.

Сагалаев Андрей Маркович (р. 8 апр. 1953 г. Бузулук Оренбургской обл.), из семьи служащих. Этнограф, проф. Выпускник ист. ф-та ТГУ (1976). После окончания в 1980 аспирантуры на кафедре антропологии и этнографии ЛГУ и в 1981 защиты канд. дис. работал в Ин-те истории, философии и филологии СО АН СССР (г. Новосибирск). В 1992 защитил докт. дис. на тему «Архаичное мировоззрение урало-алтайских народов Западной Сибири». С 1994 – проф., зав. каф. всеобщей ист. ТГПУ, с 2000 – также проф. каф. археологии и ист. краеведения ТГУ. Автор и соавтор более 60 науч. работ, из них 9 монографий, большого количества лекционных курсов, 1 из которых был прочитан в ун-те США. Область науч. интересов: этнология Сев. Азии, миф и ритуал в традиционных культурах. Среди основных науч. результатов – формулировка положения о недуральном характере *традиционного мировоззрения* урало-алтайских народов Зап. Сибири, создание концепции сиб. *шаманизма* как философии природы.

Соч.: Мифология и верования алтайцев: Центрально-азиатские влияния. Новосибирск, 1984. 121 с.; Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сиби-

ри: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с. (в соавт.); Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск, 1989. 243 с. (в соавт.); Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. 209 с. (в соавт.); Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск, 1991. 153 с.; Г.Н. Потанин: опыт осмысления личности. Новосибирск, 1991. 228 с. (в соавт.); Алтай в зеркале мифа. Новосибирск, 1992. 176 с.

Лит.: Крюков В.М. «Увидеть за внешним – сокровенное» // Сиб. старина. 1993. № 4. С. 16-17.

И.Е. Максимова.

Самусь-4, поселение, бронзы эпоха, 17-16 – 13 вв. до н.э. Находится в Томском р-не Томской обл. в черте пос. Самусь, входящего в зону административного подчинения г. Северска. Расположен в приустьевой части р. Камышки, прав. притока р. Томи. С.-4,п. открыто *Матющенко В.И.* (ТГУ) в 1954 и исследовалось им с перерывами вплоть до 1972, а в 1995 – 1996 раскопки продолжила экспедиция Музея – выставочного зала г. Северска. К настоящему времени это одно из немногих археологических поселений, чья территория исследована почти полностью, на площ. более 6000 м².

С.-4,п. – памятник уникальный. Это подтверждается его высоким официальным статусом (включён в Перечень объектов ист. и культурного наследия общероссийского значения) и широчайшей известностью среди специалистов по евразийской археологии. Он концентрирует в себе наиболее актуальные проблемы эпохи бронзы Зап. Сибири, главная и сложнейшая из которых заключается в характере, генезисе и культурной принадлежности различных комплексов: собственно *самусьской культуры*, т.н. *стефановского типа памятников* (см. в ст. *Бронзы эпоха*) и *гребенчато-ямочной керамики культурно-исторической общности*. Наиболее эффектные находки связаны с самусьским комплексом. Многочисленны свидетельства высокотехнологического производства бронзовых орудий: ножей, кинжалов, втульчатых топоров и наконечников копий. Оригинальны глиняные сосуды, изготовленные специально для религиозных обрядов и церемоний. Их стенки украшали изображения таинственных человекообразных фигур, птиц и сложных знаков, а донышки – солнечные символы. Своеобразна мелкая пластика. Местные скульпторы запечатлели

в камне образ медведя, но с особым мастерством выполнили несколько портретов людей необычного для Сибири *антропологического типа* и небольшую подвеску в виде молящегося человека.

Согласно традиционным представлениям, С.-4,п. – наиболее крупный поселок в ареале самусьской культуры и основной, если не единственный, бронзолитейный центр. Однако при таком подходе не находит объяснений большая часть тех своеобразных элементов культуры и особенностей поселения, которые не имеют аналогов в др. памятниках: отсутствие долговременных жилищ при обилии открытых очагов, значительный удельный вес специальной обрядовой посуды, отсутствие специализированных мастерских при обилии следов обработки бронзы, сочетание нескольких типов бытовой керамики, производящей впечатление разнокультурной. Не исключено, что С.-4,п. представлял собой не поселенческий и не производственный, а в перв. очередь сакральный центр, посещаемый в определённое время года и связанный с событиями и обрядами получения и распределения металла и изготовления (скорее символического, чем реального) бронзовых орудий. Эта гипотеза может объяснить проблему соотношения различных комплексов С.-4,п. через участие в обрядах носителей различных культурных традиций.

Лит.: Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974. С. 56-65; Сыркина Л.М., Матющенко В.И. Раскопки поселения Самусь-IV // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 35-54; Посредников В.А. Культурно-генетическое место комплексов поселения Самусь-IV и некоторых других памятников Приобья // СА. 1972. № 4. С. 28-41.

Е.А. Васильев.

Самусьская культура, бронзы эпоха, 17 – 13 вв. до н.э. Перв. памятники этой культуры были открыты и исследованы *Матющенко В.И.*, но сам термин «самусьская культура» предложен и обоснован *Косаревым М.Ф.* Одна из наиболее оригинальных и загадочных археологических культур Сев. Евразии. Ареал её охватывал южнотаёжные леса Томского Приобья и Нижнего Причулымья, а также ленточные боры, расположенные по долине Оби в р-не совр. Новосибирска. Известно около 15 поселенческих

памятников, среди которых исследованностью, полнотой и уникальностью материалов выделяется *Самусь-4, поселение*.

Не вызывает сомнений двухкомпонентный состав С.к. Один из них, местный, связан с древностями *энеолита* Томско-Нарымского Приобья. В качестве генетических предков в равной мере рассматриваются носители как новокусковских, так и игрековских традиций. Пришлый (юж.) компонент своими корнями уходит в мир земледельцев Ср. Азии, близкий ранним цивилизациям Переднего Востока. Мигранты принесли в Томское Приобье навыки земледелия и скотоводства, технологию изготовления бронзовых орудий. Это были крупнейшие инновации в древней ист. региона.

Двойственный характер С.к. проявился во всех сферах жизнедеятельности: производстве, искусстве, мировоззрении. Мастера по выделке керамики наряду с бытовыми горшками, украшенными традиционным методом отступающей палочки, лопаточки, движущейся (шагающей, отступающей) гребёнки, изготавливали оригинальные культовые сосуды. Их стенки украшали изображения стилизованных человеческих фигур в нескольких канонических позах, птиц и сложных символов, а на доньшках помещались знаки солнечного диска. Не исключено, что подобная посуда использовалась в ритуалах и церемониях, связанных с бронзолитейным производством. Многочисленные следы изготовления орудий из высококачественной бронзы в виде обломков тиглей, литейных шишек обнаружены практически на всех самусьских поселениях. Используя дорогой привозной металл, поступавший в слитках с Рудного Алтая, мастера-профессионалы освоили сложную технологию получения топоров-кельтов и наконечников копий со слепой втулкой. Они отливались в составных формах с использованием специальных вставных сердечников. По своим характеристикам кельты и наконечники копий близки образцам, распространённым в эпоху бронзы на огромной территории, включавшей Зап. Сибирь, Алтай, Вост. Европу, и известным как орудия сейминско-турбинского типа. Внедрение бронзовых предметов привело к некоторому сокращению сферы применения орудий из камня, но не вызвало деградации камен-

ной индустрии. Наконечники стрел, скребки, ножи многочисленны, разнообразны и отличаются высоким качеством отделки.

Инвентарь и остеологические материалы позволяют охарактеризовать экономику населения С.к. как комплексную, в которой традиционные для региона охота на таёжного зверя (лося, медведя) и рыбная ловля дополнялись разведением (придомным?) скота (лошади, коровы) и возделыванием злаков. Из домашних промыслов, кроме камнеобработки и гончарства, следует отметить косторезное дело, прядение и ткачество с возможным применением примитивного ткацкого станка. В качестве сырья могли использоваться дикорастущая конопля и крапива.

Самусьское искусство представлено фалловидными предметами и оригинальными изображениями человека и медведя, выполненными из камня в технике круглой скульптуры. Все они обнаружены на поселении Самусь-4 и вместе с сакральной посудой характеризуют духовную жизнь носителей С.к. В их мировоззрении традиционные промысловые культы сочетались с новыми идеями плодородия и солярной символикой. С.к. сыграла выдающуюся роль в древней ист. региона. Вся последующая культурная эволюция проходила под знаком её открытий и достижений.

Лит.: Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. С. 96-106; Матющенко В.И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2 // ИИС. Томск, 1973. Вып. 10. 210 с.; Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск, 1989. 168 с.

Е.А. Васильев.

Самусьский могильник, энеолит. Известный археологический памятник Зап. Сибири. Располагался на высокой (12 – 15 м) террасе прав. берега рч. Самуськи в 1 км от её впадения в р. Томь и в 1 км южнее пос. Самусь Томского р-на Томской обл. Случайно обнаружен учащимися Самусьского ремесленного училища в 1950. Исследован экспедицией ТГУ под руководством *Матющенко В.И.* в 1953 – 1955. Всего выявлено 16 захоронений, совершённых по обряду трупоположения или трупосожжения на стороне. Инвентарь, как правило многочисленный, состоял из одного или нескольких сосудов разной формы и каменных орудий

труда (топоры, тѣсла, ножи, наконечники стрел). Некоторые могилы – безынвентарные. Для погребального обряда характерно применение охры. Уникальная находка – объёмная песчаниковая фигурка медведя выс. 9 см. Могильник относится к новокукусовскому этапу (см. в ст. *Энеолит*) и датируется кон. 3 – нач. 2 тыс. до н.э.

Лит.: Косарев М.Ф. *Бронзовый век Западной Сибири*. М., 1981. 279 с.; Матющенко В.И. *Самусьский могильник* // Тр. ТГУ. 1961. Т. 150. Сер. ист. С. 36-43.

Ф.И. Мец.

Саровское городище. Саровское культовое место, ранне-го железа эпоха, 2 в. до н.э. – 4 в. н.э.). Расположены в Колпашевском р-не Томской обл. на прав. террасе рч. Большой Саровки – прав. притока р. Оби, в вост. части д. Саровки. Городище занимало береговой мыс выс. 5 м, культовое место – возвышенность на краю болота в 180 – 190 м от рва предыдущего памятника вглубь берега, на приусадебном огороде по ул. Лесной, 29.

С.г. – более крупный и более известный в археологическом сибиреведении памятник, чем культовое место. Его материалы послужили базой для выделения втор. (позднего) этапа кулайской культуры, названного саровским и датированным 2 в. до н.э. – 4 в. н.э. Памятник открыт в 1957 А.К. Мергасовым. Исследовался в 1971 – 1974, 1976 *Чиндиной Л.А.* (ТГУ), вскрывшей 350 м² бóльшей части укрепленной площадки. Городище возникло на месте уже существовавшего поселения перв. этапа кулайской культуры (5 – 3 вв. до н.э.), до которого участок обживался ещё в эпоху ранней бронзы (см. в ст. *Бронзы эпоха*). Оборонительная линия, отсекавшая вершину мыса, сооружалась дважды. Втор. раз она была представлена наружным рвом шир. 2 – 3 м, глуб. 1,5 – 2,0 м и внутренним сильно оплывшим валом шир. до 4 м и выс. 0,5 м. Оригинальной чертой защитной системы являлось наличие фортификационного выступа. Раскопками исследованы различные объекты: углублённые и наземные жилища, кострища, остатки горна, жертвенное погребение ребёнка и т.д. Сформирована представительная коллекция. Установлено полифункциональное использование памятника, который существовал как укрепленное поселение, святилище и ремесленный центр.

С.к.м. существовало во 2 – 1 вв. до н.э., то есть одновременно с начальным этапом функционирования городища. Первые образцы кулайской металлопластики с этого памятника были обнаружены во время сельскохозяйственных работ хозяевами огорода в нач. 1990-х. Раскопки на площ. 800 м² проведены в 1996 Я.А. Яковлевым (ТОКМ).

Крупных объектов выявлено не было. Основная масса бронзовых изображений животных, птиц, людей и хищных либо хтонических (связанных с потусторонним миром) существ была обнаружена на незначительном участке в пахотном слое и в углублениях от старых выворотней деревьев. Единственным объектом, дающим представление о характере их функционирования на святилище, стала расположенная ниже уровня пахоты небольшая яма, содержащая образцы металлопластики, вооружения, куски целого и обожжённого дерева, угли и засыпанная материковым песком. Поверх неё тогда же был разведён костёр. Скорее всего, памятник представляет собой место одноактного или кратковременного преднамеренного захоронения культовых предметов с проведением соответствующих обрядовых действий.

Помимо нескольких найденных и утраченных местными жителями бронзовых вещей, было выявлено 67 предметов: 5 бронзовых и костяных наконечников стрел и 62 образца художественной металлопластики (43 – условно целых, 4 – составленных из фрагментов до условно целых, 3 – фрагменты, определяемые по персонажу, 12 – фрагменты, не определяемые по персонажу). По количественному признаку это собрание входит в десятку крупнейших в Зап. Сибири коллекций кулайского искусства. Однако её ценность определяется и качественной стороной: представлением новых сюжетов и композиций, дополнительными данными по функциональному назначению и семантике и т.д.

Лит.: Чиндина Л.А. Саровское городище // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 51-81. Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. С. 85-86. № 122; Яковлев Я.А. Иллюстрации к ненаписанным книгам: Саровское культовое место. Томск, 2001 (в печати).

Я.А. Яковлев.

Селькупы – один из коренных народов Томской обл. (1347 чел. по переписи 1989). Совр. селькупский этнос состоит из 2 изолированных территориальных групп – сев. и юж. Сев. С. проживают в некоторых сев.-вост. р-нах Тюменской обл. и в Туруханском р-не Красноярского кр. Юж. (нарымские, ср.-обские) почти полностью обитают в пределах Томской обл.: в Каргасокском (547 чел.), Парабельском (169 чел.), Верхнекетском (147 чел.), Колпашевском (236 чел.), Александровском (13 чел.), Бакчарском (15 чел.) и др. р-нах. Общая численность С. в РФ – 3564 чел.

Юж. С. (в тр. исследователей 19 в. – томские самоеды или остяко-самоеды Томской губ.) не слились в прочную национальную единицу с общим для всех языком и самоназванием. Они подразделяются на несколько диалектно-локальных групп: чумылгула (обитатели бассейнов рр. Тыма, Васюгана, Парабели и Оби в р-не Нарыма), шёшкула (жители Оби в ареале между средним и верхним устьями р. Кети – пос. Иванкино – Колпашево), сюссыкула – Кэткый кула (обитатели р. Кети), сюссюкула / сюссыкойгула – тамий Колтугый кула («верхнеобские люди» – жители рр. Чай и Оби между устьями рр. Чай и Чулыма). В 19 в. отдельно выделяли тьюкула – селькупское население низовий Чулыма, соотносимое также с этногруппой пайгула. Обобщённое название «селькупы» было дано по самоназванию одной из групп сев. С., обитавших в бассейне р. Таза. Процесс распространения данного этнонима на все диалектно-локальные группы протекал в течение 1930 – 80-х.

Диалекты и говоры селькупского языка относятся к самодийской группе языков уральской языковой общности. Прасамодийский ареал локализовался в южной и среднетаёжной части Обско-Енисейского междуречья и в хронологическом плане соотносился с *кулайской культурой*.

В традиционной социальной организации С. прослеживаются следы кровнородственного деления с тотемическими названиями родов (Ворона – Куле, Вороны – Квэрэ, Ястреба – Мулин, Кедровки – Казра, Орлиного клюва – Лымп ук, Глухариного клюва – Саггы ук, Гусиной головы – Тъег ол и др.). Вероятно, некогда члены родов имели в общественной собственности охотни-

чьи и рыболовные угодья. С 17 в. у С. основной общественной единицей становится соседская община, включающая жителей одного поселения, связанных между собой соседскими узами. Однако известно значительное число поселений, в которых жили почти исключительно семьи родственников, среди которых выделяли близкую и дальнюю родню по степени родства. Родство велось по линии отца (при этом отмечены моменты счёта родства и по линии матери). Норма брачного поселения была задана, как правило, местом жительства жениха. Самый старший в посёлке определял сроки выхода на промысел, распределял охотничьи угодья, решал текущие вопросы с отправлением культа.

С. вели полуоседлый образ жизни. Исходя из определённой разницы в соотношении рыболовства и охоты, у них существовало разделение на лесных жителей маджилкуп, обитавших на обских притоках, и обских – колтакуп. Хозяйство обских С. в значительной степени было ориентировано на добычу в р. Оби рыбы ценных пород. Система жизнеобеспечения лесных С. основывалась преимущественно на охотничьем промысле. Основными промысловыми животными были лось (для пропитания), белка, горноста́й, колонок, соболь (на уплату ясака и для товарного обмена). С. сочетали активные (с помощью лука и стрел, ружья, копья-пальмы) и пассивные (при помощи разнообразных ловушек – черканов, кляпцов, петель) способы охоты.

Для всех С. наиболее гарантированным источником питания являлась рыба, добываемая практически круглогодично в пойменных озёрах. Рыбу ловили как сетями, так и ловушками (котцами, мордушками, самоловами, фитилями). В определённых местах в устьях притоков ежегодно устраивали весенние запоры из кольев.

Под влиянием *русских* С. стали разводить домашних животных (лошади, коровы, овцы, позднее свиньи и домашняя птица), а в 20 в. занимались огородничеством. Навыки скотоводства (в основном коневодства) были известны предкам С., обитавшим на территории Нарымского Приобья в нач. 1 тыс. н.э. Проблема существования южноселькупского оленеводства остаётся дискуссионной.

Основным средством передвижения С. является долблёная лодка, зимой – лыжи, подбитые мехом (лосиным камусом или шкурой выдры). На лыжах ходили с помощью палки-посоха, имевшей снизу кольцо, а сверху костяное навершие. В тайге широкое распространение имела ручная нарта, узкая и длинная. Охотник обычно тащил её сам с помощью ремённой петли, иногда тащить нарту помогали собаки.

У С. выделяют следующие типы поселений: круглогодичные стационарные, дополненные сезонными для промысловиков без семей (в лесу или на рыболовных местах); стационарные зимние, сочетающиеся с переносными для др. сезонов; стационарные зимние и стационарные летние (например, Нопас Зимний и Нопас Летний, Кулеевы Зимние и Кулеевы Летние и др.). Всего на территории обитания С. в 19 – 20 вв. фиксируют около 200 стационарных поселений. На русском языке селькупские поселения назывались «юртами». Обычно поселения располагались в местах впадения притоков в более крупную реку, чаще на противоположной стороне от устья притока, реже – непосредственно у устья.

У С. отмечены разнообразные типы жилых сооружений: полуземлянка с бревенчатыми стенами, сверху покрытая берестой и засыпанная землёй (карамо); полуземлянка с каркасом из брёвен и дощатыми стенами; бревенчатая изба-сруб. Жилищем служила и крытая лодка с полуцилиндрическим сводом. Из хозяйственных строений зафиксированы свайный амбар (часто со свесом крыши), уличная глинобитная печь, навесы, каркасный сарай для скота.

Сохранившиеся к настоящему времени селькупские поселения – Нопас, Нельмач, Старо-Югино, Максимкин Яр, Старо-Сондорово и др. – во многом утратили свой этнический колорит. Сейчас семьи С. проживают в домах, построенных в 1960 – 80-е. Они стандартной планировки и выполнены из бруса.

Современная одежда С. исключительно покупная. В прошлом в качестве верхней одежды у них были известны шубы из «сборного меха» – понджел-порг. Их характерной особенностью являлось наличие мехового подклада, собранного из камусов

мелких пушных зверьков – лапок соболя, белки, горноста, колонка, рыси. Работа по сшиванию меховых кусочков для одной шубы была долгой и кропотливой. Сборный мех сшивали вертикальными полосами. Цветовой подбор делали т.о., чтобы цветовые оттенки переходили один в др., или строили его на контрасте, выдерживая шахматный порядок. Сверху шубу обшивали тканью – сукном или плюшем. Женские шубы были длинные (до щиколотки), мужские – чуть ниже колен. Длинная женская шуба из сборного меха представляла собой значительную семейную ценность. В 19 в. такая шуба была обязательным свадебным подарком невесте от родных жениха.

У мужчин в качестве промысловой одежды бытовали также короткие шубки мехом наружу – кырня – из меха оленя или заячьих шкур. В 19 – 20 вв. широкое распространение получили овчинные тулупы и собачьи дохи – зимняя одежда на дальнюю дорогу, а также суконные зипуны. В сер. 20 в. их вытеснила стёганая фуфайка. Нижняя плечевая одежда – рубахи и платья каборг – вошли в обиход в 19 в. Женские платья шили на кокетке. К подолу пришивали волан. Подпоясывали плечевую одежду мягкой тканью опояской или кожаным ремнём.

У мужчин в качестве поясной одежды известны штаны из ровдуги – пюмб. Селькупские женщины до сер. 20 в. использовали вместо штанов вязанные чулки. Зимой, уходя в тайгу на длительное время, и мужчины и женщины надевали «верхние штаны», присборенные у щиколотки. Основным видом обуви у С. в нач. 20 в. были кожаные чирки – пёв. Головные уборы – платок (его носили и мужчины и женщины), шапка-капор и мужская остроконечная шапка из вертикальных клиньев, собранных к макушке. Рукавицы ноб делали двойные: вязанные «исподки» и кожаные «верхницы». Есть сведения, что в прошлом штаны и рукавицы С. делали из рыбьих кож.

Основу рациона питания С. составляет рыба. Её варили (рыбный суп – кай, с добавлением крупы – армагай), обжаривали над огнём на палочке-вертеле (чапса), сушили, делали рыбную муку (порс). В пищу также шло мясо лося и боровой дичи. Широкое распространение получили покупные продукты: мука, мас-

ло, сахар, чай, крупы. На употребление в пищу мяса многих зверей и птиц существовали пищевые запреты. Например, повсеместно не ели мясо медведя, лебедя, считая их близкими по «породе» к человеку; в некоторых р-нах табуированными животными были заяц, куропатка, дикие гуси и др. В 20 в. рацион С. пополнился за счёт мяса домашних животных. Огородные культуры (картофель, свёкла, морковь, капуста) входили в обиход с 1930-х.

Земля обитания представлялась С. изначально ровной и плоской, покрытой травой-мхом и лесом – волосами матери-земли. Вода и глина были её древним первичным состоянием. Все земные возвышенности – бугры, сопки, холмы и мысы, а также естественные углубления – свидетельства происходивших здесь некогда событий, как земных («битвы богатырей»), так и небесных (например, обронённые с неба камни-молнии породили болота и озёра). Небо воспринимается как верховный Бог Нум, живущий где-то в небесном пространстве нушунджь. Земля чвэч для С. является всё породившей и порождающей субстанцией. Её персонифицированные образы – «старуха, чья голова стала на болоте кочкой», «старуха вся в пуху и шерсти» или «женщина-лягушка, живущая на болоте между кочек». У земли есть чвэчэт пуджь – нутро, серёдка земли. Камень для С. имеет небесную природу. На землю камни положены для придания ей устойчивости, они также способны хранить и давать тепло, порождать огонь и железо. Млечный Путь на небе – это каменная река, которая переходит на землю и течёт р. Обью, замыкая собой мир в единое целое.

В постоянной и непосредственной близости с реальным миром живых людей находится иной мир. У С. хорошо разработаны представления о пространственной брещи си между миром реальным и миром иным, которая явственно ощущается в критические, переходные моменты бытия. Наиболее обычными местами её локализации были труба очага или «та (противоположная) сторона кострища», рукав верхней одежды или центр развёрнутого платка, яма на кладбище или место истока или устья реки. Через эту брешь осуществлялись проникновение новорождённой души в реальный мир и уход души умершего в мир иной. Потус-

тороннее пространство заполнено для С. суммой разнообразных лозов (духов, «чертей», покойников и т.п.); есть нечёткие представления об обобщённом злом начале лозондо.

Фольклор юж. С. представлен 3 основными жанрами: героическим эпосом о герое селькупского народа хитроумном Ит-тье, разнообразными видами волшебной сказки, включая сказки о животных, и бытовыми сказками и рассказами. Ещё в недавнем прошлом был широко представлен жанр песни-импровизации по типу «что вижу, то пою», однако с массовой утратой С. навыков разговорной речи на селькупском языке этот вид устного творчества практически исчез. С 1960-х получили распространение некоторые русские частушки, переведённые на селькупский язык и воспринимаемые как национальные, и наоборот, многие селькупские фольклорные произведения сейчас исполняются преимущественно на русском языке.

Традиционное декоративное искусство С. представлено в основном орнаментированной берестяной утварью в технике вы-скабливания.

См. также: *Этническая история.*

Лит.: Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 219 с.; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Пелих Г.И. Селькупы XVII в.: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 176 с.; Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск. 1999. 24 с.; Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 139-167.

Н.А. Тучкова.

Синяев Виталий Степанович (26 июня 1923, д. Хорнемская Верхне-Тоемского р-на Архангельской обл. – 10 июня 1980, г. Томск), из семьи служащего и домохозяйки. Историк, археолог. Участник Великой Отечественной войны (1941 – 1944). Инвалид 3-й группы по ранению (1945). Окончил ист.-фил. ф-т ТГУ (1951). Инициатор археологического исследования Нижнего Причулымья. В 1945 – 1949 под руководством *Дульзона А.П.* проводил археологические разведки в Асиновском, Пышкино-Троицком (с 1965 – Первомайском) и Молчановском р-нах Томской обл. (собранные С. археологические коллекции хранятся в Музее археологии и этнографии Сибири ТГУ и ТОКМ). В 1952 –

1965 С. – зав. Музеем им. В.В. Куйбышева ТГУ (ныне – Музей истории), 1965 – 1966 – науч. сотр. ТОКМ, 1966 – 1967 – инструктор Томского гарнизонного Дома офицеров. В 1967 – 1974 С. работал ст. лаборантом в Томском политехническом институте и на заводе «Сибэлектромотор». С 1974 – ст. науч. сотр. ПНИЛИАЭС ТГУ. Автор работ по археологии, *этнической истории*, революционной деятельности В.В. Куйбышева, краеведению.

С. награждён медалями «За оборону Ленинграда» (1944), «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1945), «Двадцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1966), «Тридцать лет Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» (1976) и др.

Соч.: Материалы к археологической карте Нижнего Чулыма // СА. 1950. Т. 13. С. 331-340; К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Тр. ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 79-88; Включение чулымцев в состав Русского государства // Тр. ТГУ. 1963. Т. 171. С. 175-185; Граница между чулымцами и чулымскими селькупам в XVI – XVII веках // Тр. ТОКМ. 1963. Т. 6, вып. 2. С. 45-53; Сибирский электромоторный. Томск, 1978. 230 с. (в соавт.); Основание в Томске университета и технологического института // Томску – 375 лет. Томск, 1979. С. 79-88.

Лит.: Галкина Т.В. Разведчик Причулымья Виталий Степанович Синяев // Тр. ТОКМ. 2000. Т. 10. С. 141-148.

Т.В. Галкина.

Современные этнические процессы. Томская обл. по национальному составу населения относится к типичным для России регионам с преобладающим русским компонентом (88 % по состоянию на 1989). Остальные 12 % составляет полиэтническое население 80 национальностей: автохтонные жители и пришлые этнические меньшинства (этнодисперсные группы). К перв. относится коренное тюркское население (сиб. татары и *чулымцы*) и народы Севера (*селькупы, ханты, эвенки, эвены* и др.), ко втор. – этносы, имеющие свою государственность за пределами России (украинцы, немцы, евреи, поляки, представители народов Кавказа, Казахстана, Ср. Азии, стран Балтии) и внутри РФ (татары, башкиры, чувашаи и др.).

Этническое большинство – *русские* – представлены сложным сочетанием этнотерриториальных, этноконфессиональных и

этнокультурных групп (старожилы, переселенцы разных лет, казаки, старообрядцы и др.). Русские преобладают и в городах, и в сельской местности, составляя соответственно 87,8 и 88,8 % населения. В отличие от др. этносов, русские располагают всей полнотой средств культурного воспроизводства, включая язык, образовательные и культурные учреждения всех уровней, развитую информационную сферу, удовлетворение конфессиональных потребностей. Однако в сфере этнокультурного воспроизводства русский этнос в его сегодняшнем состоянии меньше, чем какое-либо другое этническое сообщество, занимается самоорганизацией и меньше, чем др., участвует в процессах, определяемых как возрождение.

Большая часть народов Севера проживает в сев. р-нах обл.: Александровском (ханты и селькупы), Верхнекетском (селькупы, эвенки), Парабельском (селькупы), Тегульдетском (чулымцы). Но в отличие от прежних времён, они не составляют большинства в местах своего исконного расселения. *Томские татары*, представляющие особую этнотерриториальную группу в составе сиб. татар, проживают компактным анклавом в Томске и в пригородных селениях. Коренные народы в большинстве случаев находятся в ситуации, близкой к популяционной катастрофе. Уменьшается их численность, нарушена структура воспроизводства (сокращается доля детей в составе коренных этносов). Резко снижается уровень продолжительности жизни, увеличивается коэффициент смертности, в т.ч. трагически высок процент самоубийств.

Среди этнических меньшинств наиболее крупные группы представляют украинцы, татары и немцы, составлявшие в 1989 соответственно 2,6, 2,1 и 1,5 % населения обл. Значительная часть меньшинств сосредоточена преимущественно в городах: по состоянию на 1989 в них проживало свыше 70 % украинцев и татар, около 70 % поляков, свыше 60 % белорусов. Некоторые группы этнодисперсного населения представлены практически только городскими жителями: евреи – 96,8 %, из них в Томске – 92,5 %; башкиры – 81,7 %, в т.ч. в Стрежевом – 54,3 %; узбеки – 80,9 %. Часть этнических меньшинств распределена равномерно между городской и сельской местностью: в городах живут 57,7 %

молдаван; 52, 8 % немцев; 55,7 % мордвы; 48,3 % латышей. Некоторые этнодисперсные группы, напротив, представлены главным образом сельским населением: две трети эстонцев, чувашей и удмуртов. Пришлое татарское население сосредоточено, кроме городов, в селениях томских татар и в ряде др. сельских поселений обл. Значительная часть татар, работающих на нефтепромыслах, проживает в Стрежевом. В городах сосредоточена также быстро увеличивающаяся группа тюркского населения из Ср. Азии, Закавказья, Поволжья, в частности азербайджанцев. Особое этническое сообщество представляют цыгане, обитающие преимущественно в Томске и его ближайших окрестностях.

Прошедший после переписи 1989 период изменил этнодемографическую ситуацию региона и этническую структуру его населения за счёт интенсивных миграционных процессов: притока беженцев и вынужденных переселенцев и эмиграции за пределы обл. и страны. Миграционный обмен со странами СНГ имеет тенденцию к снижению, но сохраняет положительное сальдо. Основную часть миграционного притока составляют русские, однако их доля в составе прибывающих мигрантов ниже (около 85 %), чем в составе населения обл. (88 %). Доля украинцев, татар и азербайджанцев среди приезжающих в обл., напротив, выше, чем по переписи 1989. Миграционный обмен со странами дальнего зарубежья имеет обратную направленность: число выбывших намного превышает число прибывших (в 1993 – в 11,9 раза, в 1995 – в 43, в 1998 – в 20 раз). Большая часть уезжает в Германию (в 1998 – 87,2 %), значительно меньше в Израиль и США. Происходит, т.о., сокращение абсолютной и относительной численности немцев в составе населения региона. Потери здесь не только количественные, но и качественные: уезжают высококвалифицированные специалисты, профессионально и технически наиболее подготовленные люди.

Что касается притока в обл. вынужденных переселенцев, то здесь, напротив, наблюдается тенденция к его увеличению. В 1998 – 1999 поток вынужденной миграции увеличился в 2 раза по сравнению с 1997. Основные регионы выхода – Казахстан и государства Ср. Азии. Особенно значителен поток переселенцев

из Казахстана: в 1997 переселенцы составили 70,11 % всех семей и 74,38 % чел., в 1998 соответственно 84,43 и 88,07 %. Абсолютное большинство вынужденных мигрантов (около 90 %) – русские.

Языковая ситуация, по данным переписи 1989, была следующей. Большинство населения обл. (94 %) считали родным язык своей национальности. Помимо русских, это особенно характерно для киргизов и таджиков (92 %), для туркмен и цыган (91 %). Наименьший удельный вес назвавших при переписи родным язык своей национальности отмечен у евреев – 7,2 %; у поляков – 9,6 %; у немцев – 27 % и народов Севера – 15 %, в т.ч. у кетов – 8,3 %; у селькупов – 11,2 %; у хантов – 17,4 %; эвенков – 18,6 %. У всех коренных национальностей России, за исключением башкир, наблюдалось снижение доли владеющих языком своей национальности в качестве родного. Одной из причин этого явилось сокращение с нач. 1970-х обучения на национальных языках в дневных общеобразовательных школах. В Томской обл. не оставалось ни одной школы, где бы дети изучали язык своей национальности (кроме русского).

Перемены посл. лет, связанные с возрождением национального самосознания, изменили ценностные ориентации в отношении изучения родного языка и национальной культуры. Так, в результате опроса тюркоязычного населения обл. в 1994 выяснилось, что около половины респондентов предпочитают обучать детей в школах с родным языком обучения, остальные – в школах с русским и родным языком одновременно. В 1990-е обл. достаточно интенсивно развивалась в этнокультурном плане. По данным управления юстиции администрации Томской обл. (октябрь 1998), было официально зарегистрировано свыше 30 национально-культурных общественных объединений и 2 национально-культурные автономии: немецкая (региональная) и азербайджанская (местная). В обл. функционируют около 2 десятков творческих коллективов, организованных на национальной основе, учебные, просветительские и воспитательные заведения с блоками национально и конфессионально ориентированных программ (гимназии, воскресные школы для детей и взрослых, языковые

курсы, классы и летние лагеря, детские сады и языковые группы в дошкольных учреждениях и т.п.). На томском радио действует национальный канал «Здравствуйте, соседи!», ведущий передачи на татарском и русском языках. Идёт возрождение духовно-религиозной жизни, что отразилось в возникновении свыше 80 религиозных объединений различных конфессий (на окт. 1999), в т.ч.: Русская православная церковь – 46, православные монастыри – 3, Римско-католическая церковь – 6, Евангелическо-лютеранская церковь – 2, Ислам – 5, Иудаизм – 3, прочие – 20.

Т.о., С.э.п. в Томской обл. имеют разнонаправленный характер. С 1993 обл. переживает демографический спад: показатели рождаемости ниже показателей смертности. Возросла эмиграция за пределы страны, уменьшилась численность немецкого и еврейского анклавов. Однако существующая тенденция сокращения общей численности населения обл. пока ещё перекрывается положительным миграционным балансом, влияющим на изменение этнической структуры населения: численно увеличилось пришлое русское население и обозначилась тенденция расширения среднеазиатских и кавказских диаспор.

Лит.: Демографическая характеристика населения отдельных национальностей в Томской области по данным Всесоюзных переписей населения 1979, 1989 гг.: Статистический сборник. Томск, 1991. № 7. Ч. 1. С. 230 с.; Ч. 2. 159 с.; Нам И.В. Современная этническая ситуация Томской области // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов: Бюллетень. М., 1997. № 4 (15). С. 34-37; Нам И.В. Томская область // Межэтнические отношения и конфликты в постсоветских государствах: Ежегодный доклад, 1998. М., 1998. С. 102-107.

Э.Л. Львова, И.В. Нам, Н.И. Наумова.

Средневековье, 5 – 17 вв., время образования перв. государств на территории Сибири, один из её значительных периодов, завершающий сложение коренных народов (см. в ст. *Этническая история*). Одни исследователи делят всё С. на 2 эпохи (раннее и позднее средневековье), другие – на 3: *раннее средневековье, развитое средневековье, позднее средневековье.*

I. Средневековье раннее, 5 – 10 вв. На территории Томской обл. С.р. характеризуется распространением *рёлкинской культуры* и *верхнеобской культуры*. 1-я занимала Нарымское Приобье до устья Томи, 2-я – от устья Томи: лесостепную часть

Томской, Новосибирской обл. и Алтайского кр. В Томской обл. известно более 100 памятников С.р.: рёлкинской культуры – *Рёлкинский курганный могильник*, Салтаковский курганный могильник, *Малгетский комплекс археологических памятников* (поселения Малгет-7, 8), селища Круглое Озеро-1 и 2 и др.; *верхнеобской культуры* – *Тимирязевский-1 курганный могильник*, курганные могильники Тимирязевский-2 и Архиерейская Заимка, селища Кисловка-2 и 7. Науч. изучение С.р. ведётся с кон. 19 в., особенно интенсивно – с 1970-х (*Адрианов А.В., Кузнецов С.К., М.Н. Комарова, Косарев М.Ф., Матющенко В.И., В.А. Могильников, Плетнёва Л.М., Чиндина Л.А.*). Среди учёных нет единого мнения о границах рёлкинской и верхнеобской культур.

Хозяйство населения С.р. было комплексным, хорошо сбалансированным. Основные его виды – скотоводство, земледелие, рыболовство и охота. В юж. р-нах преобладали производящие формы. Значительное место занимало железоделательное производство. Бронзолитейное дело потеряло свою ведущую роль – из бронзы изготавливали в основном украшения и предметы культа. Были развиты все виды домашнего производства: кожевенное, скорняжное дело, шитьё одежды, обработка дерева, кости и камня, изготовление керамической посуды. Для С.р. характерны развитые торгово-обменные связи, особенно с Ю. и З. Серебряные и бронзовые сосуды, мечи и палаши в серебряной оправе, шёлковые и шерстяные ткани, украшения и культовые предметы меняли на дорогостоящую пушнину.

Мировоззрение населения С.р. основывалось на развитой системе представлений о строении мира, о человеке как части природы, о происхождении человека и конкретного рода, племени. Население Томской обл. в эту эпоху было автохтонным (имевшим местные корни), но в юж. р-нах заметен приток населения из Вост. Сибири. Начавшаяся тюркизация пока не отразилась на *антропологическом типе* местного населения. Позднее население территории Томской обл. С.р. вошло в состав зап.-сиб. расы. В это время в Томском Приобье появляются племена, связанные с кимако-кыпчаками. Однако у совр. *томских татар* влияние этого комплекса выражено слабее, что

говорит о резком уменьшении притока юж. элементов в Нижнее Притомье в *средневековье позднем*. Население Нарымского Приобья С.р. приняло участие в формировании *селькупов* и явилось его основой. По языковой классификации население Томской обл. этого времени, скорее всего, было самодийским, с проникновением к кон. I тыс. н.э. носителей тюркских языков.

Лит.: Багашёв А.Н. Проблемы расогенеза // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 270-327; Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.; Могильников В.А. Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 216-233; Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 150 с.; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Она же. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Л.М. Плетнёва.

II. Средневековье развитое, 10 – 14 вв. Прямые летописные указания о событиях С.р. в Томской обл. пока не выявлены, поэтому ист. края воссоздается преимущественно на основе археологических материалов. Их приходится сопоставлять лишь с теми письменными сведениями, которые косвенно относятся к Томской обл. Развитие культур и этносов, ист. процессы во многом определялись политической активностью и движением монголоязычных групп на евразийском континенте, поэтому для датировки событий в науке употребляются термины «домонгольское время» (сер. 10-11 – 12 в.) и «монгольское время» (13 – 14 вв.).

Проблемами С.р. территории совр. Томской обл. с кон. 1930-х по кон. 1990-х занимались *Кутафьев П.И., Дульзон А.П., Матющенко В.И., Плетнёва Л.М., В.А. Могильников, Чиндина Л.А., О.Б. Беликова, А.И. Боброва, Ю.И. Ожередов, Ф.И. Мец, Я.А. Яковлев, Н.В. Березовская* и др. Территориально эпоха изучена неравномерно: археологами полнее исследована юж. периферия области (Томско-Обское междуречье, Причулымье), нежели гораздо бóльшая по площ. сев. территория (Нарымское Приобье). По этой причине изложение цельной ист. территории Томской обл. в С.р. сегодня невозможно.

В это время на её Ю. формируются новые культуры, что проявляется прежде всего в погребальном обряде и инвентаре. Новшества связаны с массовым расселением групп тюркоязычных этносов, активно проникавших на территорию Томской обл. с Ю. и Ю.-В. Данный процесс у многих исследователей получил название «тюркизация».

Дата проникновения в С.р. в Томско-Обское междуречье тюркоязычных групп, носителей *сросткинской культуры* или её традиций, дискусионна. Это связано главным образом с проблемой датировки Еловского-1, Усть-Киндинского курганных могильников, ранних комплексов Басандайского могильника. Нач. данной миграции археологи определяют по-разному: пределы 10 – 12 вв., 12 – 13 вв. Вероятно, она проходила в 10 – 11 вв. и внесла в погребальный обряд междуречья принципиально новое: под земляными курганами, в могиле рядом с человеком стали хоронить верховую лошадь (взнузданную, иногда и осёдланную). Конский труп помещали в могилу в вытянутом положении, на животе, с подогнутыми ногами, вместе с упряжью. Миграция тюркских групп на Ю.-З. Томской обл., вероятно из р-нов верхнего течения Оби, была связана с расселением в 10 – нач. 11 в. представителей кимако-кыпчакского государственного объединения.

Сросткинские традиции явились основой для сложения *басандайской культуры* 11 – 14 вв. Она фиксирует новые тюркские миграции, усилившиеся после распада государства кимаков в 30-х гг. 11 в. Обряд сопроводительных захоронений коней в основном меняется по форме – имитируются погребения их целых трупов. Отмечены захоронения неполного костяка лошади (с упряжью) различных вариантов: «вытянутое» положение черепа и конечностей рядом с человеком; череп и конечности в ногах человека. Более распространена точка зрения о кыпчакской принадлежности этих погребений. Также считается, что погребальный ритуал сопровождения мужчин–воинов имитациями верхового коня привнесли в Зап. Сибирь в нач. 2 тыс. уйгуры. В целом признаётся: проникновение тюркоязычных групп на территорию Томской обл. приводит к смешению с местным, самодийским на-

селением. Этот процесс отражает, видимо, керамика городищ Басандайка, Шеломок-1, Кижирова, Усть-Шайтан-1, Нагорный Иштан, селищ Лагерный Сад, Усть-Малокиргизка-2, Золотая Горка.

Перв. миграцию тюркоязычных групп (кыргызов) на территорию Ю.-В. Томской обл., в Ср. Причулымье 10 – перв. пол. 11 в. фиксируют материалы *енисейских кыргызов культуры*. В перв. четв. 10 в. кыргызы потеряли свою ведущую роль в Центр. Азии, границы их государства сократились. После массового возвращения народа на родину, в Минусинскую котловину, возникла жизненная необходимость в новых землях. Благоприятным и доступным оказалось Ср. Причулымье – р-н устьев рр. Яи, Кии (лев. прит. Чулыма). На этой территории, где уже проживало, вероятно, тюркизированное население с кето-самодийским субстратом, отсутствовали сильные противники. Продвижение кыргызов в Причулымье с Ю.-В. проходило, скорее всего, по Кие. Географическое расположение новых, сев. земель способствовало установлению удобной связи с политическим центром кыргызского государства. Расстояние от ставки кагана, располагавшейся, по сведениям Гардизи (персидский хронист 11 в.), с сер. 10 в. в р-не рр. Белый Июс и Черный Июс (истоков Чулыма), до устьев Яи и Кии составляло около 320 км.

Проникновение кыргызов на Чулым продолжалось минимум до 13 в. Численность периферийной группы в 10 – нач. 11 в. была минимальной, в 11 – 13 вв. она явно увеличилась. Причина посл. – естественный в благоприятных условиях рост населения и новые миграции, вызванные центр.-азиатскими событиями, в т.ч. включением Минусинской котловины в состав владений монгольской династии империи Юань (1260 – 1368). В них, возможно, входили и среднечулымские земли кыргызов. Исследование языка *чулымцев (чулымских тюрков)* допускает, что контакты их предков, среди которых предполагаются и среднечулымские кыргызы, с монголами были в 13 – 14 вв. Прямых археологических доказательств (прежде всего, наличия погребений) проникновения монголов на территорию Томской обл. сегодня не выявлено.

В общем, сложение культур в С.р. в Томско-Обском междуречье и Ср.Причулымье протекало по-разному, но для них от-

мечены общие закономерности. Формирование культур тюркского облика было вызвано событиями на С. Центр. Азии. В погребальных памятниках Ю. Томской обл. прослежен набор одинаковых признаков: земляные курганы, наземные захоронения, использование огня в ритуале погребений (кремация человека, лошади, инвентаря, погребальных конструкций), однотипные вещи, миниатюрные копии предметов. В ритуале значительна роль лошади (от захоронений целого трупа до символических захоронений в виде размещения конской упряжи). Природно-географические условия лесостепной и южнотаёжной зон Ю. Томской обл. способствовали ведению комплексного хозяйства, в котором определяющую роль играли скотоводство и земледелие. Восстановлены мировоззренческие представления о пространстве в форме трёхчастной модели (нижний, средний и верхний миры). Предполагаются шаманистские верования, несколько объектов трактуются как погребения шаманов. Тюркское население продвинулось на территории Томской обл., видимо, до низовьев р. Шегарки (Иштанский курганный могильник).

Обобщённые исследования С.р. Нарымского Приобья сегодня отсутствуют, археологические культуры (см. в ст. *Археология*) для этого региона не выделены. Здесь раскопано около 25 объектов, с десятков памятников происходят разведочные сборы. Изучение региона осложнено отсутствием широкомасштабных исследований археологических микрорайонов, которые стали бы культурно-хронологическими эталонами С.р.

В Нарымском Приобье смешанно располагались памятники разных культурных традиций. Нет чёткой территориальной границы между могильниками курганными: Тяголовский, Иготкинский, Кустовский, Корджа, *Барклай*, курганный могильник, Тискинский (см. в ст. *Тискинский комплекс археологических памятников*) и грунтовыми: Алдыган (см. в ст. *Алдыган, комплекс археологических памятников*), Мысовской. Более того, в р-не низовий Чаи и те и др. находятся в близком соседстве. Самый сев. в Томской обл. исследованный могильник Р.с. представлен бескурганскими захоронениями на Тyme (Бедеревский Бор-3; см. в ст. *Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников*). Юж.

рубеж распространения подобных могильников проходит по низовьям Чаи (могильник Алдыган). Курганы же севернее низовий Кети (могильник Корджа) не сооружали.

В курганах Нарымского Приобья отмечены разные типы погребений – грунтовые и наземные. Типологически разную керамику в целом демонстрируют: городища Саровское (р. Обь) и Остяцкий Бор (р. Шуделька), Тух-Эмтор (р. Васюган), Нёготка (р. Тым); поселения и селища Тискинское (р. Обь), Саровское, Малгет-9, 10 и Юторское-1 (бассейн р. Шудельки), Павлово-Парабельское (р. Парабель), Максимкин Яр, Утка-1, Лукьяновское жилище-2, 3, Лукьяновское поселение-2 (р. Кеть) и др. Возможно, объектом, связанным с проведением поминальных обрядов, являлся памятник Мигалка (р. Обь).

В целом материалы С.р. отражают несколько основных культурных компонентов, говорящих о сложности *этнической истории* в Нарымском Приобье. «Местный» компонент проявляется в сохранении традиций *рёлкинской культуры* (курганые могильники, ингумации, расположения погребений ярусами, керамика и др.) и связывается с самодийским населением (предками селькупов). Др. – общий с культурами Нижнего Приобья, а также Сургутского Приобья, лесного Прииртышья, Приуралья (грунтовые могильники, *вожпайского типа керамика*, определённые типы украшений из цветных металлов). Ряд авторов объединяют эту составляющую с проникновением на С. Томской обл. в кон. 1 – нач. 2 тыс. н.э. угрозычного населения (хантов). «Южный» компонент выделяется на основании типа керамики, отмеченной на Кети, Оби. Ареал подобной керамики выходит далеко за пределы Нарымского Приобья и захватывает также Причулымье, Томское и Новосибирское Приобье, Горную Шорию, Кузнецкую котловину, степной Алтай, Барабу, Ср. Енисей. Этот компонент, культурно-этническая оценка которого пока не ясна, является общим с *енисейских кыргызов культурой* (1-й тип керамики) и *басандайской культурой*.

В С.р. Нарымское Приобье являлось своеобразной буферной зоной между культурами тюркских народов Зап. Сибири, Юж. Сибири и угорских народов Сургутского Приобья, Нижнего

Приобья, лесного Прииртышья. Возможно, её сев. границы проходили между рр. Тымом и Кетью, юж. – по низовьям р. Шегарки.

Поддерживались культурные связи с окружающим миром, что подтверждают находки предметов импорта. Они могли попасть на территорию Томской обл. в результате торгово-обменных контактов, а также с появлением отдельных посредников или небольших групп мигрантов. Обнаружены и копии импортных вещей, изготовленные, вероятно, местными мастерами. Выяснение причин появления чужеродного инвентаря особенно затруднено в тех случаях, когда он аналогичен вещам, бытовавшим на территориях, сопредельных с совр. Томской обл. или ближайших к ней.

Население *басандайской культуры* и *енисейских кыргызов культуры* контактировало с Ближним и Ср. Востоком: зеркало с изображением Сэнмурва – крылатого хищника («царя птиц» в иранской мифологии), бусы из стекла, сердолика, хрусталя, возможно, агата. Скорее всего, в развитых городских центрах Востока были изготовлены посеребрённые железные луки седла и сабли, уникальные по качеству стали. Из Китая поступили зеркала, жетон с изображениями знаков зодиака, монеты, шёлковые ткани (тафта, чесуча, газ, камка). Предполагаются контакты вост. направления: с народами Забайкалья, с чжурчжэнями Дальнего Востока (поясные украшения из нефрита, диоксида, бусы из опала, полуопала, яшмы, халцедона). Народы, населявшие Нарымское Приобье, контактировали и с Зап. Европой (бронзовые чаши). Некоторые находки (кресала, стеклянные бусы, бубенцы и др.) изготовлены на Руси, в Волжской Болгарии, Золотой Орде.

Связи средневекового населения с окружающим миром осуществлялись сев. и юж. путями. Постоянные, хотя и опосредованные контакты с Русью установились, видимо, не ранее 11 в., через С. Зап. Сибири. Из летописей 13 – 14 вв. известен юж. торговый путь, идущий из Франции через Поволжье, Сибирь, Чулым и Енисей в Монголию и Китай, а также ответвление пути с Причулымья на С., в Югру (склоны Уральских гор, Нижнее и Ср. Приобье). Археологические материалы С.р. восстанавливают

этапы формирования этносов, проживающих на землях Томской обл. – чулымских тюрок, *томских татар, селькупов.*

Лит: Беликова О.Б. Среднее Причулымье в X – XIII вв. Томск, 1996. 272 с.; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск, 1994. С. 415-445; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 351 с.; Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 216 с.; Степи Евразии в эпоху средневековья // Археологии СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1981. С. 45-46, 190-207; Финно-угры и балты в эпоху средневековья // Там же. 1987. С. 163-265; Чицидина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. С. 49-52.

О.Б. Беликова.

III. Средневековье позднее, 15 – 17 вв. Исследования ист. коренных обитателей этого времени в пределах Томской обл. начались в кон. 19 в., и сегодня они ещё далеки от завершения. Для этой территории характерно культурное и этническое многообразие. Миграции в *развитом средневековье* и П.с. с Ю. тюркоязычных, а с С.-З. – угроязычных племён трансформировало ранее достаточно стабильную протосамодийскую (с 14 в. – селькупскую) этнокультурную среду. Для 17 в. на территории Томской обл. выделяются 3 крупных культурно-этнических р-на. Один р-н (Притомье и Причулымье, кроме низовий) занимали группы тюркского облика (антропологического, языкового, культурного) – *томские татары* и *чулымцы* (чулымские тюрки). Втор. (большая часть С. Нарымского Приобья) – *селькупы*. Третий (р. Васюган, кроме нижнего течения и бассейн Оби С. Томской обл.) – *ханты*. Культурно-этническая ист. *эвенков* и *кетов* археологически сегодня не прослеживается. На основе археологических объектов Ю. Томской обл. выделены позднесредневековые культуры томских татар и чулымцев. На базе памятников, оставленных селькупами и хантами, археологические культуры пока не определены, но условно памятники могут быть объединены в 2 позднесредневековые культуры – селькупов и хантов.

Археологическое изучение культуры томских татар Томского Приобья началось в кон. 19 в. раскопками В.М. Флоринского, С.М. Чугунова, *Кузнецова С.К.*, Ф. Мартина, продолжалось в 1960 – 80-х *Матющенко В.И.* и *Плетнёвой Л.М.* Культуры том-

ских татар, несмотря на однородные истоки, ощутимо различаются. Раскопки могильников Черныльщиковский, Коларовский и Козюлинский, *Тоянов Городок, курганный могильник* дали интересные, но весьма разноречивые сведения о погребальном обряде татарского населения. В могильниках курганного типа с наземным способом захоронения наблюдается несколько вариантов погребений. Различия прослеживаются, прежде всего, в способе погребения: отмечены ингумация (труположение) и кремация (сожжение) умерших. Кремация различна: сожжение на месте захоронения; на стороне (с последующим захоронением кремированных останков).

Существовали варианты погребальных сооружений: дощатый настил, рама-обкладка, берестяные чехлы, подстилки и покрытия. Огонь использовали в ритуальных очистительных целях: обжигание площадки на месте возведения кургана и площадок под погребения, а также в поминальных ритуалах (костры у могил). Умерших располагали на спине или на боку при произвольной ориентации головой. Неоднородность погребального обряда указывает на различия религиозных представлений у отдельных групп томских татар. Не исключено, что ими были оставлены селища Могильницкое-1, 2, 3 и городища Басандайское-1, Коларовское, Могильницкое, Орловское, Кижирово, Шеломок.

Исследования памятников в Нижнем и Ср. Причулымье, проведённые в 1940 – 50-х Дульзоном А.П., Пеняевым Е.М., Синяевым В.С., позволили реконструировать происхождение и характер позднесредневековой культуры чулымских тюрков. А.П. Дульзон разграничил территории обитания селькупских и чулымских племен: перв. локализовались в нижнем течении Чулыма (от устья до д. Батурино), втор. – от д. Нижняя Курья вверх по бассейну Чулыма. Им было высказано, что коренное селькупское население в определённой мере явилось основой для формирования чулымского этноса, а селькупская культура – базой для чулымской культурной среды. Отмечалась самобытность культуры чулымцев. Курганные могильники Балагачевский, Тургайский-1, 2, 3, 5 и Чердатский дали обширные материалы по материальной и духовной культуре чулымцев. В погребальной обрядности про-

слежены черты старой селькупской обрядности и новации, принесённые тюркизированным населением, что проявилось в наличии 2 форм захоронения умерших (ингумирования и кремирования), в использовании наземного и грунтового способов погребения, применении огня в очистительных целях, разной ориентации умерших головой (В. или Ю.-В.), а также в смешанном типе хозяйствования: наряду с собирательством, охотой и рыболовством было распространено таёжное коневодство.

Археологическое изучение культуры позднесредневековых селькупов Нарымского Приобья наиболее активно проводилось в 5 условных р-нах, приуроченных к руслам Оби и её крупных притоков: южнообской (от пос. Молчаново до пос. Инкино); левобережный (по рр. Чая и Кёнга); правобережный юж. (по р. Кеть); правобережный сев. (по р. Тым); северообской (окрестности пос. Назино). Их географические границы соответствуют пределам исторически очерченных для 17 в. территорий расселения южноселькупского этноса. Памятники этих 5 условных р-нов демонстрируют культуру некоторых из 8 локально-диалектных групп, составляющих данный этнос: 1-й и 2-й р-ны сопоставимы с шиешгула (один из них, возможно, с тегула – *Мигалка, грунтовой могильник*, 3-й – с тегула, 4-й – с чумульгула, 5-й – с сельгула.

Селища и городища исследованы гораздо меньше, чем могильники. Слабо разработаны вопросы организации пространства поселений, устройства жилых и хозяйственных объектов, оборонительных сооружений и сферы религиозно-культурной практики. Наиболее репрезентативны для реконструкции материального и духовного мира селькупских племён 15 – 17 вв. материалы из памятников, соотносимых с группой шиешгула: курганные могильники Пачанга, Тискинский (см. в ст. *Тискинский комплекс археологических памятников*), Барклай (см. в ст. *Барклай, комплекс археологических памятников*), Кустовский и др., а также отдельные поселенческие комплексы – Кустовское-1 селище (см. ст. *Кустовский комплекс археологических памятников*), селища Молчановское-2, Востриковское-1, Сухая Речка-1 и др.

Погребальный обряд населения этого р-на характеризуется рядом особенностей: преобладанием подкурганного типа захоронений, использованием труположения и трупосожжения на месте погребения на дневной поверхности, частым применением огня в очистительно-предохранительных целях, употреблением деревянных конструкций и бересты при изготовлении погребальных сооружений (ящики, рамы-обкладки, лодки и долблёные колоды). Наряду с одноактными курганами широко распространены насыпи, образовавшиеся в ходе ярусного расположения погребений. Курганный тип захоронения и применение огня в погребальных ритуалах объясняются опосредованным (через чулымцев) влиянием культур юж., тюркского круга, у населения которых круглый курган ассоциировался с формой традиционного жилища (юртой) и служил умершему домом. В могильниках широко представлены предметы местного и импортного (вост. и европейского) производства. Особенно много изделий русских мастеров, постепенно вытеснявших с сиб. рынка продукцию местных изготовителей. Неоднородность погребального инвентаря, его неодинаковая ценность свидетельствуют о процессе разложения родовых отношений и выделении прослойки состоятельных членов об-ва.

Материалы городищ и поселенческих комплексов дают представление об устройстве объектов военного назначения, открытых посёлках, жилищах и хозяйственных постройках. Городища строились на удобных в географическом отношении местах и дополнительно укреплялись рвами и валами, как правило, с внешней напольной стороны. Тыльные стороны защищали высокие обрывистые стены береговых террас, укреплённые частоколом. Площ. городищ обычно была невелика и рассчитана на небольшую группу обороняющихся людей. Если городище служило местом постоянного проживания, то на его территории строились жилища, и возводились хозяйственные постройки. В таких защищённых посёлках чаще всего проживали представители местной знати: князец и его дружинники. Незащищённые поселки предпочитали строить в местах, близких к воде, но так, чтобы с воды они не были заметны. Позднесредневековые поселки (юр-

ты) чаще всего состояли из 2 – 4 жилищ и ряда хозяйственных объектов. В них обычно проживали 1 или несколько родственных семей.

Селькупские жилища строились в виде срубной или каркасной конструкции с котлованом глуб. не более 1 м (легенды рассказывают и о полностью скрытых под землей землянках, так называемых «карамо»). Двухскатная крыша перекрывалась берестой, часто засыпалась для тепла землей, как и нижняя часть стен. Вход в жилище устраивали в виде полуподземного перекрытого коридора, открытый очаг – по центру, земляные нары – вдоль стен. Площ. жилища не превышала 20 – 25 м², а часто была 10 – 12 м². Хозяйственные постройки – также полуземляночного типа.

На С. Нарымского Приобья памятников С.п. исследовано намного меньше. Здесь разведаны, но практически не раскапывались городища и поселения. Значительно лучше изучены могильники, большей частью на р. Тым, где в 1989 – нач. 1990-х А.И. Боброва раскапывала *Бедеревский комплекс археологических памятников*, в 1994 А.Н. Кондрашёв – могильник Пыль-Карамо-1. На Оби, близ пос. Назино, в 1995 Н.В. Березовская раскопала могильник Колымухта. Погребальный обряд С. Нарымского Приобья по некоторым позициям принципиально отличается от юж. группы памятников Томской обл. Здесь неизвестны могильники курганного типа. Все захоронения производились в грунтовых могилах глуб. до 2 м, перекрытых настилами из жердей и зачастую застланных берестой. Умерших укладывали на спину, с вытянутыми вдоль туловища руками. Население С. Нарымского Приобья оказалось подвержено незначительному юж. влиянию, что отразилось в его погребальном обряде.

Лит.: Боброва А.И. Кремация в погребальной обрядности средневекового населения Томско-Нарымского Приобья и Причулымья // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 46-56; Дульзон А.П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчанова на Оби // Учён. зап. ТГПИ. 1955. Т. 13. С. 97-154; Он же. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема присхождения чулымских татар // Учён. зап. ТГПИ. 1954. Т. 10. С. 127-334; Ожередов Ю.И. Погребальные сооружения селькупов XIV – сер. XIX вв. из курганной группы Барклай // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 89-92; Он же. Сакральные стрелы южных сель-

купов // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 77-119; Очерки культуурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 1. Томск, 1994. 485 с.; То же. Кн. 2. 1994. 286 с.; Очерки культуурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. 476 с.; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Она же. Селькупы XVII века: Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981. 177 с.; Шлетнёва Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье. Томск, 1990. 133 с.; Тюрки таёжного Причулымья: Популяция и этнос. Томск, 1991. 246 с.

Ю.И. Ожередов.

Среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов см. *Енисейских кыргызов культура*.

Сросткинская культура, средневековье развитое. Выделена в 1950-х *Грязновым М.П.* на археологических источниках степного Алтая. Помимо него, основными исследователями С.к. являются А.А. Гаврилова, В.А. Могильников, Д.Г. Савинов, С.В. Неверов, *Плетнёва Л.М.* и др. Наиболее аргументированная датировка С.к., изученной преимущественно по материалам могильников, – сер. 9 – нач. 11 в. В это время она занимала Верхнее Прииртышье, зап. и сев. предгорья Алтая и лесостепные р-ны Ю. Зап. Сибири. На этой территории выделено несколько локальных вариантов С.к., в т.ч. сев.-алтайский, зап.-алтайский, кемеровский, новосибирский. Большинство археологов придерживаются мнения, что памятники С.к. оставлены многочисленными племенами, входившими в состав кимако-кыпчакского государственного объединения с центром на Иртыше. Решение многих проблем С.к., включая выделение её локальных вариантов, сев. границ, датировки, этнической принадлежности, соотношение с *басандайской культурой*, является дискуссионным.

Вопрос о распространении С.к. на территории совр. Томской обл. сегодня однозначно не решён. По материалам некоторых погребений курганных могильников Томско-Обского междуречья *средневековья развитого* прослеживаются типы сопроводительного инвентаря и признаки погребального обряда, присущие С.к. Эта особенность характеризует могильники Еловский-1, Усть-Киндинский, Басандайский, Астраханцевский, *Усть-Малокиргизский курганный могильник*. Из предметов, наиболее характерных для вещевого комплекса С.к., найдены: ажурные украшения, двухсоставные застёжки, изображения птиц, серьги с

подвеской-шариком, костяные пряжки с острым носиком, колчаные крюки на кольцах, удила с большими внешними кольцами и др. Из основных признаков обряда, имеющих для С.к. культурно-дифференцирующее значение, в могильниках Томской обл. отмечены труположения в грунтовых ямах под земляными насыпями, сопроводительные захоронения лошади. Так, из 277 исследованных погребений Томско-Обского междуречья, материалы которых опубликованы, приблизительно 10,5 % сопровождались захоронениями лошади (в т.ч. с упряжью), представленными 3 основными формами: целый костяк; череп и длинные кости конечностей, расположенные в вытянутом положении параллельно останкам человека; череп и длинные кости конечностей «в ногах» умершего человека.

Распространение С.к. на территории Томской обл. признают не все археологи. Мнений расходятся в основном при характеристике Усть-Киндинского, Еловского-1 курганных могильников и некоторых комплексов Басандайского. Хронология этих памятников в лит. неоднозначна: Усть-Киндинский датируют 10 – 12 и 12 – 13 вв., Еловский-1 – 11 – 12 и 12 – 13 вв., Басандайский – 10 – 12, 12 – 14 вв. и др. В любом случае среди этих материалов нет комплексов ранее 10 в.

Население, оставившее Усть-Киндинский и Еловский-1 могильники, для захоронений своих сородичей использовало земляные курганы, сооружённые ещё в *бронзы эпоху*, или воздвигало новые насыпи. Они округлой и овальной формы, при наибольшем диам. 13 – 19 м, выс. 0,75 – 1,5 м. В 7 курганах выявлено 9 погребений с останками 1 – 2 умерших. Хоронили преимущественно в грунтовых могилах глуб. 0,2 – 1,0 м, по типу ингумации, часто на берестяной подстилке, в вытянутом положении, на спине, ориентировали головой в направлениях от С.-З. до С.-В. Деревянные погребальные сооружения – в форме сруба, ящика, с перекрытиями из горбылей, брёвен, досок, бересты. Из 7 погребений 5 сопровождались захоронениями взнузданных лошадей (в вытянутом положении, на животе, с подогнутыми ногами). Их укладывали параллельно телу человека (в яму глуб. 0,2 – 0,5 м, в единст-

венном случае – на земляной приступке), отделяли от него деревянной перегородкой.

Расширение территории С.к. на р-ны Томско-Обского междуречья проходило, скорее всего, с верховьев Оби в 10 в. и, особенно, после 30-х гг. 11 в., когда государство кимаков прекратило свое существование в результате миграции народов в Азии. Позднее сросткинские традиции, наложившись на местную культурную основу, прослеживаются в материалах *Усть-Малокиргизского курганного могильника*, Астраханцевского, Басандайского могильников, относимых к *басандайской культуре* 11 – 14 вв. Длительное (до 14 в.) сохранение сросткинского компонента объясняется тем, что наряду с «местным» он определял основное содержание культуры. По поводу этнической принадлежности С.к. на территории Томско-Обского междуречья существуют разные точки зрения. Одни археологи считают, что в сложении С.к. участвовали местные угро-самодийские племена, которые были ассимилированы тюрками. Др. предполагают участие кыпчаков или кыпчакского компонента в сложении культур междуречья.

Распространение в 10 – перв. пол. 11 в. сросткинских традиций на Ю.-В. Томской обл., на р. Чулым фиксирует *среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов*. Это отражено набором инвентаря из *Калмакского курганного могильника*. Также, возможно, поздней трансформацией сросткинских сопроводительных захоронений коней в варианте культуры кыргызов является помещение в 7 курганных комплексов 11 – 13 вв. Калмакского и Змеинкинского могильников кремированных остатков голов и конечностей лошадей. Параллели со С.к. отражают прямые контакты носителей С.к. и кыргызов. Их можно расценивать как свидетельство совместного проживания единичных носителей С.к. и численно значительно преобладающей периферийной группы кыргызов.

Лит: Великова О.Б. Среднее Причумылье в X – XIII вв. Томск, 1996. С. 133-136, 149-150; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск, 1997. 351 с.; Савинов Д.Г. Государства и культурогенез на территории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья. Кемерово, 1994. 216 с.; Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология

СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1981. С. 45-46, 190-193; Матющенко В.И., Старцева Л.М. Еловский курганный могильник-1 эпохи железа // Тр. ТГУ. 1970. Т. 206, вып. 5. С. 132-144; Чиндина Л.А. Тюркские погребения Усть-Киндинского могильника // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 123-132.

О.Б. Беликова.

Старое Мусульманское Кладбище, могильник (Томское Мусульманское Кладбище). Один из наиболее известных памятников *неолита* Зап. Сибири. Случайно обнаружен при исследовании старого мусульманского кладбища на юж. окраине г. Томска. Располагался на краю 3-й надпойменной террасы, вдоль обрыва старого берега Томи между ул. Учебная и Нахимова. На основании данных радиоуглеродного анализа могильник датируется перв. пол. 4 тыс. до н.э. Исследован в 1955 – 1956 экспедицией ТГПИ под руководством *Дульзона А.П.* Для 27 неолитических могил характерен богатый набор каменных орудий труда: различной формы ножи, наконечники стрел, копий, дротиков, топоры, тёсла, а также выпрямители древков стрел, пила по камню, скребки, рыболовный стерженёк. Выделяются округлая каменная подвеска с просверлённым отверстием, фигурка рыбки из обожжённой глины и скульптурное изображение бегущего медведя из песчаника. Кроме того, на территории могильника также обнаружено большое количество древних керамических сосудов, однако их связь с могилами достоверно не установлена, и не исключен их более молодой возраст.

Лит.: Дульзон А.П. Томский неолитический могильник // Учён. зап. ТГПИ. 1958. Т. 17. С. 297-324; Кирюшин Ю.Ф., Кунгурова Н.Ю. Следы использования на каменных орудиях из погребений могильника на Старом Мусульманском кладбище // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 5-10; Кирюшин Ю.Ф. Проблемы хронологии памятников энеолита, бронзы Южной Сибири // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. Барнаул, 1991. С. 43-47; Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1981. 279 с.

Ф.И. Мец.

Степановский комплекс археологических памятников находится в *Каргасокском р-не* Томской обл., в 8 км вост. с. Ср. Васюган. Около десятка памятников расположены на узкой гриве, тянущейся вдоль р. Лемпы (искажённое селькупское название

Лымба – Орлиная река), лев. притока р. Васюган, лев. притока Оби. С.к.а.п. включает городище, 5 поселений *раннего железа эпохи* и *средневековья раннего*, возникших на месте поселений *бронзы эпохи* (точное количество не установлено) и могильника эпохи ранней бронзы. Открыты и раскопаны экспедициями ТГУ под руководством *Чиндиной Л.А.* в 1968 – 1973 и *Кирюшиным Ю.Ф.* в 1971.

В ист. науки С.к.а.п. вошёл прежде всего материалами Степановского-1, 2, 3, 4 поселений и Степановского городища, на которых впервые удалось обнаружить культовые изображения и оружие *кулайской культуры* в интерьере жилищ, в комплексе с керамикой и др. предметами труда и быта. Сохранились остатки жилищных и оборонительных конструкций, внутреннего устройства жилищ. Большой интерес представляют открытые очаги-горны, где готовили пищу и отливали разнообразные бронзовые изделия: ножи, наконечники стрел, топоры-кельты, украшения и культовые изображения (например, человек в молитвенной позе, хищники и лоси). В очагах и около них находилось большое количество тиглей, обломков литейных форм, бронзовых слитков, шлаков. Кроме того, в жилищах найдены костяные наконечники стрел, каменные топоры, молоты, ступы, точила, грузила, глиняные подвески-обереги, скульптурная головка лося, стеклянные бусы, железные ножи и шилья. Особое значение принадлежало керамике со специфическим орнаментом, формой и технологией изготовления. Благодаря керамике удалось отождествить известные памятники кулайского типа, очертить границы кулайской культуры и выделить её ранний (васюганский) этап – 6 – 2 вв. до н.э.

Поселения эпохи бронзы фиксируются только по керамике и связаны с ист. *еловской культуры*. Полностью раскопаны остатки Степановского могильника, обнаруженного при исследовании Степановского-1 поселения Ю.Ф. Кирюшиным в 1971. Вскрытые 4 могилы являются пока единственными захоронениями эпохи ранней бронзы (18 – 17 вв. до н.э.) на территории Томской обл. Умерших сжигали на стороне в специальной яме-крематории, который сохранился на могильнике. Прах опускали в могилы глуб.

0,8 – 1,5 м, густо посыпанные охрой. В 2 случаях обнаружен погребальный инвентарь в могиле и рядом с ней: сосуды, украшенные зигзаговыми и горизонтальными лентами отступающего гребенчатого штампа, бронзовые пластинки, каменный отщеп, каменная и костяная бусинки. Между могилами в заполнении крематория найдены стерженьки от рыболовной снасти. Умерших снабжали, кроме инвентаря, и пищей – сохранились обожжённые кости рыб и скорлупа кедровых орехов. Могильник и синхронные ему поселения с аналогичной керамикой выделены в культуру ранней и развитой бронзы Васюганья, названной по могильнику степановской (см. в ст. *Бронзы эпоха*).

Лит.: Кирюшин Ю.Ф. Степановский могильник эпохи раннего металла в Васюганье // Вопросы археологии и этнографии Сибири. Томск, 1978. С. 26-39; Он же. Энеолит, ранняя и развитая бронза Верхнего и Среднего Приобья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1986. 35 с.; Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 248-304; Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.; Она же. Культурные особенности средневековой керамики в эпоху железа // ИИС. Томск, 1973. Вып. 7. С. 161-174; Она же. Орнамент керамики степановских памятников // Искусство и фольклор народов Западной Сибири. Томск, 1984. С. 30-51; Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И. Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. С. 181-184. № 489-496.

Л.А. Чиндина.

Т

Тимирязевский-1 курганный могильник, средневековье раннее, 5 – перв. пол. 9 в. Расположен на лев. берегу р. Томи, в 2,5 – 3 км к З. от пос. Тимирязевского Томского р-на Томской обл. Известно 306 курганов овальной формы диам. 3,5 – 8,5 м, выс. 0,3 – 0,4 м. Памятник исследован экспедициями ТГУ: открыл его *Матющенко В.И.* в 1954, он же раскопал 2 кургана в 1956 и по 1 кургану в 1975, 1976; раскопки Т.-1.к.м. продолжила *Плетнёва Л.М.* – в 1971 ею раскопано 8 курганов, в 1974 – 59.

Хоронили умерших в неглубоких (0,2 – 0,45 м) могилах или на поверхности, насыпая в обоих случаях земляной курган. На месте погребения иногда стелили бересту, ею же закрывали умершего, иногда место погребения обжигали. Выявлены трупо-

положения и трупосождения на стороне, есть отдельные захоронения черепов человека. Возраст большинства погребённых – 35 – 40 лет, старше 50 лет – не встречено. Детей хоронили, видимо, отдельно. Обнаружены останки только 2 детей (2 – 3 и 4 – 7 лет), захороненных вместе со взрослыми. Особенностью Т.-1к.м. является наличие курганов-кенотафов. Размеры могил в них меньше, костяк человека отсутствует, но в них положены вещи, как и в обычных погребениях. Часть захоронений определена как повторные (костяки были преданы земле через определённое время).

Некоторые ритуальные действия выполнялись во время сооружения курганов. Так, после насыпания части земли, т.е. когда умерший был уже отделён от «мира живых», на поверхности насыпи разводили небольшой костер. Иногда в нём находят кости животных (в основном – лошади), фрагменты керамики или целые сосуды и другие вещи. Часть предметов помещали в насыпь во время последующих поминок. В целом коллекция Т.-1к.м. состоит из орудий труда, предметов быта, оружия, украшений и предметов культа. Найдены железные топоры-тёсла, ножи, железные и костяные наконечники стрел, стальной напильник с двухрядной насечкой, орудия кузнеца (железные клещи, молоток, зубило). Интересны украшения: бронзовые перстни, серебряные медальоны со стеклянными вставками, бусы из цветного стекла и др. Среди находок выделяются фигурки бронзовых птиц с распущенными крыльями, медведя, фигурка человека в полный рост в воинском убранстве, изображения голов людей. Т.-1к.м. Л.М. Плетнёва относит к *верхнеобской культуре*, а Чиндина Л.А. – к *рёлкинской культуре*.

Лит.: Беликова О.Б., Плетнёва Л.М. Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. Томск, 1983. 245 с.; Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. С. 105. № 1114; Чиндина Л.А. Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.

Л.М. Плетнёва.

Тискинский комплекс археологических памятников, средневековье развитое, средневековье позднее и 18 – 19 вв. Расположен на лев. берегу р. Оби на юго-вост. окраине пос. Тискино Колпашевского р-на Томской обл. Представлен поселением 11 –

12 вв. и курганным могильником 12 – 19 вв., в функционировании которого выделяются 3 хронологических этапа: 12 – 14, втор. пол. 14 – 17, 18 – 19 вв. Т.к.а.п. известен с 1940-х. В 1955 В.Е. Добычин, краевед, житель г. Колпашева, зафиксировал 19 курганов могильника. В 1970-х Чиндиной Л.А. и А.И. Бобровой (ТГУ) раскопано 11 курганов, в которых вскрыто более 400 погребений, отражающих преемственность погребального обряда населения, хоронившего на одном месте около 8 столетий. Во втор. пол. 1970-х – перв. пол. 1980-х остальные курганы Т.к.а.п. уничтожены рекой и грабительскими раскопами.

В культурном слое поселения обнаружены кости лошадей и керамика, свидетельствующие о взаимодействии местных племён: потомков населения *рёлкинской культуры* и носителей юж. культур тюркского облика. Черты посл. нашли отражение в материалах 12 – 17 вв.: приношение в жертву головы, конечностей и туши коня, кремация на месте погребения с последующим сохранением костей человека в анатомическом порядке. На протяжении перв. 2 этапов существования некрополя умерших хоронили в вытянутом положении, на спине, с руками, уложенными вдоль тела, головой на Ю. или В. (ногами вниз по течению Оби), в бревенчатых срубках, долблёных колодах, берестяных чехлах. Эти сооружения, как и самих покойных, оставляли прямо на поверхности земли, не выкапывая могил, друг около друга, на специально огороженных участках. После заполнения посл. новые погребения помещали над имеющимися в несколько ярусов, отчего насыпь кургана вырастала иногда до 2 – 3 м. Покойных хоронили в одежде, с украшениями, оружием, орудиями труда и предметами, служившими им при жизни. Сохранились остатки шёлковых и шерстяных тканей, бронзовые подвески, браслеты и серьги, стеклянные бусы, глиняные горшки, железные ножи и наконечники стрел. Среди материалов 12 – 14 вв. встречены изделия и украшения, имевшие гораздо большее распространение у населения Сургутского и Нижнего Приобья. Это, а также некоторые черты погребальной обрядности, свойственные отмеченным территориям, говорят о возможном проникновении отдельных групп населения на территорию Томской обл. Под влиянием христианства в

18 – 19 вв. умерших начали хоронить в дощатых гробах, сколоченных железными гвоздями, головой на З., с нательными крестами и медными монетами. По ист. сведениям, в 17 в. на данной территории проживали *селькупы* шиешгула.

Лит.: Боброва А.И. Погребения XVIII – XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск, 1984. С. 146-167; Она же. Нарымское Приобье и Причулымье // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994. С. 304-321; Чиндина Л.А. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья // ИИС. Томск, 1975. Вып. 16. С. 61-93.

А.И. Боброва.

Томилов Николай Аркадьевич (р. 14 сент. 1941, г. Енисейск Красноярского кр.) – этнограф, проф. В 1967 закончил ист.-фил. ф-т ТГУ, во время учёбы занимался науч. этнографическими изысканиями под руководством *Пелих Г.И.* В 1968 – 1974 работал в ПНИЛИАЭС ТГУ сначала мл., а затем ст. науч. сотр., защитил канд. дис. С 1974 работает в Омском гос. ун-те, где создал науч. этнографическую школу. В 1983 защитил докт. дис. Ныне – дир. Омского филиала Объединённого ин-та ист., филологии и философии СО РАН, дир. Сиб. филиала Российского ин-та культурологии, зав. каф. этнографии и музееведения Омского гос. ун-та. Сфера науч. интересов глубока и обширна: в обл. методологии и методики – проблемы *этнической истории* и этноархеологии как науч. дисциплин, теории – этнология тюркоязычного населения Зап. Сибири; а также музееведение и краеведение. Автор около 450 науч. работ, в т.ч. 22 монографий. Редактор 3 многотомных науч. серий. Науч. руководитель 11 защищённых канд. дис. по этнографии.

Соч.: Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978. 210 с.; Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980. 200 с.; Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в кон. XVI – перв. четверти XIX в. Томск, 1981. 275 с.; Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987. 80 с.; Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины кон. XVI – нач. XX в. Новосибирск, 1992. 270 с.; Проблемы этнической истории. Томск, 1993. 222 с.; Татары Западной Сибири: история и культура. Новосибирск, 1996. 219 с. (в соавт.); Томские татары и чулымские турки в первой четверти XVIII века: хозяйство и культура. Новосибирск, 1999. 553 с. (в соавт.).

Лит.: Томилов Н.А. О Российском международном научном семинаре «Интеграция археологических и этнографических исследований» (1993 – 1998

О.М. Рындина.

Томская палеолитическая стоянка, палеолит, 18300±1000 лет. Располагалась в юж. части г. Томска, на территории Лагерного сада, на прав. берегу р. Томи в том месте, где она делает крутой поворот на С., образуя выдающийся мыс выс. до 60 м. Зап. склон мыса прорезан большим оврагом, в стенке которого 15 апр. 1896 были случайно обнаружены кости мамонта. В этот же день проф. зоологии Томского ун-та Н.Ф. Кащенко приступил к их исследованию, результатом которого было открытие перв. зап.-сиб. палеолитической стоянки. Раскопки велись поспешно, по мёрзлому грунту, но с соблюдением всех правил тогдашней археологической науки. Поверхность раскопа разбили на квадраты в 1 м² и углубились на 3,5 м вплоть до углистого слоя от древних костров, на котором обнаружили остатки первобытной стоянки площ. около 55 м².

На древней поверхности были выявлены разрозненные кости скелета мамонта. Бивни и часть костей оказались разбитыми, обожжёнными или перегоревшими. Только после тщательной фиксации на плане и фотосъёмки кости были подняты из слоя. Между кострищами удалось собрать 161 каменный предмет: орудия и отходы каменной индустрии. Орудия из кремнёвых пород большей частью изготовлены в пластинчатой технике: мелкие пластинки, включая и ретушированные, скребки, резцы, долото-видные изделия. Найден и параллельный нуклеус, с которого скалывались пластинки. Большинство орудий, изготовленных на месте, предназначалось для снятия шкуры, разделки мяса и дробления костей. Помимо каменных, собраны более эффективные ножевидные костяные орудия, изготовленные из тазовых костей мамонта. Обнаружены костяные орудия, выполненные техникой скалывания, применявшейся для обработки камня.

Т.п.с. просуществовала непродолжительное время, необходимое группе охотников для полной утилизации туши убитого мамонта. Относится к кругу памятников средней поры позднего *палеолита*. Пластинчатая техника изготовления каменных ору-

дий находит аналогии в синхронных памятниках Ю. Вост. Сибири.

Лит.: Кашенко Н.Ф. К вопросу об одновременном существовании человека и мамонта // Тр. X археологического съезда в Риге. Рига, 1896. Т. 1. С. 64-70; Он же. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком // Зап. АН. Сер. 8: по физико-математическому отд-нию. СПб., 1901. Т. 11. № 7. С. 1-60; Палеолит СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1984. С. 302, 309; Янишевский М. Заметки о находке остатков мамонта в г. Томске // Ежегодник по геологии и минералогии России. Т. 12. С. 291-292; Томская область. Исторический очерк. Томск, 1994. С. 8-10.

Ю.И. Ожередов.

Томские татары (20856 чел. по переписи 1989) – представители коренного населения обл. Компактным анклавом проживают в Томске и пригородных селениях: Чёрной речке, Тахтамышеве, Эуште, Барабинке, Казанке и др. Т.т. составляют одну из этнических групп, входящих в более широкое этническое образование сиб. татар. Татарское население, появившееся на территории обл. в 20 в., рассредоточено в вышеуказанных населённых пунктах, а также в ряде пос. обл.; 2950 татар, работающих на нефтепромыслах, проживают в г. Стрежевом.

Язык Т.т. относится к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков и образует томский диалект языка сиб. татар. Для него свойственны вост.-тюркские и поволжско-татарские черты.

В этническом плане Т.т. сформировались из 3 тюркоязычных групп: зуштинцев, чатов и калмаков (предков телеутов). Термин «Т.т.» употреблялся первоначально лишь относительно зуштинцев и др. мелких тюркоязычных групп, населявших Притомье ещё до прихода *русских*. Зуштинские татары – бывшие подданные князя Тояна, принявшего в 1604 русское подданство. В этом же году недалеко от «родового гнезда князя Тояна» был заложен г. Томск. Чаты подкочевали в бассейн р. Томи позднее, во втор. пол. 17 в., в период русской колонизации. В это же время вблизи г. Томска осела сев. группа «белых калмыков», принявшая в 1662 русское подданство. На протяжении 17 – 19 вв. чаты, калмаки и зуштинцы поддерживали между собой тесные хозяйственно-культурные связи, что вело к их консолидации в особую

этническую группу. Однако к нач. 20 в. этот процесс не получил полного завершения, что нашло отражение как в распространении разных этнических самоназваний: яушталар, цаттыр, калмактар, так и в языке и в отдельных элементах культуры. В состав томско-татарского населения в разное время входили бухарцы-узбеки, телеуты, казанские татары, мишари.

У Т.т. издавна существовал интегрированный культурно-хозяйственный тип рыболовов, охотников, скотоводов и земледельцев. В связи с обилием добываемой рыбы: щуки, хариуса, линя, налима, муксуна, нельмы, осетра, стерляди и др. – рыболовство было прибыльным занятием. Бóльшую часть рыбы продавали зимой в замороженном виде, а летом перевозили в живом виде в специально оборудованных для этого лодках с решётками (эуштини).

Основными орудиями лова служили сети (ау) и неводы (алым); широко были распространены орудия лова корзинного типа – морды (суган). Охота поставляла мясо и пушнину, главными орудиями служили лук и стрелы, употреблялись различные ловушки. Земледелие до прихода русских носило примитивный мотыжный характер; в хозяйстве калмаков оно играло главную роль, у чатов было развито слабо, а у эуштинцев отсутствовало совсем.

В нач. 20 в. в связи с бурным экономическим развитием юж. р-нов Зап. Сибири в хозяйстве Т.т. произошла существенная перемена: снизилось значение охоты и рыболовства и начали преобладать промыслы (извозно-ямщицкий, лесодровяной, сенозаготовительный). Часть Т.т. занялась торговлей. Большинство из них продавало продукты охоты, рыболовства, сельского хозяйства, а также изделия домашних ремесёл и промыслов: рыбу, живой скот, молоко, конский волос, войлок, мочало, дрова, верёвки, сено, лыжи, корыта и др. Татарские и бухарские купцы продавали и привозные изделия: ковры, ткани, чай, фрукты, средства передвижения и др.

Традиционными средствами передвижения у Т.т. были лыжи и лодки разных типов. Бытовали широкие подшитые лыжи с выгибом под ступательной площадкой, на которой крепился ме-

шок от снега; в него вставлялась нога, и мешок завязывался вокруг неё. Применялись и прямые лыжи с бортиками по краям ступательной площадки. Были известны колодообразные долблённые лодки и дощатые лодки русского типа. У некоторых лодок корма и нос вырубались в форме выступов, напоминавшие головы животных. Изготавливали также лодки из бересты. Имеются сведения и об употреблении в прошлом плотов. Для транспортировки груза использовали ручные прямокопильные нарты – цапак, которые охотники тянули с помощью лямки. Были известны также прямые подволоки с острым носком и срезанным задником.

Поселения Т.т. располагались по берегам рек, вокруг озёр, в долинах. Позднее появились притрактовые поселения. В прошлом характерной была свободная застройка с отсутствием улиц и наличием «закоулков». У зуштинцев и калмаков в сер. 19 в. самые крупные поселения, например Зуштинские юрты, насчитывали немногим более 20 дворов. Более многочисленными были деревни чатов, состоящие из 20 – 30 дворов. У зуштинцев поселения назывались «юртами», в соответствии с чем в документах 17 в. эти татары назывались «юртовскими». У чатов поселения именовались аулами, а у калмаков – улусами и аймаками. Некоторые селения наряду с официальными имели свои татарские названия: Чёрная речка – Абытай, Тахтамышево – Кызыл каш и др.

Основным видом жилого дома была изба (ий). К более ранним типам жилищ относятся землянки, полуземлянки, мазанки. Бревенчатые постройки были как срубленными в угол, так и каркасными с самонесущей стеной из брёвен и забранными в пазы столбами. Традиционное внутреннее устройство жилища включало в себя нары, «горки» перин, почётное место для гостей, хозьяина (төр). Функционально внутреннее пространство делилось на мужскую и женскую половины.

Хозяйственные постройки: амбары, сараи, стайки для скота – оран, бани, летние кухни – располагались свободно, без связи с домом и друг с другом. У чатов и зуштинцев встречались усадьбы с прилегающими к дому постройками, крытые дворы; иногда усадьба разделялась на передний и задний дворы.

Традиционная мужская и женская одежда имела много общих черт. Нижней одеждой служила рубаха (кулмэк). У женщин её незастегивающийся разрез прикрывался нагрудником (кукрэкчэ) с большим количеством украшений. К поясной одежде относились штаны с широким шагом: нижние – из лёгких тканей, верхние (чалбар) – из домотканого холста, шерстяных тканей. Религиозной праздничной одеждой являлись халаты (чапан) из среднеазиатского шёлка. Верхняя одежда включала в себя безрукавные камзолы с расходящимися сборчатыми полами из лёгкого материала, покрытого плюшем; аналогичные им по покрою бешметы, но с рукавами и более длинные; прямоспинные и приталенные шубы (тон) из овчины. Мужчины зимой носили также тулупы из волчьих и лисьих шкур, поверх них – армяки; одежда стягивалась кожаными или пёстрыми шерстяными поясами.

Женские головные уборы состояли из налобной повязки; колпака с твёрдым околышем (калфак); небольшой округлой шапочки с плоским верхом, покрытой платком или тюлем. Праздничные головные уборы изготавливались из дорогих тканей и украшались вышивкой золотой и серебряной нитью, бисером. Зимние шапки, аналогичные летним и праздничным, утеплялись войлоком и меховой опушкой. Мужчины в летнее время пользовались тюбетейками (капач, тубятай) и войлочными катаными шапками округлой формы или в виде шляпы (бурек); в зимнее – меховыми круглыми шапками с матерчатым покрытием (кабац), стёгаными шапками-казанками с меховой оторочкой и тумакими с ушками и лопатообразным выступом сзади. У калмаков встречался головной убор тагыя, сшитый из 4 треугольных или прямоугольных полос ткани и отороченный мехом.

Мужская и женская обувь изготавливалась из кожи и была представлена ичегами с голенищем, туфлями с каблуком и обувью без голенища – чарык, затягивающейся с помощью ремешка. Женские праздничные экземпляры обуви отличала орнаментальная отделка. При ношении обуви пользовались шерстяными вязаными чулками (ойок, байбак). Рукавицы шили из лосиной кожи, овчины, позднее вязали из шерстяных ниток. На рубеже 19 –

20 вв. традиционная мужская одежда испытала сильное воздействие со стороны городской.

Основные пищевые продукты Т.т. давали охота и рыболовство, дополненные скотоводством. Довольно значительной была роль дикоросов: трав, ягод, кедрового ореха. Под воздействием русской культуры возросла роль хлебных продуктов, изменился состав мясных: существенным дополнением к конине стали говядина и баранина. Для традиционной кухни характерно преобладание мясо-молочных блюд. Из молочных продуктов были и распространены сливки (каймак), масло (май), творог (эремчек, эцгей), сыр (курт); из молока готовили и своеобразный напиток айран. Мясо употребляют в варёном виде, вялят, владеют искусством приготовления колбас (казы) из конского мяса, в т.ч. и копчёных.

Основной формой семьи у Т.т. в 18 – 20 вв. являлась малая семья, насчитывавшая в среднем 5 – 6 чел. Вся полнота власти сосредоточивалась у главы семьи, обычно им был старший мужчина – дед, отец, брат. Он определял внутренний распорядок жизни, имел решающее слово при выборе невесты или жениха и т.д. Положение женщин в семье было принижённым, что проявлялось в отсутствии права выбора жениха, в выдаче замуж несовершеннолетних, в многожёнстве, в меньшей доле при разделе имущества, в запрете ходить с открытым лицом на улице и др.

Большая часть Т.т. принадлежит к мусульманской конфессии суннитского толка. Догматы ислама включают в себя идеи единого и всемогущего бога Аллаха и его пророка Магомеда, ада и рая как вместилищ человеческой души после смерти, Страшного Суда и др.; регламентируют обрядовую жизнь верующих: пост в месяце рамазан и др.

Традиционное мировоззрение народа содержит в себе и черты более ранних религиозных форм, в т.ч. и самых архаичных, связанных с почитанием предметов, животных, природных явлений. Особое отношение существовало к огню, с ним связано множество запретов. Объектами культа являлись солнце (кояш) и луна (ай). Следы представлений о родственных связях с животными сохранились у эуштинцев, помнящих о наличии в прошлом 2 родов: мыши (цыц-

кан) и комара (цярки). Широко распространены представления о различных духах: Суиясе – водяном, Урман худжасе (хозяине леса) – добром мужском духе, ий иясе – домовом, мал иясе – хозяине двора; бытовали представления о злом существе улят, появляющемся в образе быка, и др. До недавнего времени наблюдалось поклонение духам в образе деревянного идола (курцак), прибываемого к крышам домов; кукол кормили, поили, одевали. Существовали и служители шаманского культа – шаманы (кам).

Традиционное искусство представлено развитыми формами фольклора, песенного творчества, орнаментального искусства.

В посл. четв. 20 в. наблюдается высокая степень активности Т.т., связанная со стремлением к самоорганизации и общению на этнической культурной основе. В кон. 1980-х в ряде мест компактного проживания татар начались занятия по родному языку. В 1990 созданы культурные об-ва, среди них татарский культурный центр, в котором работают просветительский клуб «Мирас», танцевальный ансамбль «Шаян кызлар» (рук. Р. Аминова), хоровой коллектив «Халык моцнары» (худ. рук. А. Мустаева). С 1995 ежемесячно выходит в эфир авторская программа Л. Сафиуллиной «Исэнмесез, куршелэр!» («Здравствуйте, соседи!»).

См. также: *Этническая история*.

Лит.: Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1: Поселения и жилища. Кн. 2. Томск, 1994. 286 с.; Томилов Н.А. У татар Томской и Новосибирской областей // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 193-145; Он же. Об изменениях в культуре и быте эуштинских татар // ИИС. Томск, 1973. Вып. 5. С. 169-177; Он же. Направление развития хозяйства томских татар в конце XIX – начале XX в. // ИИС. Томск, 1973. Вып. 6. С. 209-227; Он же. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск, 1980. 200 с.; Он же. Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987. 80 с.

Е.Ш. Сафиуллина.

Томский кремль, 1604 – 18 в. История Т.к. начинается с официальной даты основания города в 1604, когда «по Государя царя и великого князя Бориса Федоровича (Годунова) всея Руси наказу» был послан «на Томь» отряд служилых людей во главе с Г.И. Писемским и сыном боярским В.Ф. Тырковым для того, чтобы в «Томские волости Таяня князя», по его челобитью, поставить город. Строительство началось с кремля – укрепленного ядра города, его главной планировочной части, административно-

политического, культурно-идеологического, военно-оборонительного центра. Через 4 месяца «город зделали со всеми крепостьми сентября в 27 день». Эта дата отмечается как День рождения Томска.

Перв. Т.к. 1604, согласно «Росписи Томскому городу и острогу», был небольшим, периметр его стен составлял около 200 м. В кремле имелось 3 башни, в т.ч. 2 «воротные», или проездные. Стены состояли из вплотную приставленных друг к другу срубов – «городен». Место расположения первоначального Т.к. неизвестно.

С кон. 1620-х встал вопрос о необходимости ставить новый кремль, поскольку старый «огнил и развалился». К возведению нового городского центра приступили в 1647, при воеводе князе О.И. Щербатом. Томичи разошлись во мнении относительно того, где ставить новый кремль и как его строить – в форме отработочной повинности или наёмной артелью плотников. Кремль был построен в течение года. Конфликт разрешился в пользу размещения Т.к. на юж. мысе Воскресенской горы. Так с сер. 17 в. этот «знатной вершины пригорок» закрепился в памяти томичей как ист. место расположения городского центра. Кремль сооружался плотничьей артелью, возглавляемой талантливым инженером-градостроителем из народа, казаком П. Терентьевым, названного томичами за заслуги «Петрушей-городелом».

В настоящее время юж. мыс Воскресенской горы является памятником *археологии* федерального значения, на котором в течение ряда лет проводили археологические изыскания ТГУ, ин-т «Спецпроектреставрация» под руководством *Матющенко В.И.* (1968), *М.В. Фролова* (1983), *М.П. Чёрной* (1983 – 1986, 1990, 1997 – 2000). Раскопки дали богатейший материал по ист. Т.к. сер. 17 – 18 в. по материальной культуре феодального города, ист. облику средневекового Томска.

В качестве военного объекта Т.к. 1648 представлял укрепление, в котором органично сочетались традиции русского деревянного оборонного зодчества и новые тенденции инженерной фортификации. Стены Т.к. имели тарасную конструкцию, ограждение из сплошной цепи срубов, каждый из которых был прочно

и жёстко соединён со смежной клетью-тарасой. Устойчивость тарасной стены обеспечивалась закладкой нижних венцов срубов в траншеи, вырытые в материковой толще мыса. Подземная часть тарас выполняла двоякую функцию: она служила фундаментом для наземной части стены и обрубом, укреплявшим откосы горы.

Благодаря археологическим данным раскрыто конкретное содержание ист. названия старинной улицы Томска «Обруб». Высота стен Т.к. в зависимости от колебаний рельефа составляла 6 – 7 м. В Т.к. 1648 было 7 башен: проездные – юж. Спасская (главные ворота города) и сев. Воскресенская; 4 глухих угловых; в зап. стене башня-колокольня с часами, отбивавшими время «по старинке, с восходом и заходом солнца». Фортификационные нововведения были представлены элементами бастионной системы: батареей с «раскатом» и выступом-«бастеей». Конструктивное градостроительное новаторство обеспечило большой запас прочности Т.к., которого хватило почти на 130 лет.

Внутри Т.к. располагался комплекс построек: резиденция главного административного лица – воеводский двор, городская соборная церковь, а также съезжая изба, где велось текущее делопроизводство, принимали гостей и послов, аманатская изба, где держали важных заложников, государевы житницы и амбары, в которых хранили собранную в счёт ясачных платежей пушнину, погреба с боеприпасами. Будучи городским центром, Т.к. выполнял не только административную, политическую, военную, культурную функции, но и являлся главным градообразующим фактором всего поселенческого комплекса. Кремлёвские стены и башни были безусловной доминантой, формировавшей облик города. Кремль олицетворял гос. власть, его монументальные и строгие укрепления демонстрировали нерушимость и силу русской державы. Посл. в ист. Томска кремль-долгожитель (сер. 17 – 18 в.) в полной мере выполнил свою роль городского центра, более столетия направляя, объединяя и охраняя жизнь нескольких поколений томичей.

Лит.: Бояршинова З.Я. Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. Томск, 1958. Сб. 3. С. 21-48; Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984. 224 с.; Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 312-313, 411-413; То же. 1941. Т. 2. С. 65, 534; Полевой Б.П. Новое о Василии

Тыркове, основателе Томска // Сибирские города XVII – начала XX века. Новосибирск, 1981. С. 57-63; Чёрная М.П. Проблема преемственности в расположении Томского города первой половины XVII в. и кремля 1648 г. // Приобье глазами археологов и этнографов: Материалы и исследования к «Энциклопедии Томской области». Томск, 1999. С. 120-126; Она же. Реконструкция оборонительных стен Томского кремля середины XVII в. // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 327-343; Она же. Томская крепость XVII в. по археологическим источникам // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1992. С. 57-77.

М.П. Чёрная.

• **Томский могильник** (Томский могильник на Большом мысе). Известный археологический памятник Зап. Сибири. Находился на юж. окраине г. Томска, на прав. берегу Томи, там, где река меняет свое течение с сев.-зап. на сев., на высоком (около 80 м) мысе, круто обрывающемся к реке. Памятник исследовали *Адрианов А.В.* в 1887 и *Кузнецов С.К.* в 1889. Всего ими раскопано 85 погребений. Могильник разновременный: выделяются захоронения *энеолита* (перв. треть 2 тыс. до н.э.) – 8, *бронзы эпохи* – 12, *раннего железа эпохи* – 59 и сер. 1 тыс. н.э. – 6.

Для энеолитических могил характерны обряд сожжения трупа на стороне и захоронение кремированных останков вместе с плоскодонными керамическими сосудами, украшенными оттисками палочки, и небольшим количеством каменных орудий (топоры, тёсла, ножи, наконечники стрел). Могилы относятся к игрековскому типу (см. в ст. *Энеолит*). Захоронения эпохи бронзы представляли собой труположения в простых грунтовых ямах, ориентированных с Ю.-Ю.-В. на С.-С.-З. Для их инвентаря характерно сочетание каменных и бронзовых орудий и украшений в одной могиле. Среди бронзовых орудий встречены кинжал, ножи, серьги, бляшки, зеркала, пронизки или, возможно, пуговицы. В могилах обязательны керамические сосуды, которые по 1 (иногда по 2) ставили в ногах или в головах погребённого. Относятся к кругу андроновидных археологических культур (см. в ст. *Андроновская культурная общность*).

Захоронения эпохи раннего железа производились в неглубоких ямах, высланных берестой. Умершего помещали на прав. бок, головой на Ю. или Ю.-З. Изредка встречаются трупосожжения на стороне. В погребениях были обнаружены украшения,

орудия труда и оружи. Многочисленны бронзовые пластинчатые ножи с деревянной накладкой, зеркала с ручкой-петелькой, бляшки, височные кольца. Среди предметов вооружения выделяются кинжалы, наконечники копий, чеканы. В некоторых могилах найдены небольшие керамические чашечки. Эта группа погребений, видимо, относится к *шеломокской культуре* (по *Плетнёвой Л.М.*). Захоронения сер. 1 тыс. н.э. выявлены по наличию групп предметов в маленьких неглубоких ямах (бронзовые солярные бляшки, дужки и игольник, железные наконечники стрел и копья). Интересны 2 бронзовых изображения – идола с свиной головой и медведя со змеями по бокам.

Лит.: Комарова М.Н. Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М., 1952. № 24. С. 7-50.

Ф.И. Мец.

Тоянов Городок, курганный могильник, средневековье позднее, 17 в. Расположен на лев. берегу р. Томи, напротив г. Томска. Памятник известен с кон. 19 в. Раскопки производили Ф. Мартин, *Кузнецов С.К.*, С.М. Чугунов, *Грязнов М.П.* и А.К. Иванов и др.

Курганы Т.Г., к.м. овальной или округлой формы разм. от 0,9 x 1,5 до 2,8 x 3 м, выс. 0,1 – 0,7 м. Для погребального обряда характерно захоронение в одном кургане 1 умершего (редко – 2); помещение большинства их на древнюю дневную поверхность, часть – в могилы глуб. 0,25 – 0,5 м (сверху насыпали курган); ориентация головой в основном на Ю.-Ю.-В. Место погребения обозначали 2 продольных бревна, редко – 4 (продольные и поперечные). В сооружении использовали подстилку из бересты, часто берестой покрывали умершего, сверху иногда делали покрытие из нетолстых бревен. Наряду с труположением практиковалось и трупосожжение на стороне с последующим захоронением его остатков (угольки, пережжённые кости). В Т.Г., к.м. выявлены вторичные захоронения (труп предавали земле по прошествии какого-то времени, в течение которого он хранился на лабазе, висел на дереве или в др. месте). В погребальном ритуале значительную роль играл огонь: выявлены угли среди костей или ря-

дом с костью человека; в некоторых погребениях сожжена обкладка (в этих случаях обожжены и кости умершего).

Коллекция Т.Г., к.м. достаточно разнообразна. В неё входят железные и костяные наконечники стрел, кресала и кремни к ним, ножи, глиняные сосуды, накосные украшения женщин, предметы конского убранства: стремена и удила. Есть изделия русского привоза: стеклянные зеркала, перстни со вставками и перстни-печатки, серьги в виде знака вопроса и железные топоры. Материалы могильника характеризуют культуру *томских татар* эпохи позднего средневековья (см. *Средневековье позднее*).

Лит.: Грязнов М.П. Дневник раскопок Тоянова Городка, произведённых в 1924 году // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 65-72; Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. С. 111. № 1163; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). Томск, 1990. 133 с.

Л.М. Плетнева.

Традиционное декоративное искусство предполагает приверженность коллективно выработанным канонам, передаваемым из поколения в поколение, и охватывает вещный мир, окружающий человека. Коллективность художественного опыта очерчена в пространстве границами народов, а во времени – их ист.

Творчество русских старожилов Томской обл. отразило в себе славянскую земледельческую архаику и сев.-русскую декоративную сдержанность. Признаком красоты жилища служила монументальность, добротность постройки, украшение накладными розетками в виде солярных знаков. Лаконично было и внутреннее убранство жилища: белые узорные скатерти, сотканые на 4, 8 подножках; отделанные белым кружевом постельные принадлежности; тканые половики с разноцветными поперечными полосками. Атрибутом праздничного убранства дома являлось полотенце, символично связующее важнейшие вехи жизненного пути человека (рождение, свадьбу, похороны) и целые поколения (считалось, что по вывешенному за окно полотенцу душа-птица на 40 дней поднималась к родственникам), а также служившее оберегом. В древнейших орнаментальных мотивах на полотене-

цах: тканых шашечных и ступенчатых ромбах и вышитых сюжетных изображениях в виде женских фигур, коней, птиц, деревьев – отразились мировоззренческие основы, связанные с культом солнца, матери-земли, *календарной обрядностью*. Орнаментальная отделка одежды сводилась к минимуму: тканые узорные пояса, обладавшие высоким сакральным значением (обереги от порчи, гаранты жизни и здоровья) и присутствовавшие в различных обрядах, заговорах, гаданиях.

На рубеже 19 – 20 вв. на декоративное искусство *русских* существенное воздействие оказали переселенцы из юж. губ., принёсшие с собой яркие художественные традиции: разноцветную вышивку на мужских и женских домотканых рубахах, красочные узорные скатерти, сотканые на 8, 12 и 16 подножках, ковры, половики и др. Влияние городской культуры, особенно осязаемое в пригородных и притрактовых сёлах, сказалось в отделке карнизов, наличников, ворот – упрощённых копий с томских образцов, в «мыльных» узорах на полотенцах, воспроизводящих цветочный орнамент с фабричных упаковок, тамбурной вышивке на мужских рубахах-косоворотках из покупных тканей и др.

Художественная культура *томских татар* обязана своим происхождением скотоводческому миру. Он предоставлял в распоряжение человека кожу и шерсть, из которой вырабатывались войлок и сукна, а основным средством украшения материалов служила аппликация. Самым древним декоративным реликтом являются женские нательные нагрудники, отделанные аппликацией из кусочков ткани и почитаемые как символ связи с духами-предками по материнской линии, а также аппликация на кожаных деталях конской упряжи. Яркая и красочная тамбурная вышивка, сменившая аппликацию, размещается главным образом на элементах традиционного костюма: женских и мужских головных уборах из шёлка и бархата насыщенных тонов, женской кожаной обуви. Вышивку тамбуром, в свою очередь, потеснила более живописная вышивка гладью. Существенную роль в декоративном убранстве женского костюма играли бисер, бусы, мишура, помещаемые на наружных нагрудниках. Художественные изделия из металла выполняли функцию украшения применительно к чело-

веку и коню, изготавливались из меди или серебра и орнаментировались линейной резьбой и чеканкой. Для татарских традиционных узоров характерны витиеватые растительные мотивы, воспроизводившие цветы, листья в различной степени стилизации, что отвечает догмам ислама, запрещающим изображать человека и животных. Наследие древних местных традиций сказалось в трёхгранно-выемчатой резьбе на деревянной утвари, где представлен лаконичный геометризм. Наглядным воплощением влияния русской культуры служит внешнее украшение жилища.

Сведения о декоративном творчестве *чулымцев*, которые вели разнообразное комплексное хозяйство, крайне скудны и относятся лишь к одежде: её скромная отделка состояла в цветовом выделении деталей. Однако привлечение данных о ближайших соседях – кызыльцах, которых в 18 – 19 вв. рассматривали как один народ с чулымцами, позволяет предполагать возможное сходство декоративных традиций. Так, у кызыльцев в качестве зимней одежды зафиксированы шубы из беличьих и лисьих шкурок, покрытые шёлком, а у чулымцев – шубы, покрытые домотканой или покупной материей; у кызыльцев – суконные кафтаны, обшитые мехом, у чулымцев – кафтаны из крапивного или конопляного полотна, отделанные по воротнику и отворотам материей красного или зелёного цвета. Поэтому нельзя исключать, что и праздничное убранство коня у кызыльцев, включающее сёдла с серебряной насечкой (а по фольклорной версии – луки из золота и стремяна из серебра) и вышитые шёлком седельные подушки и черпаки, имело некоторые, более скромные аналоги и в художественной культуре чулымцев.

Эвенки – пешие охотники и оленеводы – сохранили в своей культуре архаичные приёмы декоративного искусства. Их художественный стиль отличает стремление подчеркнуть конструктивные особенности вещи через общую композицию орнамента. В сферу декоративного творчества входила прежде всего обрядовая одежда: кафтаны и нагрудники из меха и ровдуги (замши из шкуры оленя), обувь, а также пояса и перевязи с подвешенными к ним сумочками; из утвари орнаментировались вьючные сумки. Раскрытие внутренней структуры предмета достигалось путём

подчеркивания орнаментом конструктивных швов или с помощью многократного повторения очертаний предмета. Набор традиционных мотивов предельно прост и лаконичен: господствует полоса, встречаются квадраты, треугольники, ромбы. При строгости форм основной декоративный эффект достигался за счёт фактурного и цветового разнообразия используемых материалов и технических приёмов: мозаики и аппликации из меха и ровдуги, аппликации из ткани, раскраски, различных видов швов с использованием белого подшейного волоса оленя, нашивания бисера, различного рода подвесных украшений (металлических бляшек, пучков конского волоса, козьего меха, бахромы и кусочков замши, дополненных бусами, бисерных нитей).

Декоративная культура *селькупов*, занимавшихся охотой и рыболовством, реализовала небогатый природный потенциал болотистого и таёжного Нарымского кр. Полное утилитарное использование шкурок мелких пушных зверьков (белок, бурундуков и др.) породило эстетическую норму – сшивание шкурок с ушек, лапок, хвостиков в единое полотно, богатое естественными цветовыми оттенками. Сборный мех стал доминантой в убранстве традиционного костюма, дополненной отделкой краёв одежды меховой опушкой, тканью, и превратился в важную мировоззренческую составную. Пёстрым (пегим) представлялся селькупам мир людей, и сами они воспринимались соседями в этой же цветовой палитре. Орнамент наиболее полно воплотился на берестяной утвари. Его узорный фонд включил в себя древние сиб. элементы: треугольные, флажковидные, стрелообразные, восходящие к технологическому «псевдоорнаменту», предназначенному для скрепления стенок у берестяных изделий, и элементы культуры юж. алтайцев в виде рисунка из кругов, полукружий, квадратов, изящно дополненных зубцами; вобрал в себя орнаментальные достижения соседних *хантов*, представленные криволинейными зигзагообразными мотивами и ромбами. Аппликация с подкладным фоном и выскабливание служили основными техническими характеристиками узоров.

В декоративном арсенале хантов, практиковавших охоту и рыболовство, ведущее место занимала орнаментация. По силе

своей художественной выразительности она сопоставима, по мнению путешественников 19 в., с достижениями индейцев и эскимосов. Основной орнаментальный потенциал сосредоточен на берестяной утвари, отделанной в технике выскабливания и аппликации по зачернённой бересте. Для перв. характерны причудливые хитросплетения криволинейной ломаной линии, восходящие к стилизованному изображению медведя – первопрядка и особо почитаемого животного, а также зигзагообразные мотивы; для втор. – сложные формы прямолинейных меандровых узоров, выработанные в мозаике из рыбьей кожи, оленьей замши и меха. Под воздействием селькупских традиций хантыйский орнамент обогатился мотивами из зубцов. Миниатюрные изделия из кости, декорируемые точечным орнаментом, контурными линиями в сочетании с треугольниками, отразили древнейшую местную традицию. Декоративная отделка одежды акцентировала края изделия с помощью сборного меха, ярких аппликативных полос из ткани, канта; отмечена и двухцветная мозаика из ткани, полосы которой составлены из треугольных кусочков. Убранство женского наряда включало в себя украшения: накосные, шейные, нагрудные и размещаемые на прав. поле шубы или кафтана. Их основу составляли ткань, обычно красного цвета, а отделкой служили нашитые металлические бляшки, пуговицы, бисер, бусы.

Как видим, формы эстетизации опредмеченной действительности во многом универсальны: цветовое решение деталей, разнородность их фактуры, различного рода подвески, орнамент и др., однако их сочетание (стиль) своеобразно у каждого народа, т.к. определено спецификой его мировоззренческих установок, ист. развития и природной среды обитания.

Лит.: Богомолов В.Б., Томилов Н.А. Характеристика орнамента томских татар // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 196-213; Они же. К проблеме этногенеза и этнокультурных связей сибирских татар (по материалам орнамента томских и барабинских татар) // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 129-131; Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.; Л., 1963. 500 с.; Костров Н. Чулымские инородцы // Томские губ. ведомости. 1867. № 7-9, 11; Лукина Н.В. Альбом хантыйских орнаментов. Томск, 1979. 240 с.; Львова Э.Л. Предварительный отчёт об этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г. // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 150-161.

О.М. Рындина.

Традиционное мировоззрение. Мировоззрение – это суммарное представление о мироздании, оно не сводимо ни к одной из форм общественного сознания (религии, морали, науке, искусству); мировоззрение может включать в себя стадияльно различные напластования религиозных, моральных, правовых и др. представлений. В связи с этим мировоззрение, в отличие от какой-либо самостоятельной формы религии (фетишизма, анимизма, христианства), не обязательно представляет собой внутренне непротиворечивую и логически оправданную систему. Многие исследователи, начиная с Дж. Фрэзера, предлагают расчленить ист. развития мировоззрения на 3 стадии: магию, религию, науку. Однако и в этом случае ни у одного народа оно не выглядит лишённым противоречий.

Поскольку существенную часть мировоззрения составляют религиозные, а не только рациональные или науч. представления, мировоззрение обычно характеризуется как языческое, христианское, мусульманское, науч. и др.

Под традиционным принято понимать такое мировоззрение, которое предшествовало распространённому в данное время. В настоящее время под традиционным понимается весь донаучный комплекс представлений о Вселенной в целом, окружающем мире, природе, об-ве, человеке и его отношениях с внешним миром. Воспроизводство Т.м., в отличие от науч., всегда осуществлялось бесписьменно благодаря передаче знаний от старшего поколения к младшему (от лат. *traditio* – передача).

В Т.м. народов Томской обл.: *русских, хантов, селькупов, томских татар, чулымцев, эвенков* есть общее и особенное. Общими являются, например, представления о всемирном потопе, потусторонней жизни, божестве-небожителе, правилах охотничьей этики, обычай гостеприимства. Формы выражения и проявления всего этого часто имеют черты особенного. К их числу можно отнести, например, наличие представлений о равенстве человека с миром окружающих вещей и миром сверхъестественных существ в мировоззрении хантов и селькупов и отсутствие таких у тюркоязычных народов (томских татар и чулымцев), у ко-

торых господствующим в мировоззрении является принцип иерархии.

Древнейшим и очень длительным из поддающихся исследованию мировоззренческих пластов является тот, в котором человек уравнивается с окружающими вещами и явлениями природы и наоборот, всё это уравнивается с человеком. В культурах, контролируемых и регулируемыми подобным мировоззрением, отношение к человеку тождественно отношению к вещам: с вещами разговаривают, с их помощью определяют будущее, пришедшие в ветхое состояние вещи, как и человека, отправляют в потусторонний мир. Человеческие жертвоприношения связаны именно с такими представлениями, и их принцип предельно прост: раз вещи нужны человеку, значит, человек нужен вещам.

Остатками столь древних представлений являются всевозможные обереги-амулеты, находящиеся всегда при их обладателе. Впервые такое мировоззрение описал французский этнограф 17 в. Шарль де Бросс, который ввёл в науку понятие «фетиш», подчеркнув, что на фетишистской стадии не было представлений о бесплотных духах и душах.

У всех народов Сибири фетишистское мировоззрение уже с *неолита* деформируется под влиянием т.н. анимистического объяснения связей и отношений в мире. Термин «анимизм» (от лат. *anima* – душа) был введён в науку английским этнографом Э. Тайлором в сер. 19 в. Согласно анимистическому миропониманию, всё происходящее, в т.ч. и жизнь любого человека, определяется действием бестелесных вездесущих духов и душ. Человек сам или при помощи посредника-шамана устанавливает необходимые отношения с миром этих духов, чтобы получить содействие в тех или иных делах.

Анимистическое мировоззрение, в свою очередь, деформируется политеистическим, когда бытие человека и прочие отношения в мире определяются не духами, а богами. Боги, в отличие от духов, как правило, человекоподобны, к тому же отношения с ними строятся не на паритетных началах, а на принципах господства и подчинения. Особенно широкое распростра-

нение подобное мировоззрение получило у тюркоязычных народов.

Политеистический взгляд на мир сменяется монотеизмом, проявляющимся в распространении той или иной формы мировой религии: христианства, ислама, буддизма. У коренных народов Томской обл. буддизм и его разновидность ламаизм не получили распространения. У тюркоязычных народов представлен в основном ислам, а у финно-угорских и самодийских – христианство. Оно явилось результатом освоения Сибири русскими, следствием контактов коренного и пришлого населения.

В настоящее время у большинства народов земного шара формируется новое мировоззрение, состоящее из разной степени совмещения традиционного и материалистического (науч.) мировоззрения. Как правило, мировоззренческий комплекс очень сложно поддается членению и анализу, а потому любая из имеющихся теорий отражает действительность весьма приблизительно, упрощённо.

См. также: *Календарная обрядность. Шаманизм.*

Лит.: Бардина П.Е. Жили да были. Томск, 1996. 229 с.; Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.; Он же. Традиционные верования народов Сибири // Локальные и синкретические культуры. М., 1991. С. 98-119; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.; Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998. 115 с.; Львова Э.Л., Дрёмов В.А., Аксянова Г.А. и др. Тюрки таёжного Причудлымья. Томск, 1991. 246 с.; Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1991. 225 с.; Народы Сибири: история и культура. Новосибирск, 1997. 160 с.; Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. 168 с.; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Тучкова Н.А. О селькупах Парабельского района // Земля парабельская. Томск, 1996. С. 76-93; Фрззер Дж. Золотая ветвь. М., 1998. 784 с.; Черноволенко В.Ф. Мировоззрение и научное познание. Киев, 1970. 173 с.

В.М. Кулемзин.

Тух-Эмтор-4, поселение, энеолит, бронзы эпоха, раннего железа эпоха, средневековье. Памятник находится в черте пос. Озёрное Каргасокского р-на Томской обл., на берегу оз. Тухэмтор, которое через систему рек связано с бассейном р. Васюган. Т.-Э.-4,п. на протяжении нескольких лет исследовалось под руководством *Кирюшина Ю.Ф.* (ТГУ). К настоящему времени раско-

пано около 700 м² его территории, при этом общая площ. памятника оценивается в 4000 м². Культурный слой, мощ. которого достигала 1 м, содержит многочисленные свидетельства первобытных культур Васюганья: следы древних жилищ, хозяйственных построек, очагов; каменные и металлические орудия; обломки орнаментированной посуды из обожжённой глины; уникальные предметы изобразительного искусства, в которых нашло отражение мировоззрение их творцов.

Культура древнейших обитателей Т.-Э.-4,п. датируется втор. пол. 3 тыс. до н.э. Она оставлена охотниками и рыболовами, продолжавшими пользоваться совершенными орудиями из камня: топорами, тѣслами, ножами, скребками, наконечниками дротиков и стрел. Редчайшие изделия из меди, предположительно импортные, хотя и ознаменовали формальное нач. новой археологической эпохи, но не изменили традиционного образа жизни. Судя по форме и орнаменту, жители энеолитического поселка поддерживали культурные и торговые связи с населением Ср. Прииртышья.

В слое ранней бронзы (18 – 14 вв. до н.э.) резко сокращается количество каменных изделий и увеличивается число предметов, связанных с высокотехнологическим бронзолитейным производством: глиняных форм для отливки топоров-кельтов, копий; литейных шишек, тиглей. Бронзовые предметы немногочисленны, среди них выделяется кинжал с небольшим черешком и ромбическим в сечении лезвием. В слое поздней бронзы (12 – 10 вв.) обнаружены преимущественно обломки нарядной глиняной посуды, по форме и орнаменту сопоставимой с керамикой *еловской культуры*.

В верхних горизонтах культурного слоя отмечены находки керамики эпохи раннего железа. В эпоху средневековья на территории поселения было возведено городище, укрепленное рвом и валом, которое местные *ханты* связывают с «городом» своих предков.

Лит.: Кирюшин Ю.Ф. Поселение Тух-Эмтор IV – памятник Васюганского Приобья // ИИС. Томск, 1976. Вып. 19. С. 3-29; Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М. Бронзовый век Васюганья. Томск. 1979. 182 с.

Е.А. Васильев.

У

Ураев Рафаил Амирович (19 июня 1926, д. Ново-Иликово Покровского р-на Башкирской АССР – 7 марта 1986, г. Томск), из крестьянской семьи. Историк, археолог. Окончил ист.-фил. ф-т ТГУ (1952). В 1952 – 1962 – науч. сотр., зам. дир., дир. ТОКМ, в 1961 – 1962 обучался в аспирантуре на каф. археологии ист. ф-та МГУ, которую не закончил. Проводил полевые работы в Тегульдетском (1955), Парабельском (1956), Томском (1959) р-нах Томской обл., где исследовал курганные могильники Тигалдатский, Белоярский-2, Ирский (см. в ст. *Енисейских кыргызов культура*), Тимирязевский-2 (см. в ст. *Средневековье раннее*), Парабельское культовое место (см. в ст. *Кулайская культура*). В 1962 – 1966 У. – сотр. архива Дальнего Востока г. Томска, в 1964 – 1966 – ассистент каф. философии Томского ин-та радиоэлектроники и электронной техники. В 1967 – 1979 работал в Томском экскурсионном бюро, Томском отд-нии Об-ва охраны памятников, в 1979 – 1986 – в архиве «Томсклеспрома». Автор науч. работ по археологии, этнографии, лингвистике.

Соч.: Говор чулымских тюрков дер. Ежи // Учен. зап. ТГПИ. 1955. Т. 13. С. 345-367; Дополнение к «Археологическим памятникам Томской области» // Тр. ТОКМ. 1956. Т. 5. С. 317-328; Кривошсинский клад // Там же. С. 329-345; Об изучении археологических памятников Томского края областным краеведческим музеем летом 1954 г. // Там же. С. 353-354; Кулайская культура Среднего Приобья // Некоторые вопросы древней истории Западной Сибири. Томск, 1959. С. 22-24; Памятник карасукской эпохи // Тр. ТОКМ. 1963. Т. 6. С. 54-62 (в соавт.); Материалы к шаманизму тымских селькупов (по данным экспедиции 1956 года) // Тр. ТГОИАМ. 1996. Т. 9. С. 23-53.

Лит.: Беликова О.Б. Археологические работы Р.А. Ураева в Среднем Причудымье и их продолжение в 1980-е гг. // Тр. ТГОИАМ. 1996. Т. 9. С. 23-53; Она же. Р.А. Ураев и его раскопки средневековых могильников в Причудымье // Тр. ТОКМ. 2000. Т. 10. С. 153-185; Ким А.А. Рафаил Амирович Ураев – исследователь Томского севера // Тр. ТГОИАМ. 1994. Т. 7. С. 63-72.

Т.В. Галкина.

Усть-Киндинское захоронение (захоронения на Усть-Киндинском городище), перв. четв. 2 тыс. до н.э., *энеолит*. Расположено на территории Усть-Киндинского городища (васюганский этап *кулайской культуры*), на гриве у впадения р. Кинды в протоку р. Оби Симан, примерно в 15 км от д. Еловка Кожевни-

ковского р-на Томской обл. Открыто в 1988 разведкой С.А. Терёхина (ТГУ). В 1990 – 1991 при исследовании городища им были обнаружены 2 погребения и связанный с ними ритуальный комплекс, относящийся к игрековскому типу памятников (культуре) (см. в ст. *Энеолит*). Погребения совершены по обряду трупоположения, головой на С. или З. Отмечен богатый погребальный инвентарь, состоящий из более чем 20 наконечников стрел различной формы, каменных ножей, топоров, тёсел, скребков. В одной из могил обнаружен маленький керамический сосуд. С захоронениями связан ритуальный комплекс из 2 ям, в которых находились 3 сосуда явно культового назначения. Памятник маркирует юж. границу распространения памятников игрековского типа и фиксирует их распространение на левобережье Оби.

Лит.: Мец Ф.И., Терёхин С.А. Новые данные об игрековском погребальном обряде // Вторые исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 2. Омск, 1992. С. 3-5.

Ф.И. Мец.

Усть-Малокиргизский курганный могильник, *средневековье развитое*, 12 – 14 вв., Нижнее Притомье. Находится на мысу террасы р. Малая Киргизка, прав. притока р. Томи, в 800 м к С.-С.-В. от её устья, в парковой зоне г. Северска Томской обл. Памятник открыл в 1982 А.Д. Гаман, вместе с которым в 1983 его обследовали Г.И. Гребнева, *Плетнёва Л.М.*, *Чиндина Л.А.*, Я.А. Яковлев. В 1982 – 1988 Л.М. Плетнёва (ТГУ) при участии А.Д. Гамана исследовала 79 курганов и 2 погребения вне их.

На площ. около 6000 м² насчитывалось 103 земляных курганных насыпи округлой формы диам. 3 – 10 м, выс. 0,3 – 0,8 м. Для погребального обряда 66 погребений У.-М.к.м. характерно: захоронение умершего по способу трупоположения в материковых ямах глуб. от 5 см до 1,95 м; ориентация головой преимущественно на Ю.-В. и С.-З. Погребальные конструкции включали покрытия, подстилки из бересты, а также подпрямоугольные рамы из досок, скреплённые железными скобами. Единично зафиксированы трупосожжения на месте захоронения. В 12 погребениях найдены необожжённые черепа и конечности лошади (в т.ч. в ногах погребённого и слева от него), рядом с которыми – узда с удилами, остатки седла, стремяна. Кроме этого, найдены также

предметы быта (керамика, тѣсла, ножи), вооружения (детали луков, наконечники стрел, сабли, палаши), украшения из стекла и камня (бусы, подвески), миниатюрные модели ножей и тѣсел. Особый интерес представляют бронзовые зеркала, в т.ч. среднеазиатского, китайского происхождения или изготовленные по их образцу, аналоги которым датируются 8-9 – 13-14 вв. Редкая находка железного сошника говорит о занятии пашенным земледелием.

Основные комплексы У.-М.к.м. относятся к *басандайской культуре* 11 – 14 вв. Насыпь на самой оконечности мыса, включавшая шлаки, фрагменты 2 железоделательных печей и пр., расценивается как объект металлургического производства эпохи *средневековья*. Имеются также немногочисленные комплексы *бронзы эпохи* (керамика ирменского времени) и *раннего железа эпохи* (*Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс*).

Лит.: Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. по археологическим источникам. Томск, 1997. 351 с.

О.Б. Беликова.

Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс, 5 – 4 вв. до н.э., раннего железа эпоха. Расположен на высокой гриве коренной террасы Томи, недалеко от устья её прав. притока – р. Малая Киргизка (Томский р-н, Томская обл.). Обнаружен *Плетнёвой Л.М.* (ТГУ) при исследовании могильника 12 – 14 вв., в межкурганном пространстве. Реконструировано, что площадка разм. 1,3 x 1,8 м была обставлена шестью, в её сев.-вост. части в неглубокой яме был поставлен бронзовый скифский котёл на поддоне с носиком-сливом и 2 ручками. К Ю.-З. от него найден бронзовый миниатюрный сосуд на поддоне, к Ю. – бронзовое прорезное навершие с петелькой на конце. На разном расстоянии от котла лежали камни, в основном плоские гальки, по 1 и по 2 – 3. К С. от котла – 2 фрагмента керамики. Котёл и яма вокруг него засыпаны углистой землей, на дне котла были угли. На всей площадке встречались пережжённые косточки.

Кроме того, часть предметов найдена в насыпи 3 курганов: бронзовый кинжал с почковидным перекрестием, со слегка изогнутым лезвием; бронзовая бляшка с изображением 2 грифонов, расположенных «валетом», четырёхлепестковая бляшка и ещё

одно бронзовое полое навершие с повреждённой петелькой. Под краем насыпи одного из курганов найден разбитый керамический сосуд. Все предметы У.-М.р.к. несли конкретную знаковую нагрузку.

Ритуальные действия на Малой Киргизке связаны были, видимо, с идеей благополучия какого-то коллектива. Вертикально поставленные шесты олицетворяли связь с идеей Мирового Дерева, расположение комплекса на самом высоком месте окружающей территории – связь с идеей Мировой Горы. Котёл символизировал центр освоенного и защищённого пространства, благополучия. В нём варили жертвенного животного или делали напитки (как в котле с носиком из У.-М.р.к.) для богов. Все эти элементы ритуалов известны из индоиранской мифологии, характерной и для скифо-сибирского мира. Наличие кинжала и пережжённых костей, возможно, свидетельствует о жертвоприношении. По ветвям Мирового Дерева (шестам) с дымом огня просьбы участников ритуала «поднимались» в Верхний Мир, к богам.

Аналоги У.-М.р.к. прослеживаются в сакском мире (Ср. Азия) и в материалах меотских святилищ в Прикубанье. Ритуалы, известные у индо-иранского населения скифского времени, частично сохранились в традиционном мировоззрении тюрков Юж. Сибири. У.-М.р.к. входит в круг памятников *шеломокской культуры*.

Лит.: Плетнёва Л.М., Мец Ф.И. Ритуальный комплекс эпохи раннего железа в Томском Приобье // Приобье глазами археологов и этнографов. Томск, 1999. С. 5-25; Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. 225 с.

Л.М. Плетнёва.

Х

Ханты (самоназвание хантэ, хантах – человек), народ, проживающий по рр. Оби и Иртышу и их притокам, по переписи 1989 насчитывал 22 тыс. чел. На территории Томской обл. расселены в Александровском и Каргасокском р-нах (804 чел.). Язык Х. относится к угорской подгруппе финно-угорской группы уральской языковой семьи. На основе особенностей в обл. языка

и культуры выделяют 3 этнографические группы Х.: юж., вост., куда входят и проживающие на территории Томской обл., и сев. Существует и более дробное деление, учитывающее специфику на уровне диалектов и говоров: например, вах-васюганское наречие с ваховским, александровским и васюганским говорами.

Первичная социальная ячейка традиционного об-ва Х. – семья. Преобладала большая нерасчленённая трёхпоколенная, насчитывавшая до 16 чел., но существовала и малая. Внутрисемейные обязанности строго регламентировались: на долю мужчин приходились промысловые занятия, женщины вели домашнее хозяйство. Семья осуществляла производственную деятельность и реализовывала многочисленные права собственности, однако входила составной частью и в территориально-соседскую общину (юрт), владевшую важнейшими промысловыми угодьями и регулировавшую их коллективное использование. Проблема наличия рода у Х. дискуссионна. У васюганско-ваховских и александровских Х. существовало деление на группы (ях), обнаруживающие признаки рода: общность, основанную на кровных связях, и запрещение браков внутри неё. Род выступал в роли регулятора брачных отношений и религиозно-обрядового центра.

Основу традиционного хозяйства составляли охота и рыболовство, дополненные собирательством. Сочетание этих занятий, связанных с различными природно-хозяйственными угодьями, предопределило полукочевой образ жизни. Годовой цикл включал 4 перекочёвки на сезонные поселения: зимние, приуроченные к пушному охотничьему сезону; летние, обусловленные рыболовством на крупных реках; весенне-осенние, определяемые соответственно охотой на перелётную водоплавающую дичь и охотой на лося и оленя в сочетании с рыболовством на заливных местах и небольших речках.

Практиковались различные способы рыболовства в зависимости от природной и сезонной специфики и породы рыбы. Широко использовались сети и неводы. На р. Васюгане больше распространён был запорный способ ловли с помощью вбитых в дно реки кольев, между которыми оставляется проход, где устанавливается сплетённая из ивовых прутьев морда – рыболовный снаряд

корзиночного типа. Крупную рыбу добывали посредством остроги, применяя ночной лов с факелами, иногда – используя лук и стрелы. Улов александровских Х. составляла рыба ценных пород: осётр, нельма, муксун, а васюганских – преимущественно щука, плотва, карась, ёрш.

Разнообразными были и способы охоты. На лося охотились с помощью настороженного лука-самострела, петель, а весной – гоньбой по насту. Зимой практиковалась коллективная охота на залёгшего в берлоге медведя, которого убивали пальмой. На мелкого пушного зверя (горностаю, колонку) устанавливали черканы, на более крупного (выдру, росомуху, лисицу) настораживали луки. На белку, служившую главным объектом пушной охоты, и соболя охотились индивидуально, выслеживая с помощью собаки – равноправного партнёра охотника; оружием служили лук и стрелы с различными наконечниками. На промысловую дичь (глухарей, рябчиков, куропаток) ставили петли из конского волоса, а в период линьки просто гнали на собак и добывали палками. Стаи перелётных водоплавающих птиц заманивали специальными стрелами и убивали с помощью лука и стрел.

Домашнее производство удовлетворяло весь неширокий спектр потребностей традиционного быта. Практиковалась обработка кости и рога: лосиных, оленьих, но особенно ценились находимые в земле мамонтовые. Широко распространена была заготовка древесной коры (тальника, черёмухи, лиственницы), особенно бересты, из которой изготавливали всевозможную утварь и покрышки для жилищ. В посл. случае бересту специально вываривали, придавая материалу мягкость и эластичность. С целью получения нитей для плетения рыболовных сетей обработке подвергалась крапива; в прошлом был известен и ткацкий станок для выработки крапивного полотна. Обязательным элементом домашнего производства являлась выделка шкур, которые размягчали с помощью рыбьих внутренностей; из оленьей шкуры изготавливали замшу (ровдугу).

Проводя значительную часть своей жизни на реке, Х. не умели плавать. Противоречивость ситуации снималась разработанностью индивидуальных и коллективных средств передвиже-

ния по воде. Юркая лодка-долблёнка из цельного ствола осины или тополя, послушная каждому движению гребца, сливалась с ним воедино, и продолжением силы руки становилось весло. В прошлом были известны и лодки из бересты. Во время коллективных переездов пользовались большими дощатыми лодками. Зимой непременным условием передвижения являлись лыжи: охотничьи, сделанные из ели, подклеенные шкурами с ног лося и снабжённые мешочком из ткани, защищающим от снега, и голицы из сосны для ходьбы по насту. Для транспортировки груза служила ручная нарта с кузовком из тонких прутьев или дранок; иногда в неё «ёлочкой» впрягали собак.

Поселения X., территориально разряжённые и малочисленные, состояли из 2 – 3 семей. Река сообщала селениям линейность расположения, в иной местности планировка отсутствовала. Прежде жилища в целях безопасности делали подземными с входом по воде. В качестве зимних жилищ служили и полужемлянки с каркасом из жердей, покрытым прутьями, дранкой, соломой и землёй. Широко распространены срубные жилища, углублённые в землю и наземные. Они эксплуатируются зимой и летом, в посл. случае в стенах отсутствует прокладка из мха, а глинобитная печь (чувал) выносится на улицу. В традиционный жилищный комплекс входят срубные амбары, предназначенные для хранения одежды и съестных припасов. Они сооружаются на столбах-стойках, выстругиваемых определённым образом для защиты от грызунов. Для просушки сетей, обработки рыбы, мяса, ягод, кедрового ореха устраиваются различные навесы. Разнообразны промысловые постройки X., создаваемые вдали от основного жилья: одно- и двухскатные навесы из жердей, прикрытые древесной корой, берестой; снежное жилище зимой.

Основу пищевого рациона X. составляет рыба. Способы её приготовления и заготовки впрок многообразны: варка, вяление, копчение, включая и истолчение в виде муки (порс). Характерной чертой рыбных блюд являются приправы из ягод, применяемые в процессе употребления пищи, но не её приготовления. Специфика традиционной кухни определена значительной ролью в ней

сырого мяса и рыбы. Из дикоросов в пищевом рационе особое место занимает черёмуха. Известны блюда из молодого ячменя.

Материалом для изготовления верхней одежды служили шкурки зайца, лисицы, белки; для нательной – ровдуга и рыба́я кожа, заменённые крапивным полотном и покупной тканью. Виды мужской и женской одежды во многом совпадали. В качестве нательной служили рубахи у мужчин и рубахи-платья у женщин (прямые, присобранные у ворота, а позднее – с двойной кокеткой) и штаны с широким шагом у мужчин и натазники у женщин. Поверх мужчины носили шабуры из грубошёрстной ткани, а женщины – кафтаны из сукна или плюша. Для зимы предназначались шубы, сшитые из целых шкурок или из сборного меха, на изготовление которого шли части шкурки с ушек, лапок пушных зверьков. Шубы покрывались тканью, снабжались подкладом из лебяжьих шкурок и роскошным воротником из шкурок гагары, утиных головок. В большие морозы надевали шубы из оленьих шкур мехом наружу. Промысловой одеждой служили короткие шубы из сборного меха. Распашную одежду подпоясывали ткаными поясами-опоясками или кожаными поясами.

Обувь имела высокое голенище и для лета изготавливалась из кожи, часто комбинированной с сукном, брезентом, а для зимы – из шкуры с ног (камуса) лося, особенно ценимой за прочность, а также коровы или лошади. Зимнюю обувь носили с чулками из шкуры оленя, собаки или связанными из овечьей шерсти на одной игле. Рукавицы имели подклад из шкур пушных зверей, овчины и верхнюю часть – комбинированную из кожи и ткани; пользовались и рукавицами, сшитыми мехом наружу, а внутрь надевали вязаные. Универсальным головным убором служил платок, лишь на промысле мужчины носили круглую шапку из домотканого холста. Причёски не отличались разнообразием: мужчины стригли волосы в кружок, а девушки и женщины носили 2 косы.

Для *традиционного мировоззрения* X. характерны представления, связанные с различными этапами эволюции общей картины мира. Согласно мифической версии сотворение мира есть акт добывания земли гагарой (куликом) со дна мирового

океана, а человек ведёт своё происхождение от рыбы, берёзовых веток; создание земли и её обитателей приписывается и верховному божеству Торуму. Человек мыслится во взаимодействии 2 духовных субстанций: души лил, определяющей индивидуальность конкретного человека, и души илэс, воплощающей тело, его части, а также их отражение.

Весь окружающий человека мир представляется заселённым разнообразными существами – духами. В зависимости от степени влияния и функций среди них выделяются семейные, местные и всеобщие. Семейные духи определяют общее благополучие конкретной семьи; имеют вид антропоморфных фигурок из дерева, иногда камня, по форме напоминающих человека; хранятся внутри жилища в берестяных сосудах или деревянных сундучках. От местных духов зависит удача в охоте и рыбной ловле; их деревянные изображения в виде человека или животного хранятся приставленными к дереву на подвластной им территории. Среди всеобщих духов центральное место занимает Торум в образе убелённого сединами старика. Первоначально он являлся существом верхнего мира, определяющим состояние погоды, а позднее стал мыслиться как верховное божество, первотворец и антипод главному злему духу кын'-лунгу, обитающему в нижнем мире и насылающему болезни и смерть в средний мир – мир людей. Значительную роль в пантеоне всеобщих духов играет существо женского рода Анки-Пууос – подательница жизни, покровительница детей и мать огня. Общение человека с духами происходит во время жертвоприношений, наиболее тесная связь с ними осуществляется с помощью шаманов, однако у Х. их деятельность не приобрела профессионального статуса.

К объектам особого почитания относятся важнейшие промысловые животные – лось и медведь. В честь их добычи устраивались праздники, вобравшие в себя различные виды народного искусства: драматическое, песенное, танцевальное, фольклорное. Из изобразительных видов творчества наиболее развиты орнамент, особенно на изделиях из бересты, и деревянная скульптура религиозного содержания.

В настоящее время часть X. являются сторонниками традиционного образа жизни, а часть – дальнейшего промышленно-индустриального освоения исконно хантыйской территории. В Ханты-Мансийском автономном округе в 1989 оформилось общественное движение в защиту национальной культуры «Спасение Югры»; в Томской обл. в это же время сложилась ассоциация «Колта-Куп» («Обской человек»), объединяющая X. и *селькупов*. Оба движения выдвигают требования экологического порядка, предусматривают возрождение культурных традиций.

См. также: *Этническая история*.

Лит.: Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. 226 с.; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.; Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов. Томск, 1985. 365 с.; Молодин В.И., Лукина Н.В., Кулемзин В.М. и др. История и культура хантов. Томск, 1995. 164 с.

В.М. Кулемзин.

Ч

Чекист, поселение, бронзы эпоха. Находится в Томском р-не, в административных пределах г. Северска, расположен на прав. берегу р. Большая Киргизка в 2 км от её впадения в р. Томь. Известен специалистам и краеведам по многочисленным любительским сборам. Стационарные археологические раскопки со вскрытием значительных площ. были предприняты в 1993, 1994, 1998 Е.А. Васильевым (Музей г. Северска). Культурный слой, мощ. которого достигала 2 м, включал поселенческие напластования, курганную насыпь могильника периода поздней бронзы и остатки погребений *средневековья развитого*.

Артефакты из поселенческого слоя могут быть отнесены к 3 культурно-хронологическим комплексам. Материалы третьей четв. 2 тыс. до н.э., относимые к *гребенчато-ямочной керамики культурано-исторической общности*, и предметы, типичные для *молчановской культуры* перв. трети 1 тыс. до н.э., немногочисленны. Абсолютное большинство находок относится к *ирменской культуре* и датируется перв. веками 1 тыс. до н.э. Их богатство и разнообразие делают поселение ключевым памятником этой

культуры в Нижнем Притомье. Одна лишь коллекция керамики насчитывает тысячи фрагментов и более сотни восстановленных горшков, замечательных разнообразием размеров, форм, пропорций и декора. Великолепно сохранились изделия из кости и рога: ручки для инструментов, проколки, кочедыки, пряслица. Особой тщательностью отделки отличаются элементы костюма (застёжки, пряжки), наконечники стрел и панцирные пластины. О развитой местной металлообработке свидетельствуют ошлакованные фрагменты тиглей, обломки литейных форм и (большая редкость) сер. бронзовых инструментов, включая пластинчатые ножи и топор-кельт. Обычны для поселения и каменные орудия, среди которых преобладают грузила для сетей. Собранная на памятнике обширная коллекция костей диких и домашних животных, а также рыб позволяет реконструировать особенности хозяйственного уклада древних обитателей поселка.

На краю поселения вскрыт курган с характерными чертами ирменской погребальной обрядности: кремацией покойников с последующей обкладкой могил дёрном. В полах курганной насыпи обнаружены 2 средневековые могилы 11 – 13 вв., в инвентаре которых выделяются серебряные с позолотой подвески и бронзовая бляха с изображением мифического крылатого зверя-сенмурва.

Известный интерес представляют находки в верхних горизонтах культурного слоя «кладов» воспитанников трудовой колонии «Чекист» (1930-е) – стреляных гильз и обрезков колющей проволоки периода первостроителей, которые превращают археологический памятник в уникальный историко-культурный объект, где ист. Северска причудливо переплетается с его доисторией.

Лит.: Васильев Е.А. Древнейшее поселение в устье Большой Киргизки // Северск: История и современность. Томск, 1984. С. 12-21.

Е.А. Васильев.

Чиндина Людмила Александровна (р. 12 авг. 1937, д. Кудрино Томского р-на Томской обл.), из семьи сельских учителей. Археолог, д-р ист. наук, проф. (1989), зам. председателя науч.-координационного совета по археологии и этнографии Зап. Сибири, специалист по древней и средневековой ист. Зап. Сиби-

ри. После окончания ист.-фил. ф-та ТГУ (1959) работала учителем школы рабочей молодёжи № 6 Томска (1959 – 1962). Затем (1962 – 1966) – лаборантом Музея ист. материальной культуры (с 1968 – Музей археологии и этнографии Сибири) ТГУ. В 1966 – 1969 обучалась в аспирантуре ТГУ. Защитила канд. дис. «Нарымско-Томское Приобье в сер. 2 тыс. н.э.» (1971). После окончания аспирантуры работала в ПНИЛИАЭС ТГУ: мл. науч. сотр. (1969 – 1970), ст. науч. сотр. (1970 – 1976), а также зав. сектором археологии (1975 – 1980). Осуществляла руководство науч. исследованиями, проводимыми в секторе археологии (1981 – 1995). С 1976 Ч. работает на ист.-фил. ф-те ТГУ: доцентом (1976 – 1980, 1982 – 1987), ст. науч. сотр. (1980 – 1982) и проф. (1987 – 1991) каф. ист. СССР досоветского периода. С 1991 и по настоящее время – проф. каф. археологии и ист. краеведения ист.-фил. ф-та ТГУ. Ч. провела разведочные и стационарные экспедиции на более чем 50 памятниках (селищах, поселениях, городищах, могильниках) Томской обл. Защитила докт. дис. «История Среднего Приобья в 5 в. до н.э. – 9 в. н.э.» (1986), в которой разработана концепция историко-культурных процессов эпохи железа этого региона.

Ч. внесла существенный вклад в изучение кулайской (см. в ст. *Кулайская культура*) общности, которую рассматривает в качестве позднесамодийской, распавшейся в результате миграций в кон. 1 тыс. до н. э. на 3 группы (праэтноса): среднеобскую (автохтонную), верхнеобскую (южную), нижнеобскую (северную). На их основе в 1 тыс. н.э. внутри групп произошло складывание самодийских этносов и, в частности, древнеселькупской (в Среднеобье). Ч. открыта *рёлкинская культура*, предложена реконструкция ист. развития зап.-сиб. обществ 6 – 9 вв. н.э. Ч. награждена медалями «Ветеран труда» (1988), «За заслуги перед Томским гос. ун-том» (1998), знаком «Заслуженный работник высшей школы» (1998).

Соч.: Археологическая карта Томской области. Томск, 1990. Т. 1. 340 с. (в соавт.); История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (рёлкинская культура). Томск, 1991. 181 с.; Могильник Рёлка на Средней Оби. Томск, 1977. 192 с.; Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск, 1984. 256 с.

А.И. Боброва.

Чулымцы (чулымские тюрки, чулымские хакасы) компактно расселены в Тегульдетском р-не Томской обл. По данным сплошной переписи населения, проведённой в 1996, их насчитывается 74 чел. Небольшая группа Ч. (около 120 чел.) проживает в Тюхтетском и Бирилюсском р-нах Красноярского кр. В дореволюционной лит. Ч. именовались тутальскими и мелесскими (мелетскими) татарами. Этническое самоназвание «пестын кижилер» – «наши люди».

Бесписьменный чулымско-тюркский язык принадлежит к уйгуро-огузской группе вост.-хуннской ветви тюркских языков алтайской языковой семьи. В нём 2 диалекта – ниже- и среднечулымский, подразделяющихся на отдельные говоры. Наибольшую степень близости чулымско-тюркский язык обнаруживает к кызыльскому диалекту хакасского языка.

Традиционное хозяйство основывалось на рыболовстве, охоте, собирательстве, занятиях скотоводством, ручным земледелием и разнообразными промыслами. Система жизнеобеспечения Ч. была комплексной, хорошо сбалансированной, гибко приспособленной к особенностям климата и ландшафта Причулымья, входящего в подзону юж. тайги.

Главным занятием было рыболовство; р. Чулым и его притоки отличались замечательным изобилием рыбы ценных пород. В Чулыме водились форель, стерлядь, осётр, сибирский лосось. До сих пор значительны запасы белой рыбы, а также окуня, подъязка, карася в речных и озёрных водоёмах. В рыболовстве преобладали пассивные способы добычи.

Чаще всего применяли ловушки открытого типа (тюнек, толут), сделанные из сосновой или еловой дранки, переплетённые сверху, внизу и посередине прутьями тальника или саргой. Нижние заострённые концы рыболовного снаряда втыкали в дно реки у берега, располагая его в виде незамкнутой сердцевидной фигуры, либо перегораживали толудом реку. Скопившуюся рыбу вычерпывали сачком. Широко распространены были и закрытые плетёные ловушки (сюган) типа корчажек или морд. Их устанав-

ливали входным отверстием против течения и, в зависимости от величины, применяли для добычи мелкой или крупной рыбы. Встречались и запорные ловушки: поперёк реки располагали мережу с отверстием, перед которой помещалась ловушка-мешок (кабых), сделанная из сети. Практиковался ночной лов рыбы. Для привлечения рыбы на корме разводили огонь и рыбачили с помощью четырёх- или семизубцовой остроги (чачку). Крючковыми снастями пользовались мало, главным образом при устройстве самоловов.

Следующей по значению отраслью хозяйства Ч. была охота, преимущественно пушная. Будучи первоначально источником уплаты ясачных податей, к кон. 19 – нач. 20 в. охота стала товарной. В древности существовала коллективная загонная охота с чётким разграничением обязанностей между её участниками. Охотились раньше с помощью простого и сложного лука (чачах, салы-чачах) с разнообразным набором стрел с разными типами наконечников: вильчатых, ромбовидных, листовидных, обратно-треугольных и др., предназначавшихся для разных видов животных и птиц. При охоте на медведей и лосей нередко применяли поставной (ножной) лук. На медведя охотились с копьями, длинными и короткими (тугдэ, пугдэ). Массовым орудием пушного промысла служили ловушки ущемляющего и задавливающего типов (паспак). Их ставили на белку, слопцы и кулемки применяли при охоте на зайца, колонка. Широко использовались волосяные петли (тузак) для охоты на боровую дичь, иногда на лисицу и бурундука. При добыче соболя употребляли обметную сеть с колокольчиками. Наряду с традиционными орудиями охоты в ходу были пистонные и кремнёвые ружья.

Существенное значение в традиционном укладе имело и собирательство, позволявшее делать пищевые запасы и обеспечивать хозяйство сырьём для домашнего производства. Летом или ранней осенью добывали и заготавливали колбу, кандык, борщовник, болотное растение сусак, из которого делали муку, не уступающую по ценности зерновой. Запасали кедровый орех, который шёл и на личные нужды, и на продажу. В большом количестве заготавливали таловое лыко (хастек) для витя верёвок,

черёмуховую саргу, бересту (тос) для изготовления посуды, коробов, др. домашней утвари, крапиву (шалгой) и коноплю (кендырь) для домашнего прядения и ткачества.

Ч. содержали немалое количество домашнего скота, коров и овец, издавна разводили лошадей особой породы – мохнатых и низкорослых, приспособленных к тебенёвке во время морозной и снежной зимы. Летом лошади обычно находились на вольном выпасе, зимой – на стойловом содержании, что требовало больших запасов сена. Ухаживали за лошадьми, как правило, женщины, и они нередко лучше мужчин владели навыками верховой езды. Со временем коневодство стало упряжным и приобрело товарные черты.

По археологическим и этнографическим данным, ещё до прихода *русских* Ч. были знакомы с мотыжным земледелием, основной земледельческой культурой был ячмень. Огородничество возникло довольно поздно и было заимствовано у русских.

Средства передвижения обеспечивали, прежде всего, возможность зимней охоты. В тайге пользовались камусными лыжами (шана, сана, мэгнуэ). На основу лыж шла древесина хвойных пород, ступательная площадка делалась из берестяных пластин, иногда с матерчатым мешком для защиты от снега. Крепления лыж делали из сыромятной кожи одно- или двухпетельные. Камус (шкура с ног лося или лошади) крепился к основе с помощью клея, сваренного из рыбьих внутренностей, чешуи или лосиных сухожилий. Лыжами-голицами (кана, каначак, тыгаргэ) пользовались для ходьбы по насту, вблизи дома или на зимней рыбалке. Для перевозки припасов и добычи на охоте пользовались ручной нартой (шанак, чанак, татар-шор). Прямокопильную нарту, дно и борта которой были сделаны из черёмуховых жердей и прутьев, переплетённых черёмуховой саргой, охотник тянул за собой, набросив прикреплённую к передней дуге нарты петлю на плечо. Если груз был тяжелым, в нарту подпрягали собак. При необходимости Ч. могли изготовить простейшую нарту-волокушу прямо в тайге. Летом наиболее употребительным средством передвижения служили лодки-долблёнки (каюк, кэмэ), сделанные из целого ствола осины, белого тополя или ветлы. По рассказам, в старину

лодки делали из бересты. Реже пользовались дощатыми лодками, бытовали и лодки-завозни.

Поселения-юрты Ч. располагались обычно возле водоёмов, чаще всего вдоль коренного берега Чулыма. В старину жилищем служила полуземлянка (кыштаг). Помещение отапливалось по-чёрному и представляло собой однокамерную постройку. Позже появились срубные избы. Характерными чертами отделки были промазывание наружных пазов глиной, смешанной с соломой, и небрежная заделка углов помещения, так что брёвна выступали наружу неодинаково. Вблизи жилища располагался скотный двор (оран, ташкор, цэден), обнесённый высокой изгородью и состоявший из нескольких отделений: крытого двора с навесом, на котором хранили сено, с отделениями для крупного и мелкого рогатого скота, двора без крыши для содержания лошадей, особого помещения (клемек) для молодняка, которое сооружали из нетолстых брёвен и жердей с плоской крышей. Усадебный комплекс включал и двухэтажные амбары-клетки. На охотничьих «путиках» строили особые балаганы и амбарчики для хранения охотничьих припасов, добычи и кедрового ореха. Скотоводству сопутствовали промыслы, связанные с обработкой шерсти и кожи. Кожа соскабливалась ножом, иногда её предварительно вымачивали в хлебном квасе. Для дубления применялась ивовая или ольховая кора, затем обработанную кожу разминали на особом станке (таллок, талгу) в виде полубревна с вырезанными зубцами или с помощью деревянного крюка (укрюк).

Для традиционной одежды Ч. наиболее характерен халатообразный покрой (тар, шобур) с запахом на лев. сторону, шили её из грубошёрстной домотканой материи, окрашенной в тёмно-коричневый цвет. Отделкой служила аппликация зелёного и красного цвета по воротнику и отворотам. Шобур подпоясывался ремнём или матерчатым поясом. На охоте зимой предпочитали обходиться без меховой одежды, надевая несколько шобуров один на др. В морозную погоду носили овчинные полушубки мехом внутрь и шубы (тон), крытые сверху тканью. На изготовление одежды шло домотканое полотно из конопли и крапивы. Промысловый костюм прежде делался из лосиной кожи. Обувались в кожаные бродни, чирки, а

также лёгкую обувь типа тапочек, плетённую из тальниковых прутьев.

Основу пищевого рациона составляла рыба (порс), которую сушили на воздухе, толкли в деревянных ступах и ели как хлеб. Употребляли и сырую рыбу, но чаще готовили её вместе с кореньями. Для заготовки рыбы впрок её обжаривали на палочках-вертелах, наклонно поставленных у костра, а затем досушивали в печи или в специальной яме, которую закрывали крышкой. Зимой в больших количествах рыбу замораживали для продажи. Запасали и молоко, изготавливая из него масло и кисломолочные продукты, сухой творог, который хранили в мешках, а при употреблении в пищу размачивали в молоке или чае. Разнообразили традиционное меню орехи и ягоды: чёрная и красная смородина, черёмуха, которую сушили, толкли в ступах и использовали как начинку при выпечке пирогов.

Ч. были христианизированы в 1720-х знаменитым сиб. миссионером митрополитом Филофеем Лещинским. Оставаясь официально православными, они надолго сохранили многие языческие верования и шаманскую практику. Шаман (кам) у Ч. был знахарем и провидцем, посредником во взаимоотношениях людей с верхним и нижним мирами. Главная его функция заключалась в лечении больных, и поскольку болезнь мыслилась как похищение души злыми духами, войти в сношение с ними и вернуть душу больного в борьбе или принеся умиловительную жертву мог только шаман. Он не имел особого костюма, за исключением головного белого платка, повязывавшегося узлом на лбу так, чтобы свешивающиеся концы закрывали глаза. Костюмировка шамана дополнялась кольцом (альбек) и ожерельем из белых бусин, число которых соответствовало числу небесных и подземных сфер, которые мог посещать шаман в поисках души больного. Эта способность шамана зависела от его «силы». Главным атрибутом шамана были погремушка (тэм) с кольцами, число которых также соответствовало числу небесных и подземных сфер, посещаемых шаманом, гадательная ложка (каллак), служившая ещё и ударным инструментом, символизирующим бич,

которым шаман подгонял воображаемого коня во время своего мистического путешествия.

Традиционное мировоззрение Ч. основывалось на глубоком и благоговейном почитании сил природы, в особенности заповеданной «священной земли» (изык чер), особого места в тайге, где возле священного кедра дважды в год собиралось всё взрослое мужское население, принадлежащее к одной территориальной или семейной группе. Собравшиеся с помощью шамана приносили жертву и вешали на ветки кедра шкурки пушных зверей и «приклад» – разноцветные куски материи. Мир, окружающий Ч., был населён духами – хозяевами земли, тайги, воды (чер-йезы, тайга-йезы, су-йезы). Хозяева тайги, например, представлялись в образе супружеской пары – мужчины огромного роста (тайга улузу) и его жены (тайга апчи). Таёжные хозяева приносили удачу или неудачу охотникам, хозяева воды – рыбакам. За пользование определённой территорией в тайге духам – хозяевам местности полагался выкуп медными монетами.

Распространённым у Ч. было и почитание пенатов – домашних духов-покровителей. Обычно их хранили в амбарах в виде вывернутых наружу чулком шкурок горноста, белки, ласки, колонка. При выходе замуж девушкам специально изготавливали изображение птицы (куш), которая считалась покровительницей женщин. Ист. традицией было почитание коня и его ритуальное жертвоприношение. Особо почитались «посвящённые» домашние животные (изык) – крупный рогатый скот и лошади, которых нельзя было убивать, употреблять в пищу или использовать для верховой езды и в упряжи.

В народных знаниях Ч. отражена традиционная пространственно-временная ориентация, основанная на фенологических и метеорологических наблюдениях. Тринадцатимесячный календарь Ч. построен по принципу циклического отсчёта – одной из самых архаичных форм восприятия времени. Нач. года считался месяц кукушки (когай), совпадающий с нач. роста травы и распусканием почек на деревьях, либо месяц перв. снегопада, начинающего охотничий сезон. Представления о цикличности в жизни природы – животных, растений, погодной сфере воплощено в

названиях месяцев – месяц красных листьев, месяц бури, орешный месяц, месяц лисицы и вороны и пр. Пространственные ориентиры заданы координатами главной водной артерии – р. Чулыма: понятиям З. и В. соответствуют термины, обозначающие движение по течению и против течения реки. Подробнейшее представление об обжитой территории отражала система «путиков» (йол, чол) – маршрутов по охотничьей территории, на которых устанавливались ловушки и временные охотничьи жилища-балаганы (отаг).

Традиционное искусство Ч. сохранилось слабо и в немногих фольклорных жанрах. Распространены былички, встречаются импровизации в виде коротеньких четверостиший, типа частушек, сохранились в отрывках предания о местных богатырях (Тутал адэзи, Пергай адэзи и др.), с именами которых связано происхождение многих совр. чулымско-тюркских фамилий.

См. также: *Современные этнические процессы. Этническая история.*

Лит.: Костров Н.А. Чулымские инородцы // Томские губ. ведомости. 1867. № 7-9; Львова Э.Л. Предварительный отчёт об этнографической экспедиции на р. Чулым летом 1969 г. // ИИС. Томск, 1969. Вып. 2. С. 150-161; Она же. Материалы к изучению шаманизма у коренного населения Среднего Чулыма // Некоторые вопросы истории Сибири. Томск, 1972. С. 160-171; Она же. К этнической истории чулымцев // Проблемы археологии и этнографии. Л., 1977. Вып. 1. С. 111-122; Она же. Чулымские тюрки: (Историко-этнографические очерки): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1978. 18 с.; Новокшенов В. Чулымцы – аборигены района. Тегульдэт, 1995. 167 с.; Тюрки таёжного Причулымья. Томск, 1991. 244 с.

Э.Л. Львова.

Ш

Шаманизм. Феномен Ш. вообще и в особенности сиб. народов является одним из спорных в религиоведении, хотя и достаточно изученным. Согласно наиболее распространённой точке зрения, Ш. есть особая форма религии, состоящая в выделении в об-ве особых лиц – шаманов, выступающих в роли посредников между людьми и сверхъестественными существами. Принято считать, что Ш. возникает в период формирования раннеклассового об-ва, т.е. в период разложения родового строя. Это обстоя-

тельство объясняет иерархичность, присущую мировоззренческой концепции шамана, а также профессиональный характер деятельности шаманов. Согласно др. точке зрения, генезис Ш. уводит в *палеолит*: уже тогда были представления о бесплотных духах и душах, манипуляции с которыми являлись прерогативой особых лиц – шаманов. Нет единства мнений и относительно места формирования Ш.

Ш. народов, проживающих на томской земле: *хантов*, юж. *селькупов*, *чулымцев* – обладал целым рядом специфических черт. К ним следует отнести разнообразие функций шаманов (гадание, предсказывание, лечение, отправление религиозных культов, отыскивание потерянных вещей, проделывание фокусов и т.д.); отсутствие особого ритуального костюма как полного комплекта; асемантичность бубна и его частей (у чулымцев бубна вообще не было, его заменяла своеобразная дощечка с кольцами); наличие большого количества лиц особых категорий со специфическими функциями, называемых на русском языке шаманами. В ряде случаев эти специфические функции были сосредоточены в одном лице (отсюда многообразие функций шамана), а иногда, как это имело место у хантов и селькупов, каждая категория шаманов имела свои строго определённые функции и связанные с ними атрибуты. Так объясняется наличие особой категории сказочников, гадателей снов, фокусников, ворожеев и т.д. Все эти и др. особенности Ш., в т.ч. и его непрофессиональный характер, у коренных народов Томской обл. (*эвенки* представляют типичный развитый Ш. Сибири) дали основание развитию 2 полярных точек зрения на Ш. у указанных народов: незавершённость формирования, с одной стороны, деградация Ш. – с др. Большинство исследователей в настоящее время склоняются к признанию перв. точки зрения, отстаивающей незавершённость формирования Ш. как особой религиозной концепции.

Всё это даёт основание полагать, что Ш. не является местным сиб. явлением; он распространился из юж. р-нов тюркомонгольского и индо-иранского круга культур. Т.о., и саму анимистичность мировоззрения (т.е. веру в бесплотных духов и души), на которой базируется Ш., также нельзя назвать автономно

сибирской. У предков коренных народов Томской обл., следовательно, было иное, не шаманское мировоззрение. Скорее всего, оно было фетишистским. В таком мировоззрении вещи сами по себе обладают сверхъестественными свойствами и оказывают влияние на жизнь и судьбу человека отнюдь не благодаря находящемуся внутри вещи духу. Целостность тела, согласно такому мировоззрению, есть причина жизни, а расчленение или сожжение тела – смерть, т.е. небытие. Именно такое древнее мировоззрение было деформировано Ш., как и позднее Ш. был деформирован христианством.

В отличие от рассмотренного, Ш. эвенков является более развитым, что проявлялось в разветвлении его мировоззренческой картины и в обильной и канонизированной атрибутике.

Вариант Ш., присущий зап. эвенкам, в т.ч. и населяющим Томскую обл., породил сосуществование 2 систем знания: доступной любому члену коллектива и фиксируемой в сказках, приметах, быличках и др. видах устного народного творчества, и шаманской, творимой в значительной степени индивидуально. Граница между обычным и шаманским мирами проходила не по признаку материального – нематериального, а по линии доступного всем – доступного лишь избранным. Сверхъестественное эвенки понимали со своих позиций: видеть духов леса или вступить с ними в контакт мог любой, и это было естественно, однако видеть шаманских духов или тем более повелевать ими могли лишь некоторые.

Шаман, начиная свое действие, либо вызывал духов-помощников в мир людей, либо сам отправлялся в их мир, где имели особое значение 2 направления: тыманитки – «в страну дня» и лунгуритки – «в страну ночи». Точкой соприкосновения 2 измерений, шаманского и обыденного, чаще всего выступал шаманский чум, построенный для проведения ежегодного весеннего праздника – иконипко. Только войдя в него, рядовые члены об-ва могли принимать участие в «путешествиях» по шаманскому миру.

Координаты этого мира были заданы в нескольких измерениях.

На В., в горах, за восемью хребтами, разделёнными водоёмами, располагался тыманитки – аналог верхнего мира в горизонтальной проекции. Это – символ продолжения жизни и в то же время – олицетворение легендарного прошлого: здесь видны следы предков, слышна старинная речь, встречаются забытые духи; но путь в тыманитки – это и дорога в будущее: чтобы культура могла существовать, она должна помнить о своем прошлом. Здесь же обитали духи – хозяева шамана: Шируни, Нюнгни и Илдыди.

На З. располагалась страна лунгуритки, где брала свои истоки индивидуальная шаманская река, впадающая в Энгдекит – реку нижнего мира. У впадения притока в Энгдекит проходит граница мира мёртвых и живых – килэджекит; там на страже стоят люди без тела, сделанные из железа, дерева и кости, или, по др. вариантам, железный или деревянный забор. На границе лунгуритки и тыманитки, в своем поселении, располагались духи-помощники шамана – шевоны. Этим именем могли называть практически любой предмет или существо, обитающее в шаманском мире и сотрудничающее с шаманом. Эти духи имели устойчивую иерархию и чётко определённые функции. Главным среди шаманских духов был Ирги, именно он избирал шамана для служения, давал шаману дар предвидения, являлся посредником между ним и духом Шируни.

В верховьях шаманской реки находится «пристань», откуда начинается свой путь шаман, отправляясь на плоту или в лодке в нижний мир. «Нижний» хозяин шаманского мира известен под именем Дундради, «Тот, Кто Под Землей». Он начальник всех духов, приносящих болезнь и смерть.

Свобода передвижения шамана по своему миру и степень его власти над духами находилась в прямой зависимости как от его потенциальной силы, так и от уровня овладения ею. Внешне это выражалось в наличии соответствующих культовых атрибутов. Колотушка – гишу была перв. предметом, который получал начинающий шаман. Её изготавливали из кедрового кремля, нижнюю часть оклеивали шкурой с медвежьей лапы, верхнюю – пластиной из рога дикого оленя. После того как шаман получал бубен, ему изготавливали втор. колотушку. В полный комплект

входили 3 – 4 экз.; каждый предназначался для своего вида камланий. Шаман, имеющий колотушку, получал возможность проводить гадания. Иногда одновременно с колотушкой шаману изготавливали тьевун – посох.

Бубен – унтувун давал право его владельцу проводить более сложные камлания. За всю свою жизнь шаман получал 9 бубнов, 8 из которых делалось из лиственницы, а 9-й, «смертный», из берёзы. Бубен выполнял 2 функции: сигнальную, т.е. сбор духов и извещение о начале шаманства, и транспортную – перевозку духов – шевонов по реке подземного мира. Чем старше был шаман, тем больше резонаторов и перекладин имел его бубен, т.е. тем больше была лодка и тем больше шевонов он мог взять с собой.

Плечевая одежда эвенкийских шаманов была 2 типов: костюм, выполненный как «тунгусский фрак» – ломболон и как «покрывало» – кумнгонки, считающиеся более древним образцом шаманской одежды и изготавливавшиеся из ровдуги, а с нач. 20 в. – из чёрного сукна. Его отличали прямой подол и полы с запахом, что не имеет аналогий в эвенкийской одежде. Поверх него надевали несколько поясных и плечевых накидок из ровдуги. В полный комплект дополнений к кумнгонки входили: наплечная накидка аркалан, накладной воротник дака, поясная накидка и 2 полочки олоптун. Иногда поясную и плечевую накидки заменяли ровдужные полосы, крепящиеся от плеч. Сам костюм не имел металлических подвесок; на рукавах или на спине нашивались кресты из белой ткани и антропоморфные фигуры шевонов. Все виды накидок окаймляли полосы из белого оленьего и чёрного собачьего меха; подшейным волосом были вышиты антропоморфные фигуры.

Ломболон шили только на 6 – 7-й год от нач. деятельности шамана. На его плечи крепили подвески гишоптун в виде металлических пластинок, один конец которых имел форму оленьих рогов. Между лопаток, одну под др., подвешивали самые важные подвески шаманского костюма – дагуй, которые изготавливали только к празднику иконипко. Во время обряда именно они «превращались» в дикого оленя, за которым шла ритуальная охота. На

рукавах помещали изображения костей и птичьего крыла – ашаки.

Нагрудник холми более всех др. элементов костюма символизировал способность шамана к полётам. Кроме большого количества фигурок птиц, на нём размещали металлические диски с самыми разнообразными рисунками; в верхней части крепилась подвеска анчаки – «ключица».

Унты носили название халган – «ноги». Подвески, крепившиеся на них, выполняли 2 функции: имитировали кости шамана во время его путешествия по «плохой земле» нижнего мира и укрепляли их во время боя. Рисунок на ровдуге воспроизводил схему размещения подвесок.

Шапка авун представляла собой ровдужную полосу, охватывавшую голову и завязывавшуюся сзади. В отверстие посередине продевалась коса. Вся поверхность шапки была разделена на сектора, в каждом из которых имелось изображение антропоморфного духа – шевона. На висках имелись полоски медвежьей шкуры, символизировавшие духа – медведя, поверх этих рисунков укрепляли фигурки птиц.

На ровдужную шапку надевали металлическую корону – хачиптун, повторявшую форму древнего ровдужного крестообразного головного убора, но с изображением оленьих рогов в верхней части. «Корона» не только защищала шамана, но и могла вызвать бурю или град.

Дополняла шаманский костюм сабля – количи, которая употреблялась для ритуальных поединков в мире духов. Часто среди шаманских атрибутов хранились различные предметы, уже вышедшие из употребления: наконечники стрел, детали военного костюма, инструменты.

Порядок получения и изготовления культовых предметов отчётливо демонстрирует наличие теснейшей связи между шаманом и его родом. Какой бы потенциальной силой не обладал шаман, если род считал, что он использует свой дар во зло, сородичи обращались к более сильному шаману, который «закрывал» своего коллегу, т.е. лишал его возможности общаться с духами. Только род имел право изготавливать шаману новые детали его

костюма. Полный комплект был скорее символом мастерства шамана, т.к. даже очень сложные камлания могли производиться в обычной одежде.

К регулярно проводимым камланиям, имеющим общеродовое значение, прежде всего относится обряд иконипко – символизовавший нач. нового года; устойчивые сценарии имели и камлания с целью обеспечения охотничьей удачи – шингкелаун, лечения больных – илдрэмэчипкэ и проводов души в мир мёртвых – тирончупкэ. Камлания «по случаю» не имели особых названий. Так, в преданиях о межродовых войнах упоминаются шаманские обряды, проводимые над трупом убитого сородича с целью найти убийц; над стрелами вождя сонинга, чтобы увеличить его силу; шаманские поединки в могуществе.

Лит.: Басилов В.Н. Избранники духов. М., 1984. 208 с.; Василевич Г.М. К вопросу о тунгусах, кочующих к западу от Енисея // Сов. Север. 1931. № 10. С. 133-145; Она же. Дошаманские и шаманские верования эвенков // Сов. этнография. 1971. № 5. С. 53-60; Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. Томск, 1996. Т. 3. 264 с.; Ким А.А. Очерки по селькупской культовой лексике. Томск, 1997. 220 с.; Кулемзин В.М. Шаманство васюгано-ваховских хантов // Из истории шаманства. Томск, 1976. С. 3-155; Львова Э.Л. Материалы к изучению истоков шаманизма // Этнография народов Сибири. Новосибирск, 1984. С. 84-93; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. 424 с.; Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990. 622 с.

В.М. Кулемзин, И.Е. Максимова.

Шатилов Михаил Бонифатьевич (23 мая 1882, с. Смоленское Бийского у. Томской губ. – ?) – исследователь-этнограф, общественный деятель. Из семьи сельского учителя, окончил духовное уч-ще и духовную семинарию в Томске, юридический ф-т Томского ун-та (1909), а позже, по некоторым сведениям, 2 курса ист.-фил. ф-та того же ун-та. Служил помощником крестьянского нач. в Змеиногорском, Бийском и Барнаульском у. Томской губ., затем присяжным поверенным. Ш. был учеником и последователем Г.Н. Потанина, сторонником идеи автономии Сибири, при царизме неоднократно подвергался арестам.

С перв. дней Февральской революции вступил в партию эсеров и включился в политическую деятельность, состоял помощником комиссара Временного правительства в Томской губ., был избран депутатом Учредительного собрания. Ш. стал одним

из организаторов создания комиссии по областному самоуправлению в Сибири. На Чрезвычайном общесибирском съезде (1917) был избран от фракции эсеров в состав Временного Сиб. обл. совета. В 1918 26 янв. вместе с др. депутатами обл. думы арестован и находился в заключении до 3 февр. этого года.

После падения власти Советов в Сибири в мае 1918 Ш. вошёл в состав Временного Сиб. правительства в качестве министра туземных дел. После восстановления сов. власти в Томске в 1919 отошёл от политической деятельности, работал в ун-те на каф. «Туземное право и быт» (1920 – 1922), был одним из инициаторов создания и дир. ТКМ (1922 – 1933), занимался этнографическими исслед. В 1924 и 1926 организовал и провёл этнографические экспедиции в Нарымский кр. и на р. Вах, результатом которых стала его книга «Ваховские остяки», в 1927 – 1928 занимался изучением русского населения рр. Чулыма и Шегарки. Являлся также активным членом Об-ва изучения Томского кр.

Несмотря на то, что в 1923 Ш. был вынужден публично отречься от партии эсеров, он постоянно находился под пристальным надзором органов ВЧК-ОГПУ и в апр. 1933 Ш. был арестован и в авг. 1933 был осуждён на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. В июле 1959 военным трибуналом Сиб. военного округа был реабилитирован; дата, место и обстоятельства его смерти остались неизвестны.

Соч.: Культурно-экономические перспективы Сибири // Сиб. студент. 1914. № 2. С. 19-39; № 3. С. 11-28; На славном посту // Там же. 1915. № 1-2. С. 11-28; Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 3-37; Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Там же. С. 139-167; Ваховские остяки (Родовые и семейные отношения, управление, суд и обычное право) // Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Там же. 1929. Т. 2. С. 1-21; Ваховские остяки (этнографические очерки) // Исторический очерк и обзор Томского краевого музея // Там же. 1931. Т. 4. С. 1-175.

Лит.: Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Пекин, 1921. Т. 1. С. 115-116; Славнин В. Михаил Бонифатьевич Шатилов // Былое и новь: Краеведческий альманах. Томск, 1992. С. 56-58; Вибе П.П. Шатилов Михаил Бонифатьевич // Омский историко-краеведческий словарь. М., 1994. С. 296-297; Лукина Н.В. Шатилов как этнограф // Тр. ТГООИАМ. 1994. Т. 7. С. 55-64; Уйманов В.Н. Репрессии. Как это было...: Западная Сибирь в конце 20-х – начале 50-х годов. Томск, 1995. С. 173-186.

А.А. Бондаренко, И.В. Нам.

Шеломок-2, поселение, раннего железа эпоха, 5 – 3 вв. до н.э. Расположено на гриве надпойменной террасы прав. берега р. Томи выс. 15 м над уровнем воды, в 10 км к Ю. от г. Томска. На гриве шир. 15 – 40 м зафиксировано 10 подпрямоугольных жилищных западин. Мощ. культурного слоя до 1 м. Памятник открыт в 1959 Г.В. Трухиным, в 1969 Косарев М.Ф. собрал на нём небольшую коллекцию предметов, в 1971 памятник обследовала Плетнёва Л.М. Ею же проведены раскопки в 1972 – 1973 и 1975 – 1976 (ТГУ). Их общая площ. 550 м². Исследованы 4 жилищные западины. Площ. жилищ до 40 м². Они полуназемного типа, глуб. котлована 0,25 – 0,4 м. Очаг в жилищах располагался на полу, в различных местах котлована. Во всех постройках найдены следы бронзолитейного производства.

В одном жилище-мастерской выявлен костёр диам. 2 м, в котором плавил в керамических сосудах готовую бронзу, здесь же отливали бронзовые зеркала (найлены фрагменты литейных форм зеркал, остатки тиглей, бронзовые капли, пластина и 2 небольших слитка). Наряду с керамикой во всех постройках обнаружены бронзовые предметы: фигурки козлов, лошадей, нож, заколка для волос. Между жилищами был спрятан «клад» из бронзовых предметов: 3 зеркала, бляшка в виде 2 фигурок лошадей, обращённых друг к другу, 2 фигурки козлов в круге, круглая бляшка с изображением свернувшейся пантеры, пуговица и полая фигурка косули.

Керамика однослойного Ш.-2,п. послужила основой для выделения комплексов керамики 5 – 3 вв. до н.э. на многослойных памятниках. Её отличительной особенностью является орнаментация только верхней части сосуда бугорками, ямками, резными линиями и, в основном, оттисками гребёнки. Памятник относится к *шеломокской культуре*.

Лит.: Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск, 1993. Т. 2. С. 146. № 1274; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.

Л.М. Плетнёва.

Шеломокская культура, раннего железа эпоха, 5 – 3 вв. до н.э. Границы: на С. – до устья р. Томи, на Ю. – по границе современного г. Новосибирска, на З. и В. – по границам Томского

Приобья. Ист. археологических исследований памятников эпохи раннего железа насчитывает более 100 лет, однако их раскопки начали производить с 1930-х (*Мягков И.М., Н.А. Чернышёв, Г.В. Трухин, Матющенко В.И., Плетнёва Л.М., А.Д. Гаман*). Сейчас известно более 20 памятников этой культуры, среди них 2 курганных могильника (Савинский, Аникин Камень-1), несколько городищ (Козюлино-2), остальные – поселения (Шеломок-1, Кижирово, *Шеломок-2, поселение* и др.). Сюда же входит Степановское местонахождение, исключая предметы *кулайской культуры*.

До 1993 в Томском Приобье могильники 5 – 3 вв. до н.э. не были известны. С нач. их исследования в 1993 появились данные по погребальному обряду. Это дало возможность вместе с ранее известными материалами поселенческих комплексов выделить культуру, которая получила название *шеломокской* по одноимённому *Шеломок-2, поселению*. Ранее, в 1978, Т.Н. Троицкая объединила материалы эпохи раннего железа Томского Приобья в кижировскую культуру. Но памятник Кижирово – многослойный, содержит разновременные материалы: *бронзы эпохи; 5 – 3 вв. до н.э., относящиеся к шеломокской культуре; 3 – 1 вв. до н.э. – к кулайской культуре; раннего средневековья, развитого средневековья и позднего средневековья*. В связи с этим представляется целесообразным называть культуру эпохи раннего железа по однослойному поселению Шеломок-2.

Поселения Ш.к. располагались на надпойменных террасах, на гривах. Тип заселения – речной. Городище Козюлино-2 находилось на мысу, его площ. 95 x 130 м. Оно было ограждено тройной системой обороны. Расположение построек на поселениях рядовое или хаотичное. Жилища площ. до 40 м², полуназемного каркасного типа с очагом-кострищем. В некоторых жилищах прослежены нары. Были и наземные постройки. Каркасные сооружения относятся к древнему сиб. типу жилищ.

Хоронили в земляных курганах овальной или уплощённо-пирамидальной формы, выс. до 1 м (в одном кургане – от 1 до 3 умерших). Глуб. могил от 1 до 2 м. По снабжению инвентарём выделяются могилы знатных людей, воинов и рядовых членов общества. Из оружия найдены кистень (бронзовый шар на кожа-

ном ремне), бронзовые и костяные наконечники стрел, бронзовый кинжал. Обнаружены также бытовые предметы: ножи, керамические сосуды. Разнообразны украшения и предметы культа: бронзовые зеркала с фигурками козлов, фигурки лошадей, птиц, золотые серьги, бронзовые заколки для волос и различные подвески, а также бусы – халцедоновые, янтарные, из речного жемчуга, бронзовые.

Система жизнеобеспечения включала скотоводство, зачатки земледелия, охоту и рыболовство. Её важной стороной являлось бронзолитейное производство. Бронзу, возможно готовую, получали с Алтая (см. в ст. *Шеломок-2, поселение*). Кроме того, были распространены косторезное ремесло, обработка кожи, камня, дерева и бересты.

Уникальным памятником Ш.к. является *Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс*, 5 – 4 вв. до н.э.: бронзовый котёл на поддоне, засыпанный углями, миниатюрный скифский котёл, бронзовое прорезное навершие, кинжал, шести вокруг котла – атрибуты ритуалов, связанных с идеей плодородия и благополучия населения Нижней Томи. Анализ погребального обряда и инвентаря привел к выводу о том, что Томское Приобье в 5 – 3 вв. до н.э. было зоной активного взаимодействия тагарской культуры и *большереченской культуры*. Ш.к. входила в круг культур скифо-сибирского мира, являясь сев.-вост. окраиной этого мира. В 3 в. до н.э. в Томское Приобье пришло население *кулайской культуры*. Местное население частично было ассимилировано.

Лит.: Плетнёва Л.М. Савинский курганный могильник – памятник раннего железного века // Северск: История и современность. Томск, 1994. С. 22-34; Она же. Томское Приобье в конце VIII – III вв. до н.э. Томск, 1977. 142 с.; Троицкая Т.Н., Назарова О.Е. Ещё раз о кижировской культуре // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 199-302.

Л.М. Плетнёва.

Э

Эвенки (овонки) – народ в РФ (29,9 тыс. чел.). Живут от побережья Охотского моря на В. до междуречья Оби и Енисея

на З., от Сев. Ледовитого океана на С. до Прибайкалья и р. Амур на Ю., а также на С.-В. Китая. *Ханты* называют Э. келлем, *селькупы* – чумыл-куп, *кеты* – фунбау, *татары* – тонгус, *русские* – тунгусы (устаревшее название).

Э. Томской обл. (89 чел.) относятся к сымско-кетской группе, расселённой, кроме бассейнов рр. Тыма и Кети, в юго-зап. части Красноярского кр. (р. Сым). По данным кон. 19 в., в пределах совр. Томской обл. Э. населяли бассейны рр. Васюгана (включая Вольджу), Тыма, Кети, Чулыма, ср. течение Оби. Они делились на 6 больших родов: Баяки, Чулумби, Кима, Кему, Кильтыны, Турумби и несколько малых. Говорят на шекающем диалекте эвенкийского языка, входящего в тунгусо-маньчжурскую языковую семью; с 1950-х переходят на русский язык. Православные, со значительными следами *шаманизма* и охотничьих культов.

Согласно посл. данным, Э. как этнос сложились на основе смешения аборигенного населения Вост. Сибири, по-видимому родственного юкагирам, с тунгусскими племенами, пришедшими из Прибайкалья и Забайкалья около 1 тыс. н.э. В результате этого смешения наряду с «оленными» и «конными» группами выделяются «пешие» охотники, которые в 16 – 19 вв. заселили междуречье Оби и Енисея.

Перв. контакты с русскими относятся к кон. 16 – нач. 17 в. В 1608 отряд тунгусских воинов под предводительством князя Данула напал на Маковский острог (верхнее течение р. Кети), но был разбит. В дальнейшем развиваются торговые отношения: в обмен на пушнину Э. выменивали у русских металлические изделия, сукно, бисер. С 18 в. Э. стали выходить на регулярные ярмарки – сугланы (в Нарыме, в р-не с. Ярского). По Уставу об управлении инородцев 1822, Э. были поделены на родовые управления во главе с родовыми старшинами, или «князьцами», избираемыми на 3 года. Их обязанности заключались главным образом в отправлении суда и сборе ясака.

По результатам переписи 1925 была выделена сымская группа Э. В 1932 – 1934 в бассейнах рр. Кети, Тыма, Васюгана проводятся предварительные землеустроительные работы,

по итогам которых был создан Орловский сельсовет с Объединением им. братьев Беляевских, в который вошли все эвенкийские семьи этого региона. Центром его становится пос. Орловка, где был построен интернат для детей народов Севера. В 1950-е пос. Орловка был заброшен, объединение упразднено.

Основное занятие «пеших», или «сидячих», Э. – охота на оленя, лося, медведя, а также птицу. Позднее распространилась товарная пушная охота (на соболя, лисицу, белку). Охотились с помощью луков, самострелов, в меньшей мере с использованием ловушек, самострелов и петель. Основным орудием охотника была пальма (кото) – большой нож на длинной рукояти, который использовали как нож и как топор. С помощью пальмы оставляли дорожные метки – «тески» на деревьях, охотились на медведя, расчищали заросли и т.п. Эвенкийские клеёные луки обладали превосходными боевыми качествами, к ним полагался набор стрел с разнообразными наконечниками. С кон. 18 в. распространяются огнестрельное оружие и заводские капканы.

Хозяйственный год делили на 12 – 13 месяцев, названия которых соответствовали видам деятельности или характерным явлениям природы. Охотились с осени до конца дек. («большая ходьба») и с конца янв. по весну («малая ходьба»), группами по 2 – 3 чел. Оленя и лося «добывали» гоном ранней весной, по окончании зимнего промысла. При охоте на оленя применялась берестяная труба (оревун), имитировавшая крик самца, мелких животных приманивали пищалкой (пичавун). По насту ходили на лыжах-голицах (киглэ), по рыхлому снегу – на подбитых камусом (шукшилла). Лыжная палка (шэвгурэ) имела на верхнем конце крючок, которым «шуровали» белку и цеплялись за деревья при подъёмах. Груз перевозили на грузовых или ручных нартах или волокуше из замороженной шкуры. Личные вещи переносили в поняге – наспинной дощечке на лямках с тесёмками, к которым привязывались необходимые в дороге предметы.

Оленеводство имело в основном транспортное значение. Преобладали стада в 20 – 40 голов. Оленей использовали преимущественно под вьюк или для перевозки нарт, в редких случаях для верховой езды. В весенне-летнее время от оленей получа-

ли по 1 стакану молока в день. В апр.-мае несколько семей соединялись и перекочёвывали на удобные для отёла места – возвышенные, сухие, богатые кормом и проточной водой. Для стельных важенок огораживали загоны. В это время проводили праздник нового года – иконипко. Совместный выпас оленей продолжался всё лето. Зимой во время охотничьего сезона олени обычно паслись у стойбищ, где оставались семьи охотников. Нередко стада выпасались вообще без присмотра и собирались только в случае дальних перекочёвок и выездов на торговые пункты. Перекочёвки проходили каждый раз по новым местам: летом – по водоразделам, зимой – по рекам; постоянные тропы-«дороги» вели только к переправам через топкие или труднопроходимые места. Упряжь оленя состояла из недоуздка (уши), седла (лочоко) и подпруги (тынгэптун), при езде верхом женщины опирались о землю палкой (тыевун). Были распространены нарты ненецкого типа, с «бараном» – изогнутой дугой на передке, предохраняющей нарту от ударов о деревья; посадка производилась справа.

Рыболовство имело подсобное значение, им занимались преимущественно в летний период. Основные орудия лова – деревянные крючки с наживкой из оленьего волоса (печер); при подлёдном лове пользовались удочкой (хинда), острогой. По воде передвигались на берестяных или долблёных лодках (дяв) с двухлопастным веслом (уляйву), в прошлом – на плотках (тэму).

Основа традиционной пищи – мясо диких животных и птицы и рыба, варёная или жаренная на вертеле (шилавун). Мясо оленей и лосей заготавливали вялением на солнце в мелко нарезанном виде; сушёное мясо (хуликта) толкли в муку, которую заваривали кипятком или смешивали с ягодами; почки, печень, костный мозг ели сырыми сразу после свежевания туши. Празднично-ритуальным блюдом был сэвэн – мелко крошенное медвежье мясо с прожаренным медвежьим жиром, которое ели сообща, приглашая соседей. Весной в рацион включали молодые побеги сосны, берёзовые плёнки (нижний слой бересты, пропитанный соком), летом – оленьё молоко, ягоды, дикий чеснок (колбу); кашу из сараны. У русских заимствовали печёный хлеб (килеп).

Основной напиток – чай, иногда с оленьим молоком. Курили табак (шар). В прошлом заготавливали муку из клубней сараны и пихтовой коры, а также из сушёной мелкой рыбы.

Зимние стойбища состояли из 1 – 2 чумов, летние насчитывали до 10, во время праздников и более. Чум (дю) имел конический остов из жердей, покрытый покрышками-нюками из ровдуги (выделанной кожи) или вываренной бересты. При перекочёвках остов оставался на месте, нюки сворачивали и перевозили. В центре чума устраивали очаг (того), над ним зимой укрепляли горизонтальную жердь для котла (икэнтун), одним концом привязывавшуюся к шести каркаса, др. – к специальному шести, устанавливавшемуся у очага (чимка). Места справа и слева от входа предназначались для хозяйки, дальше – для членов семьи, за очагом против входа (малу) – для гостей-мужчин. Спали в мешках вокруг очага. На улице, напротив входа, располагался костёр, на котором готовили пищу. В прошлом были известны полуземлянки (голомо). Временным охотничьим жилищем служили маленькие сферические чумы (марма). Для хранения мучных продуктов и зимней одежды строили свайные настилы (дэлкэн) или лабазы (нэку). Основная утварь делалась из бересты, были распространены покупные котлы, чайники, чайные чашки (хранившиеся в особом «чайном» ящике).

Одежда состояла из натазников, ноговиц, кафтана из оленьей шкуры, спинка которого была длиннее переда и заканчивалась углом («тунгусский фрак»), полы кафтана связывались на груди завязками; под него надевался нагрудник, длиной выше колен, сшитый из меховых полосок и завязывавшийся сзади. Женский нагрудник имел прямой нижний край, мужской заканчивался углом. Из осенней шкуры оленя шили шубу – парку (хогэтта), к рукавам которой пришивали рукавицы. Зимой шею и голову обматывали длинным шарфом из хвостов пушных зверей (вачи). Летнюю обувь (олочи, унта) шили из кожи, зимнюю – из камусов (шкур, снятых с нижней части ног оленя). Мужчины носили пояс с ножом в ножнах, женщины – с игольницей, трутницей и кисетом. Характерны праздничная круглая шапочка (дэрбэки), расшитая бисером, головной убор из целой шкуры с головы оленя

(авун), у которого отверстия от глаз и рогов зашивали и украшали бисером.

Зимняя одежда шилась из шкур, в редких случаях из сукна; весенне-летняя делалась из ровдуги, вышивалась бисером, украшалась полосками козьего и собачьего меха, бахромой из конского и оленьего волоса, металлическими бляшками, бисером. Полный традиционный костюм Э. дольше всего сохранялся именно среди сымско-кетской группы.

Волосы длиной до плеч носили распущенными, длинные – завязывали пучком на макушке и затылке полоской материи, украшенной бисером (чирэптун), тесьмой или полоской ровдуги. Девушки носили головную повязку (дэрбэки). До 19 в. сохранялась татуировка лица.

Олени находились в собственности отдельных семей или даже членов семьи, но выпасались совместно членами общины. Были сильны формы коллективного распределения, взаимопомощи и т.п. До 20 в. сохранялся обычай (нимат), обязывавший охотника распределять добытого копытного зверя на всех членов группы, наделяя в перв. очередь престарелых членов рода.

Имущество наследовалось по мужской линии, после смерти мужа оставалось в его роде. Родители обычно оставались жить с младшим сыном. Авторитет женщины был достаточно высок. Известны женщины-охотницы. Брак сопровождался уплатой калыма (тэри), отработками за невесту, ему предшествовало сватовство, срок между ними достигал года. Приданое невесты обычно равнялось по стоимости калыму. Известна практика многожёнства. В терминологии родства сохранялись черты классификационной системы.

В 16 – 19 вв. среди Э. была распространена практика подготовки военных вождей – сонингов, чьей обязанностью было защищать родовую группу в случае военной опасности. Они должны были знать приёмы маскировки, выслеживания противника, обладать особой выносливостью, уметь сражаться на «мечех» и пальмах, владеть приёмами бега по снегу и т.п.

Сохранялись шаманизм, промысловые культы. Эвенки верили в существование души (оми), верхнего, среднего и нижнего

миров, сотворение мира 2 братьями и др. Существовали элементы медвежьего культа – обряды, связанные с разделкой туши убитого медведя, поеданием его мяса и др.

Фольклор включал песни-импровизации (икэн), мифы, предания (улгурил), сказки о животных (нимнгакан), загадки (тагивкал). Сказки о животных у сымско-кетских Э. архаичны: их рассказывали лишь во время больших морозов, чтобы способствовать «повороту» солнца на лето; прямая речь героев исполнялась речитативом. Предания рассказывали о легендарных героях – сонингах, о полумифических аборигенных жителях (чулугды), разбойниках-людоедах (булошол). Популярный герой комических бытовых рассказов – Ивуль, эвенкийский аналог Ивана-дурака. Из музыкальных инструментов известен варган (металлический – кэннгипкэвун, деревянный – пэннгипкэвун), из танцев – хоровод (хейро), исполнявшийся под песенную импровизацию.

Игры носили характер состязаний в борьбе, стрельбе из лука в неподвижную и подвижную цели, беге по нетоптаному снегу, прыжках и др.

Лит.: Василевич Г.Н. Сымские тунгусы // Сов. Север. 1931. № 2. С. 132-151; Она же. Кoryтообразная нарта сымских эвенков // Сб. Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. 10. С. 93-97; Она же. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Там же. 1949. Т. 11. С. 42-61; Она же. Тунгусский кафтан // Там же. 1958. Т. 18. С. 127-178; Она же. Эвенки: Историко-этнографические очерки XVIII – начала XX в. Л., 1968. 304 с.; Горохов С.Н. Эвенки // Народы и религии мира: Энциклопедия. М., 1998. С. 649-650; Максимова И.Е. Военное дело у сымско-кетских эвенков // Вопросы этнокультурной истории народов Западной Сибири. Томск, 1993. С. 92-104; Она же. Астрономические представления у сымско-кетских эвенков // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 161-165; Она же. Тунгусский ойкос (по материалам сымско-кетской группы эвенков): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.; Соколова З.П. Заметки об эвенках бассейна Кети // Тр. Ин-та этнографии. 1962. Т. 78. С. 165-175; Шатилов М.Б. Остяко-самоеды и тунгусы Принарымского района // Тр. ТКМ. 1927. Т. 1. С. 139-167.

И.Е. Максимова.

Энеолит, медно-каменный век (халколит, медный век), на территории Томской обл. датируется кон. 3 – перв. четв. 2 тыс. до н.э. Э. обычно определяется как переходный период от эпохи *неолита* к *бронзы эпохе*. Э. означает время, когда появляются перв. изделия из меди, но основным сырьём для изготовления орудий

продолжал оставаться камень. Определение характера Э. – важная и сложная проблема, связанная с неоднозначностью её ист. содержания и хронологии в разных р-нах земного шара. Наиболее яркие и показательные культуры Э. связаны с регионами, благоприятными для развития производящих форм хозяйства (земледелия и скотоводства), находящихся в непосредственной близости от месторождений медной руды. Прежде всего, это Анатолия и прилегающая территория Передней и Ср. Азии, Кавказ и Закавказье, Карпато-Дунайский р-н и Поднепровье. Общность хозяйственных форм создала здесь поразительное сходство материальной культуры. Оно выражается в появлении медных орудий при преобладании каменных и кремнёвых, господстве мотыжного земледелия, наличии больших (обычно глинобитных) домов, распространении статуэток богини-матери и расписной керамики. Расцвет Э. приходится здесь на 5 – 4 тыс. до н.э., хотя перв. изделия из меди известны уже в 7 или даже 8 тыс. до н.э.

Определённую роль сыграл Э. и в зоне преимущественно скотоводческого направления производящей экономики, охватывающей примыкающие к этим центрам р-ны евразийских степей. Далее на С. роль Э. убывает, внедрение орудий из меди в хозяйственные системы охотников и рыболовов имело меньшее значение, чем в зоне оседлоземледельческих культур. Тем не менее Э. лесостепных и таёжных р-нов также может рассматриваться как особая ист. эпоха, в течение которой экономическое и социальное развитие шло особенно быстрыми темпами. В лесостепи и на юж. окраине тайги Э. связан с проникновением в традиционное охотничье и охотничье-рыболовческое хозяйство элементов производящего хозяйства. В таёжной полосе, в которой находится и Томская обл., в это время совершенствуются охотничье-рыболовческие промыслы, возрастает роль сетевого и заборного рыболовства, что повышало продуктивность присваивающего хозяйства, способствовало более оседлому образу жизни населения, росту его численности, налаживанию связей с соседними территориями.

Э. Томской обл. представлен 2 этапами (типами памятников или культурами): новокусковским (*Новокусковская стоянка-*

1) и игрековским (*Игрековский Остров-1, стоянка; Усть-Киндинское захоронение; Самусьский могильник*), которые датируются большинством исследователей кон. 3 – перв. четв. 2 тыс. до н.э.

Лит.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР с древнейших времён до средневековья: В 20 т. М., 1987. С. 10-34.

Ф.И. Мец.

Эпоха бронзы см.: *Бронзы эпоха.*

Эпоха камня см.: *Камня эпоха.*

Эпоха раннего железа см.: *Раннего железа эпоха.*

Эпоха средневековья см.: *Средневековья эпоха.*

Этническая история терминологически истолковывается двояко: в широком смысле как процесс формирования и последующего развития этносов (народов), а в узком – лишь как развитие уже сложившихся этносов, исключая начальный этап их образования (этногенез). При этом под этносом понимается ист. общность людей на основе языка, культуры и самосознания. Изменения, затрагивающие этнос в самый посл. и одновременно наиболее близкий к нам период его ист., принято именовать современными этническими процессами.

Проблемы Э.и. решаются комплексно, с привлечением данных широкого круга смежных наук: лингвистики, антропологии, *археологии*, этнографии, ист. и др. Отсутствие абсолютной синхронности в процессах становления и развития расовых черт, языка и культуры существенно осложняет реконструкцию этнических процессов в древности и сообщает острую дискуссионность многим фундаментальным и частным проблемам Э.и. Так, неоднозначно определяется её верхняя граница: одни исследователи склонны начинать свои реконструкции со времени *неолита до бронзы эпохи*, др. полагают, что применительно к этому времени правомернее вести речь о выделении крупных этнических общностей, соотносимых с языковыми семьями, а точкой отсчёта в ист. формирования отдельных этносов определяют *раннего железа эпоху и средневековье*; третьи полагают, что лучше всего соотносимы с совр. народами средневековые археологические культуры.

Принято считать, что самое древнее население Зап. Сибири относилось к единой уральской языковой семье и обладало признаками культурной и антропологической общности; выделяют даже самостоятельную зап.-сиб. расу. Вопрос о месте первоначального формирования уральцев остаётся спорным: р-ны Приаралья и Прикаспия; Евразийский Север; Зап. Сибирь. Предположительно к кон. неолита (3 тыс. до н.э.) существенно ослабевает культурное и языковое единство уральцев и из их среды в зап. части ареала обитания (от Урала до Иртыша) выделяются угроязычные предки *хантов* и манси, а в вост. (от Оби до Енисея) локализуется самодийская языковая общность, этническими наследниками которой стали *селькупы*, ненцы, энцы и нганасаны.

Применительно к этническим процессам эпохи бронзы на территории Зап. Сибири (2 – перв. треть 1 тыс. до н.э.) можно вести речь об их динамизме и трансформационном характере, обусловленных смешением разнородного населения. Существенную роль в стимулировании миграционных волн сыграли экологические факторы: значительные климатические изменения, сопровождавшиеся подвижками ландшафтных зон, влекли за собой и перемещение населения, традиционно связанного с определёнными природными нишами обитания. Для Э.и. Томской обл. наиболее существенны 3 культурные экспансии. Во-первых, сильное влияние высокоразвитых центров Ср. Азии, что при наложении на местную неолитическую основу создало *самусьскую культуру*, в носителях которой усматривают предков кетов – народа, обитающего в ср. течении Енисея и относящегося к енисейской языковой семье. Во-вторых, продвижение из юж. лесостепных р-нов андроновских племен, отождествляемых либо с уграми, либо с индоиранцами (*андроновская культурная общность*) и их слияние с аборигенным населением (*еловская культура* и *ирменская культура*). В-третьих, миграция таёжного населения из Нижнего Приобья, предположительно сыгравшая существенную роль в становлении угорской общности, и её восприятие местными племенами (*молчановская культура*). При этом местный этнический пласт большинство исследователей определяют как самодийский, однако существует мнение и о его связи с предками хантов. С ка-

кими бы этническими общностями научно ни ассоциировались указанные миграционные потоки, неизменно одно: они существенно разнообразили этническую палитру края.

Эпоха раннего железа (6 в. до н.э. – 5 в. н.э.) на территории Томской обл. в общем характеризуется значительной уравниваемостью и стабильностью. Линию культурного развития в целом отличают устойчивость и преемственность (*кулайская культура*). Основу этнической динамики составляют интеграционные процессы в недрах многокомпонентного местного населения. При определении его ведущего этнического элемента мнения исследователей расходятся: самодийский (преобладающая точка зрения); угро-самодийский; различные (самодийский, угорский, кетский) в различных частях культурного ареала. Своеобразие рассматриваемого периода определено тем, что местное население не испытывало существенного этнического воздействия извне, наоборот, само широко радиировало миграционные потоки в Нижнее и Верхнее Приобье, Прииртышье. Лишь на Ю., в Томском Приобье, на этническое и культурное развитие оказало влияние юж. лесостепное население (*шеломокская культура*), что было обусловлено передвижением из Минусинской котловины на С. племён, обычно отождествляемых с загадочными динлинами и тагарской культурой.

Период *средневековья раннего* (5 – 10 вв.) продолжил линию поступательного эволюционного развития местного населения, этническая принадлежность которого трактуется как угро-самодийская, самодийская, праселькупская (*рёлкинская культура, верхнеобская культура*). Зафиксированное проникновение на С. обл. племён тунгусо-маньчжурской языковой группы (предков эвенков) и тюркоязычных кимаков на Ю., а также отголоски влияния ираноязычных скифов существенно не повлияли на общую тенденцию этнического развития края.

Картина принципиально изменилась в последующий период *средневековья развитого* (10 – 14 вв.), связанный с разноэтническими и разнона-правленными миграциями. В таёжные р-ны обл. с С.-З. устремилось население, в котором одни исследователи видят угров, др. – самодийцев (*вож-пайская культура*), их проникнове-

ние в Томское Приобье носило эпизодический и малозначительный характер. Здесь определяющим этническим процессом стала тюркизация – смешение местного населения с тюркоязычной средой. Активная экспансия тюрков была обусловлена ист. процессами на Ю. Сибири: образованием кимакского союза в Ср. Прииртышье и последующим включением в него кыпчаков (половцев, куманов), а также формированием на Алтае Кыргызского каганата, зап. граница которого доходила до Иртыша. Т.о., юж. р-ны обл. оказались в зоне двухстороннего тюркского воздействия. В Верхнем Приобье коренное угро-самодийское население испытало сильное воздействие со стороны кимаков и кыпчаков (*сросткинская культура*). Тюркизация Ср. Причулымья, населённого кетосамодийскими племенами, была определена перемещением сюда из Центр. Азии уйгуров, очевидно после разгрома их каганата. Позднее в этот же р-н продвинулись и енисейские кыргызы (*енисейских кыргызов культура*). Стремительный выход на ист. арену монгольских племён и их завоевания в 12 – 13 вв. и активизировавшееся в связи с этим движение тюркских племён с В. на З. придали ещё больший динамизм этническим процессам в лесостепной зоне Зап. Сибири. В Ср. Причулымье появились монголоязычные кидани, чьё смешение с тюркизованной местной основой привело к образованию *чулымцев*. Массированный натиск кыпчаков на Томское Приобье изменил антропологический облик и язык местного населения, что сигнализировало о сложении нового этнического образования – *зуштинцев (басандайская культура)*.

Средневековье позднее (15 – 17 вв.) ознаменовалось присоединением Сибири к Российскому государству. Этот процесс носил в значительной мере миролюбивый характер. Исключение составило упорное сопротивление в р-не Ср. Оби племенного объединения нарымских селькупов Пегая орда во главе с князем Воней. Для подчинения Пегой орды потребовались военные действия и захват в качестве заложника княжеского сына. Победа ознаменовалась строительством Нарымского острога (около 1598), а дальнейшее продвижение вверх по Оби привело к возникновению Кетского острога (предположительно в 1602). Тюркоязычное население юж. р-нов обл. добровольно приняло рус-

ское подданство. Князец Тоян, возглавлявший одно из наиболее могущественных татарских племен – зуштинцев, отправился с челобитной в Москву и просил о строительстве русской крепости на своих землях. Ответным шагом Русского государства стало возведение в 1604 Томского города, остававшегося самым юж. русским форпостом в Зап. Сибири до строительства Кузнецкого острога (около 1618) и сдерживавшего ожесточённый натиск воинственного кочевого мира (енисейских кыргызов, алтайцев, джунгаров и др.).

Вхождение Сибири в состав России оказало решающее воздействие на последующие этнические процессы в регионе. Для позднего средневековья более характерны миграционные формы взаимодействия русского и аборигенного населения, что особенно заметно проявилось на С. обл. Основу перв. миграционной волны *русских* составили выходцы из сев. и сев.-вост. губ. государства. От неё ведут свой отсчёт русские старожилы края (чалдоны), среди которых выделялась особая группа – казачество, призванное возводить и оборонять перв. поселения и остроги. Значительны были и ответные подвижки коренного населения и их последствия. Ханты с р. Васюгана через Обь переместились на р. Вах. В свою очередь, селькупы, потеснённые ими, устремились с левобережья Оби на правобережье, откуда часть их откочевала на С.-В. Это привело к разделению селькупов на 2 группы: юж. (нарымских) и сев. (тазовско-туруханских). С В. наблюдалось небольшое встречное движение эвенков, охватившее рр. Кеть, Чулым, Тым и Вах. Среди тюркоязычного населения Ю. обл. преобладали консолидационные процессы. Чулымцы, вобрав в себя «чулымских» и «мелецких татар», североказахское племя аргынов, этнически сплотились настолько, что, продвигаясь со Ср. Чулыма на Нижний, ассимилировали проживавших там селькупов. В Томском Приобье из многочисленных компонентов (местных самоедо- и тюркоязычных племен, поволжских татар, бухарцев и др.) складывалась новая этническая общность – обские татары. Нижнее Притомье демонстрировало слияние племён зуштинцев, чатов и калмаков с образованием *томских татар*.

В 18 – 19 вв. на перв. план выходит прямой диалог русской культуры с местными, сопровождавшийся этническими контактами и в семейно-брачной сфере, чему в значительной мере способствовало крещение коренного населения (кроме томских татар). Взаимодействие культур не носило на себе отпечатка враждебности и разрушительных тенденций, т.к. его участники были разведены по различным природно-экологическим нишам в силу несхожести традиционных хозяйственных устоев: земледельческих, с одной стороны, и скотоводческих и охотничье-рыболовческих – с другой. Кроме того, политика русской администрации сохраняла многие черты традиционных социальных норм у коренных народов: установленное административное деление опиралось на существовавшие родовые и территориальные группы; сохранялась практика административного и судебного управления; даже ясак местное население платило до прихода русских (например, кыргызам). В силу вышеназванных причин этническую ситуацию края определяло межэтническое сближение, особенно в смежных р-нах расселения народов, однако оно редко приводило к полной ассимиляции с русскими, как в случае с обскими татарами. Среди массовых перемещений населения особую роль сыграло появление пореформенных переселенцев из различных губ., но с преобладанием южнорусских. Это существенно разнообразило этнический состав населения края, в т.ч. и за счёт русских старообрядцев.

Для 20 в. было характерно активное разрушение устоев традиционной культуры коренных народов обл. и русских, на смену которой пришла культура индустриальная. Болезненность и неоднозначность этого перехода сопровождались и противоречивыми явлениями в сфере этнических отношений. Значительная унификация материальной культуры сместила акценты в этническом самосознании в пользу языка и ценностных ориентаций, сконцентрированных в мифологии и народном искусстве. Всплеск национального самосознания, наблюдаемый в кон. 20 в. и определяемый как ведущий фактор «мирового политического ландшафта», а не только как специфика постсоветского об-ва, привёл, с одной стороны, к активному движению за сохранение и

возрождение традиционной культуры народов, с др. – к поиску новых форм выражения этнической специфики и этнической самоорганизации. Все вышеотмеченные тенденции отражены и в ист. народов Томской обл.

См. также: *Этнический состав*.

Лит.: Багашёв А.Н. Антропологические общности, их систематика и особенности расообразовательных процессов // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 4: Расогенез коренного населения. Томск, 1998. С. 304-327; Беликова О.Б. Среднее Причутье в X – XIII вв. Томск, 1996. 272 с.; Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960. 150 с.; Васильев Е.А., Дрёмов В.А., Бардина П.Е. Общие сведения о народах Западной Сибири // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск, 1994. Т. 1, кн. 1. С. 12-62; Васильев Е.А., Плетнёва Л.М., Кулемзин В.М. В глубь веков // Томская область: Исторический очерк. Томск, 1994. С. 8-46; Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М., 1991. 298 с.; Молодин В.И. Этногенез // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 3-44; Плетнёва Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. Томск, 1997. 350 с.; Томилов Н.А. Проблемы этнической истории. Томск, 1993. 222 с.; Чернецов В.Н. Этнокультурные ареалы в лесной и субарктических зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 10-18; Чиндина Л.А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья. Томск, 1991. 184 с.

О.М. Рындина.

Этническая экология включает в себя сферу взаимодействия человеческого коллектива (этноса) с окружающей его природой. А поскольку основным средством адаптации этносов (народов) к среде обитания служит традиционная культура, то именно она и оказывается в центре внимания Э.э. Высокая степень зависимости традиционной культуры от природного контекста отражена в формировании культурно-хозяйственных типов – специфических культурных комплексах, складывающихся у различных народов в сходных природных условиях. Для коренных народов таёжного С. Томской обл. (*хантов, селькупов, эвенков*) характерен тип пеших охотников и рыболовов, дополненный собирательством и оленеводством; на Ю. обл., представляющем собой переход от таёжной зоны к степной, указанные занятия сочетаются с земледелием и скотоводством (*томские татары, русские*).

Примером чрезвычайно гибкого приспособления культурно-хозяйственного типа к природно-климатической обстановке

служит и хозяйство *чулымцев*. Освоенный ими р-н Причулымья характеризуется максимальной для Зап. Сибири биологической продуктивностью климата и благоприятствует развитию различных хозяйственных занятий: рыболовству, охоте, скотоводству, земледелию, собирательству, не требуя специализации или углублённого развития нескольких из них. Именно эти экологически обусловленные постулаты и воспроизведены в традиционном хозяйстве чулымцев – многоотраслевом по своему составу, с невысокой развитостью каждого из компонентов. Показательно, что по мере продвижения народа по р. Чулыму этническая граница стабилизировалась в низовьях реки, именно там, где проходит граница и описанной физико-географической зоны.

Воздействие окружающей среды на традиционную культуру ощутимее всего проявляется в об-вах с т.н. «присваивающей экономикой», т.к. здесь ответная реакция природы сказывается непосредственно и незамедлительно. Поэтому вся система жизнедеятельности таких об-в базируется на экологической посылке: «Как сегодня я отношусь к природе, так будут сегодня, завтра жить я, моя семья, весь мой народ». Реализация означенного правила заложена в сам код культуры и предполагает ряд основополагающих принципов её функционирования.

Во-первых, принцип «биосферного равенства», согласно которому всё живое в природе обладает равными правами на существование: деревья, травы, птицы, звери и человек. Эвенки, например, отводили людям положение младших братьев по отношению к животным, а ханты относились к охоте на лося как к шахматной игре, в которой охотник и зверь – равноправные партнеры, понимающие и просчитывающие ходы своего соперника.

Во-вторых, принцип традиционного природоведения и рационального природопользования, когда из поколения в поколение закреплялся и расширялся запас знаний о природном окружении, из которого человек черпал все необходимые для себя средства к существованию и с которым соотносил свои хозяйственные навыки. Так, бедность сев. болотных р-нов камнем отразилась, с одной стороны, на их особом почитании у коренных

жителей края, а с другой – в поиске альтернативного материала, которым оказалась кость. Из неё ханты и селькупы изготавливали наконечники стрел и части лука, скребки, крючки для вязания, иглы, мотовильца, пряслица, игольницы, ножны, курительные принадлежности и др. Прекрасное знание повадок животных, рельефа местности, метеорологических условий позволяло широко практиковать пассивные способы добычи зверя – с помощью ловушек различного вида, а при пешей охоте безошибочно находить верное решение, каким бы парадоксальным оно не казалось (например, искать белку в стороне, противоположной её следу, угадав запутывающие комбинации «ложных следов» зверька). Окружающая флора служила зелёной аптекой. Эвенки из 36 различаемых разновидностей трав большинство употребляли в качестве лекарственных средств от различных заболеваний: простуды, внутренних и наружных кровотечений, желудочно-кишечных и сердечно-сосудистых, общего упадка сил.

В-третьих, принцип разумной достаточности, регулирующий уровень потребления человеком природных богатств и определяющий приоритеты в этическом кодексе охотника и рыбака. У хантов, например, великим считался не тот охотник, кто много добывал, а тот, кто меру свою знал, согласовывая её с мерой осознанной необходимости. Архаичная традиция потребления вообще не предполагала заготовку пищи впрок, так как свежее мясо и рыба всегда были рядом, а совершенствовалась прежде всего навыки их добывания. Со временем наметился отход от древнейших установок, но и на рубеже 19 – 20 вв. для коренных народов было характерно приготовление мяса и рыбы на перв. стадии их обработки (сушки, вяления, поджарки), а в роли приправ выступали растительные компоненты.

В-четвёртых, принцип безотходности потребления, требовавший максимально использовать все известные возможности добытого природного сырья. При этом традиционные знания и изобретательность, кажется, не знали границ. Так, рыба – основной источник питания у хантов и селькупов – попутно служила материалом для изготовления разнообразных предметов домашнего обихода: из кожи шили одежду и ею затягивали окна; из че-

шуи получали прочный универсальный клей; из внутренностей вываривали рыбий жир, а полученный при этом осадок служил средством от комаров; с помощью икры или ухи выделявали шкуры животных; рыбий пузырь с камешками служил погремушкой для детей.

В-пятых, принцип воспроизводства биоресурсов, гарантировавший соблюдение необходимых условий для восполнения природой изъятого у неё. К числу природоохранных мер у коренных народов относились: жёсткая регламентация сроков охоты, запрещение её применительно к молодняку, пушному зверю в период линьки и пр. Для придания запретам большей силы использовался приём их мифологизации. Так, ханты не должны были собирать вытаявшую ягоду, берёзовый сок после окончания периода кукования кукушки, когда природа активно готовится к обновлению, объясняя это «нечистотою» природных продуктов в результате воздействия на них символической женщины-кукушки. Своеобразными природными заповедниками служили священные места, где запрещалось не только добывать зверей и рыбу, но даже трогать землю, громко разговаривать, пить воду. Под категорию заказников попадали места, значимые с точки зрения самой этнической культуры, т.к. через них проходила связь с духами и богами (места жертвоприношений), родовыми предками (территория кладбищ), ист. прошлым народа (места, отражённые в героическом эпосе и мифологии), поэтому вернее определить их как биосоциальные заказники, места пересечения основополагающих координат человеческого бытия: об-ва, культуры и природы.

Отражением этой связи служит и традиционная календарная система коренных народов края, в которой также переплелись социальные, хозяйственные и биологические ритмы. Ханты, например, не имея летоисчисления, фиксировали рубежные вехи в ист. народа в целом и отдельного человека в частности с помощью их проекции на особенности природной жизни, которая наделялась той же мерой значимости, что и жизнь об-ва. Так, год рождения человека мог соотноситься с годом большого урожая, малого снега и др. Фенологические наблюдения и хозяйственные приоритеты составляли основу годового цикла, при этом универсальным вни-

манием у различных народов пользовались: состояние древесной листвы (зелёная, красная, опадает), пернатые (ворона, кукушка, орёл), способы заготовки рыбы.

Экологически содержательными оказывается и мировоззрение народа, в частности связанное с его самосознанием. Так, селькупы и ханты, представляющие во многом сходную культуру пеших охотников и рыболовов, демонстрируют здесь различные подходы. Для селькупов характерна слитность образов земли и матери; земля-мать наделена животворной и культуротворящей силой, так как её производными становятся человек и его дом, и осознание главенства земли отражено в самоназваниях локальных групп народа. Для хантов синонимичны понятия мать и река, река и народ, что также запечатлено в их этногрупповых самоназваниях. Эвенки – общепризнанные лидеры среди сиб. таёжных охотников – хранят в своей мировоззренческой картине черты иной природно-экологической ниши, связанной с горной местностью: в горах помещается страна, где оживает легендарное прошлое народа и для гор выработана им развитая терминология.

Человек, осознавая себя частью природы, уподоблял ей и свою традиционную культуру, и на отсутствии противопоставления культуры и природы базировалась экологичность традиционных обществ с присваивающей экономикой. С переходом к производящему хозяйству постепенно оказалась нарушенной паритетная взаимосвязь природы и культуры, утвердился примат посл. Ошибочная самоуверенность человека, основанная на его культурных достижениях, обернулась глобальными природными катаклизмами, что заставило его активизировать свое внимание к среде обитания на уровне теории и практики, пристально вглядеться в накопленный экологический опыт, в т.ч. и в обл. Э.э.

Лит.: Кулемзин В.М. Значение изучения традиционных культур // История и современность народов Ямала. Салехард, 1995. С. 21-24; Козлов В.И. Введение // Этническая экология: теория и практика. М., 1991. С. 3-11; Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Васюганско-ваховские ханты. Томск, 1977. 226 с.; Они же. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992. 136 с.; Лапина М.А. Этика и этикет хантов. Томск, 1998. 115 с.; Львова Э.Л. Этнос. Гл. 1, 2 // Тюрки таёжного Причудулья: Популяции и этнос. Томск, 1991. С. 26-105; Максимова И.Е. Тунгусский ойкос (по материалам сымско-кетской группы эвенков): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. 20 с.; Пелих Г.И. Происхождение сельку-

пов. Томск, 1972. 424 с.; Тучкова Н.А. Жилища и поселения южных селькупов как компоненты обжитого пространства (XIX – XX вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999. 22 с.

О.М. Рындина.

Этнический состав населения Томской обл. разнообразен, неоднороден и насчитывает 100 народов, 20 из которых имеют своих представителей от 1 до 10 чел. Он образован как потомками коренных народов, предки которых с древнейших времен окультуривали Зап.-Сиб. регион, так и наследниками русских старожилов и переселенцев, столетиями осваивавших суровый край, а также представителями этнических меньшинств, вливавшихся разновременными потоками. В культуре подавляющего большинства населения преобладают интернациональные черты совр. индустриального об-ва, однако часть коренных жителей и по сей день остается приверженной традиционному образу жизни и традиционному хозяйству.

По данным переписи 1989, в Томской обл. проживали следующие народы:

Русские	883797	Литовцы	956
Украинцы	25799	Эстонцы	916
Татары	20812	Таджики	912
Немцы	15541	Грузины	912
Белорусы	9135	Цыгане	877
Чуваши	7827	Киргизы	856
Узбеки	3328	Хакасы	838
Азербайджанцы	2752	Чеченцы	487
Мордва	2574	Якуты	413
Башкиры	2280	Буряты	409
Казахи	2037	Туркмены	383
Удмурты	1944	Лезгины	307
Молдаване	1928	Ингуши	277
Поляки	1732	Аварцы	253
Евреи	1506	Осетины	245
Армяне	1407	Коми	210
Латыши	1112	Греки	200
Марийцы	1051	Тувинцы	101
Корейцы	1012	Болгары	170

Кабардинцы	160	Уйгуры	66
Калмыки	121	Каракалпаки	62
Коми-пермяки	107	Татары крымские	44
Даргинцы	99	Балкарцы	44
Кумыки	87	Адыгейцы	41
Табасараны	85	Ланцы	41
Турки	83	Китайцы	39
Алтайцы	80	Шорцы	37
Карелы	71	Абхазцы	30
Румыны	71	Курды	30
Финны	71	и др.	

Наиболее многочисленный народ – *русские*, представляющие славянскую языковую группу, составляют 88,2 % всего населения Томской обл. Русские – большинство населения во всех р-нах обл. Близкородственные им вост.-славянские народы – украинцы и белорусы – составляют соответственно 2,6 и 0,9 % и сосредоточены в Томском, Верхнекетском, Каргасокском р-нах.

К числу коренных народов обл. относятся татары (2,1 %) и *чулымцы* (чулымские тюрки), принадлежащие к тюркской языковой группе. *Томских татар* выделяют в самостоятельную этническую группу в рамках сиб. татар, имеющих специфику в обл. языка и культуры. Основным р-ном проживания томских татар является Томский. Чулымцы населяют Тегульдетский р-н.

Малые народы Севера представлены в Томской обл. 24 народностями:

Селькупы	1347	Тофалары	7
Ханты	804	Нанайцы	6
Эвенки	89	Саами	6
Эвены	43	Чуванцы	5
Манси	21	Ительмены	5
Коряки	16	Долганы	5
Кеты	12	Ненцы	5

Ещё 10 народностей имеют численность от 1 до 4 чел.

В Томской обл. можно выделить 5 р-нов преимущественно-го проживания народностей Севера: Александровский, Верхнекетский, Колпашевский, Каргасокский, Парабельский, где сосредоточено около 75 % от общего количества по обл., но их удельный вес в общей численности населения этих р-нов незначителен – около 23 %.

К коренным обитателям края принадлежат *селькупы* (0,13 %) и *ханты* (0,08 %), представляющие соответственно самодийскую и угорскую языковые группы. Они же составляют большинство (89,8 %) среди всех народностей Севера по данным переписи 1989. Наиболее крупные группы селькупов имеются в Колпашевском, Каргасокском и Парабельском р-нах. Ханты проживают преимущественно в Каргасокском и Александровском р-нах. Не одно столетие осваивали промысловые угодья и *эвенки* (0,01 %), представляющие тунгусо-маньчжурскую языковую группу и локализирующиеся на территории Верхнекетского и Каргасокского р-нов.

К представителям этнических меньшинств на территории обл. относятся народы Поволжья: чуваша, мордва, удмурты, марийцы, башкиры, народы Средней Азии и Казахстана: казахи, узбеки, армяне, азербайджанцы, а также немцы, евреи, поляки, латыши, молдаване, корейцы и др., представляющие тюркскую, германскую, финно-угорскую и др. языковые группы. Из них количественно наиболее представительны немцы, чуваша, узбеки, азербайджанцы, мордва.

Приведём этнодемографические характеристики, раскрывающие семейный состав, образовательный уровень на основе данных переписи 1989 по 6 ключевым этносам обл. Семьи, где члены семьи относятся к разным национальностям, составляют 17,1 %. В подобных семьях ср. состав семьи больше (3,5), чем у однонациональных (3,2). Ср. размер семьи у чувашей 3,4; татар (включая крымских) – 3,2; русских – 3,2; украинцев – 3,1; немцев – 2,9; белорусов – 2,8.

В 1989 на 1000 занятых приходилось лиц с высшим и средним (полным и неполным) образованием – 852. Из них число лиц с высшим образованием составляет: у украинцев – 210 чел., бело-

русов – 160, русских – 156, немцев – 130, татар – 127, чувашей – 68. Численность имеющих начальное образование (на 1000 занятых) составляет у украинцев 47 чел., русских – 70, татар – 81, чувашей – 105, белорусов – 113, немцев – 117.

Большинство населения Томской обл. (94 %) считают родным языком язык своей национальности. Помимо русских, это особенно характерно для киргизов (92 %), таджиков (92 %), туркмен (91 %), цыган (91 %). Наименьший удельный вес назвавших при переписи родным языком своей национальности отмечен у евреев – 7,2 %, поляков – 9,6 %, немцев – 27 %. Среди нерусского населения обл. считают родным русский язык около 50 % жителей. В целом по обл. 99,5 % населения свободно владеют русским языком. К др. наиболее распространенным языкам, которыми свободно владеют жители обл., относятся украинский и татарский.

Т.о., можно выделить следующие направления динамики в сфере этнической демографии Томской обл. В прошедший межпереписной период (с 1979 по 1989) общая численность населения возросла на 134,9 тыс. чел. Продолжается рост численности русского населения: 1970 – 705022 чел., 1979 – 772218, 1989 – 883767. Его доля в общем числе жителей обл. составляла в 1959 – 86,2 %, в 1970 – 89,1, в 1989 она снизилась до 88,2 %, что объясняется прежде всего низким уровнем естественного прироста. Например, в 1988 этот показатель у русских был 7,8; у украинцев – 9,1; у татар – 13,8 чел. на каждую тыс. населения.

Сокращение численности малых народов Севера – тревожная тенденция, особенно на фоне соседних обл. В настоящее время в обл. нет ни одного населённого пункта, где бы численно преобладали народности Севера, и только в 6 небольших селениях (в них проживает всего 180 чел.) селькупы и ханты составляют около половины населения (в 1959 таких населённых пунктов было 530, в 1989 их осталось 139). Численность народностей Севера с 1970 по 1989 уменьшилась на 26 %, а их доля в общей численности населения – почти в 2 раза: с 0,41 до 0,21 %. Для соотношения полов у народностей Севера характерно превышение числа женщин над числом мужчин, причём эта диспропорция

увеличилась с 3,2 % в 1970 до 6,2 в 1989. Еще одним тревожным моментом является уменьшение количества людей, считающих родным язык своей национальности, так, у хантов этот процент уменьшился с 22,2 в 1979 до 20,8 в 1989, у селькупов соответственно с 16,9 до 11,2.

Сопоставление темпов роста показывает, что наибольшими они оказались у представителей Ср. Азии и Казахстана. Так, численность туркмен возросла в 10 раз (прирост за период с 1979 составил 346 чел.), киргизов – в 9 раз (на 762), таджиков – в 6 раз (на 747), кабардинцев – в 5 раз (на 135), азербайджанцев – в 4 раза (на 2065), ингушей – в 4 раза (на 208), аварцев – в 4 раза (на 196), узбеков в 3 раза (на 2263), казахов в 3 раза (на 1344), армян в 2 раза (на 822). Одновременно здесь наблюдается тенденция к преобладанию мужского населения над женским, например у таджиков мужчины составляют 95, у узбеков – 86, у туркмен – 84, у азербайджанцев – 80, у грузин – 77.

Самыми высокими темпы роста оказались у каракалпаков, численность которых увеличилась в 62 раза (1979 – 1 чел., 1989 – 62 чел.) и крымских татар – в 44 раза (соответственно 1 и 44).

В то же время отмечается сокращение лиц следующих национальностей: латышей в 1970 – 1566, в 1979 – 1404, в 1989 – 1112 чел.; эстонцев соответственно 1379, 1054, 916; литовцев – 1083, 915, 956; евреев – 2387, 1897, 1506; хакасов – 1023, 910, 838; поляков – 2279, 1987, 1732. Интересно, что, несмотря на значительную миграцию, численность немцев остается достаточно стабильной: 1970 – 15317, 1979 – 15027, 1989 – 15541. Это объясняется избирательностью национального самоопределения в пользу данной нации.

Лит.: Демографическая характеристика населения отдельных национальностей в Томской области: Статистический сб. Томск, 1991. № 7, ч. 1. 230 с.; Численность и национальный состав населения Томской обл.: Статистический сб. Томск, 1990. № 1. 64 с.; Яшин И.М. Народы Севера в Томской обл. // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 1994. Вып. 1. С. 130-136.

Т.А. Гончарова.

Этнографические исследования и описания Сибири стали накапливаться значительно раньше, чем произошло становление этнографии – науки о народах (этносах).

Уже в 11 в. новгородские ушкуйники проложили дорогу в «Югру», располагавшуюся на В. от Печоры и отождествляемую с предками *хантов* (остяками) и манси (вогулами). К 15 в. на этнической карте Зауралья уже были хорошо различимы не только Югра, переместившаяся в р-н Нижнего Приобья, но и граничащая с ней на В. «Молгонзея», населённая юраками (ненцами), и «Сибирь», лежавшая по нижнему Тоболу и ср. Иртышу и включавшая в себя тюркоязычное население (лишь в 17 в. термин «Сибирь» был распространён на все р-ны Азии, включённые в Русское государство). К 15 – 16 вв. относятся перв. обобщения сведений о народах, заселявших Зауралье: русское безымянное «Сказание о человецах незнаемых в Восточной стране», где реальность причудливо переплелась со слухами и домыслами, и сочинение польского посла С. Герберштейна, интересное упоминанием о «густинцах», в которых некоторые исследователи увидели зуштинцев – одно из племён *томских татар*.

С кон. 16 в. началась эпопея присоединения Сибири к Русскому государству, породившая всплеск этнографической любознательности, особенно у ссыльных священнослужителей и шведских военнопленных. Вплоть до нач. 18 в. их народоописания, дополненные сведениями участников дипломатических миссий в Китай, оставались наиболее содержательным источником. Фиксируемую информацию отличают элементы систематизации и внимание к локальной специфике, поэтому она хорошо соотносима с территорией Томской обл.

«Описание новые земли, сиречь Сибирского ханства» и «История Сибири» священника Ю. Крижанича в качестве специфики края отмечают коренное население из остяков, русских и татар и преобладание на Ю. земледелия. Шведский капитан А. Доббин впервые ставит вопрос о языковой неоднородности остяков и делит их на 3 племени; он же характеризует жителей рр. Томи, Кети и Чулыма: калмыков, киргизов, татар и остяков. Сведения об остяках Нарымского кр. записывают в своих дневниках члены русского посольства И. Идес и А. Бранд, а о чулымских татарах – Л. Лянге. Священник Г. Новицкий составляет «Краткое

описание о народе остяцком» – перв., вопреки названию, обстоятельную работу о культуре хантов.

С 1720-х по сер. 19 в. осуществлялось целенаправленное изучение Сибири под патронажем государства. С этой целью снаряжались академические экспедиции, призванные вести комплексное исследование региона, включая и его обитателей. Не оказалась обойденной вниманием и территория Томской обл.

В материалах перв. академической экспедиции, начавшейся в 1720, содержатся ценные наблюдения о культуре нарымских остяков и лексике чулымских тюрков, принадлежащие перу руководителя Д.Г. Мессершмидта и привлечённого им к работе шведского военнопленного Ф.И. Табберта (Страленберга). Исключительно результативна втор. (или Великая) Сев. экспедиция (1733 – 1743). Её участник проф. Г.Ф. Миллер создал капитальный труд «История Сибири», освещающий процесс присоединения региона, в т.ч. Томского и Нарымского кр., к Русскому государству, и показывающий взаимоотношения местных племён с царской администрацией. И.Е. Фишер в «Сибирской истории» во многом повторил сказанное предшественником, но более заострил внимание на неоднородности остяков, по существу, выделив в них 3 различных народа: хантов, селькупов и кетов. Проф. И.Г. Гмелин запечатлел ценную информацию о *чулымцах*. Академическая экспедиция 1768 – 1774 имела результатом перв. фундаментальное научное «Описание всех обитающих в Российском государстве народов», составленное д-ром И.Г. Георги, опиравшимся на литературные данные и сведения др. участников экспедиции, например В. Зуева об остяках и самоедах. В работе характеризуются остяки от Нарыма до р. Томи, приводятся разнообразные сведения о томских, обских и чулымских татарах. Хозяйство русского населения Томского у. описано в «Записках» др. участника экспедиции – академика Фалька. Экспедиция, пришедшаяся на 1840-е, уже имела в своём составе этнографа-лингвиста проф. А. Кастрена, совершившего в 1845 – 1848 новое путешествие, включавшее и Томскую губ. Науч. разработки исследователя позволили этнически дифференцировать остяков кр.: население р. Васюгана учёный отнёс к «собственно

остякам» (хантам), а обитателей рр. Тыма, Кети, Парабели, Чаи и Чулыма – к «томским самоедам» (*селькупам*).

К сер. 19 в. относится организационное оформление российской этнографической науки в лоне географической: в 1845 открылось ИРГО с отд-нием этнографии, имевшее региональные отделы, в том числе и в Зап. Сибири. Методическая роль об-ва выразилась в подготовке периодических изданий, разработке специальных опросных анкет, рассылаемых на места, финансировании экспедиций, что ознаменовало переход к централизованному этнографическому краеведению. Среди томских краеведов с географическим об-вом активно сотрудничали *Григоровский Н.П.* и князь *Костров Н.А.* Внимание перв. было сосредоточено преимущественно на жизни русских старожилов Нарымского кр., втор. – на «инородцах»: остяках (хантах), остяко-самоедах (*селькупам*) и чулымцах (главным образом кызыльцах).

Рубеж 19 – 20 вв. отмечен экспедиционной работой среди остяков, включая и р. Васюган, и вогулов финских этнографов У.Т. Сирелиуса и К.Ф. Карьялайнена, собравших ценный материал по традиционному хозяйству, *традиционному декоративному искусству*, религиозным верованиям, в т.ч. *шаманизму*.

В перв. десятилетия 20 в. началось целенаправленное статистико-экономическое обследование сиб. аборигенов, осуществляемое ЦСУ СССР и Ком. по делам народов Севера. По заданию его Томского отд-ния к хантам р. Васюгана был командирован *Мягков И.М.* обстоятельную хозяйственную характеристику хантов, селькупов и *эвенков* бассейнов рр. Кети и Тыма составила Е.Н. Орлова, отметив также и некоторые черты традиционной культуры этих народов.

На 1920-е приходится открытие ТКМ, в деятельности которого одним из ведущих стало этнографическое направление. Активные экспедиционные изыскания его дир. *Шатилова М.Б.* и сотрудников Н.В. Бородкиной, П.Г. Иванова, И.М. Мягкова и др. охватили практически всю территорию Томской обл. и проживавших в ней *русских* и коренных народов, воплотились в музейных коллекциях и отразились на страницах начатого серийного

издания Тр. ТКМ. Своими содержательными этнографическими фондами интересен и Колпашевский филиал музея.

Сер. 20 в. отмечена качественным преобразованием – становлением в томских вузах науч. сибиреведения. Лингвисту *Дульзону А.П.* (ТГПУ) принадлежит гипотеза об автохтонности коренного населения Томской обл., древнейший ист. пласт в котором он связывал с предками кетов, переселившихся позднее в сев.-вост. направлении, а последующие – с предками селькупов и чулымских тюрков. Историк *З.Я. Бояршинова* (ТГУ) впервые дала развернутую социально-экономическую характеристику туземного и русского населения Томского у. в 17 в. Этническая география р-на представлена ею следующим образом: Нижнее Притомье населено томскими татарами, территория ниже по р. Оби – обскими татарами и селькупами, выше – чатскими татарами; верхнее и ср. течение р. Чулыма – чулымцами, мелессами, киргизами, этническая принадлежность которых неясна. В 1980-е *Н.Ф. Емельянов* исследовал аналогичным образом более широкую территорию Ср. Приобья.

Выделение этнографии в качестве самостоятельного науч. направления на ист.-фил. ф-те ТГУ связано с именем *Пелих Г.И.*, чья энергичная преподавательская, науч. и экспедиционная деятельность также началась в 1950-е. Маршруты полевых исследований *Г.И. Пелих* и руководимых ею студентов, в числе которых находились все будущие этнографы-профессионалы ТГУ, пролегли к русским, шорцам, татарам, хантам, селькупам. Объектом науч. внимания учёного стали селькупы. Местом формирования народа определена территория Томской обл., а в его культуре выявлены древнейшие зап.-сиб. элементы, параллели с переднеазиатскими древностями и черты сходства с традициями народов крайнего С.-В. Азии и Приамурья.

В 1970-е этнографическую эстафету на ф-те приняла *Львова Э.Л.* Её науч. изыскания установили тюркскую основу чулымцев, восходящую к т.н. «лесным народам» Саяно-Алтайского нагорья и наметили основные пути сложения народа. Этнографическую подготовку у *Э.Л. Львовой* прошли многие известные этнографы-сибиреведы: тюркологи *Сагалаев А.М.*, *И.В. Октябрьская*,

М.С. Усманова, а также И.Е. Максимова, воссоздавшая мировоззренческую систему эвенков р. Кети, и др.

Открытие в 1968 в ТГУ ПНИЛИАЭС свидетельствовало об укреплении здесь этнографической дисциплины. Перв. этнографы лаборатории создали ценнейшую источниковую базу и возвели на ней фундаментальный каркас науч. построений. *Лукина Н.В.* на широком сравнительно-ист. фоне выявила культурную специфику вост. группы хантов, отметив большую роль в их традициях архаических сиб. черт и связи с Саяно-Алтаем. *Кулемзин В.М.*, исследовав мировоззрение хантов, подошел к вещи как к мерилу человека и об-ва, раскрыв её роль в общении человека с окружающей социальной и природной средой. *Томилов Н.А.* дал развёрнутую культурно-хозяйственную характеристику томских татар в ист. перспективе и с элементами сравнительного анализа, что позволило провести параллели с широким кругом народов.

Различна тематика исследований учеников Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзина: П.Е. Бардина вскрыла в жизненном укладе русского населения Томской обл. древнейшие общерусские черты и элементы, обусловленные спецификой переселенцев; Н.А. Тучкова определила мировоззренческие и бытовые координаты обжитого пространства нарымских селькупов; О.М. Рындина обобщила материалы по традиционному декоративному искусству зап.-сиб. народов. Этносы Томской обл. неоднократно привлекали к себе внимание ведущих этнографов страны: Б.О. Долгих, З.П. Соколову, В.И. Васильева, И.Н. Гемуева и др., однако решающий вклад в их изучение внесли этнографы-томичи.

Лит.: Алексеев М.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1, ч. 1. 362 с.; То же. 1936. Ч. 2. 152 с.; Анучин Д.Н. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака. М., 1890. 98 с.; Белковец Л.П. Сведения И.Г. Гмелина о народах Сибири // Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск, 1980. С. 34-36; Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и учёных XVIII в. Иркутск, 1968. 247 с.; Костров Н. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. СПб., 1879. 17 с.; Кулемзин В.М., Рындина О.М. Сектор этнографии: итоги пройденного пути // ИИС: К 30-летию лаборатории. Томск, 1998. С. 8-16.; Титов А. Сибирь в XVII в.: Сб. старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях. М., 1890. 216 с.

О.М. Рындина.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

- Адрианов Александр Васильевич 5
Алдыган, комплекс археологических памятников 7
Андроновская культурная общность 10
Антропологические исследования 11
Антропологические типы 14
Археологическое исследование Томской обл., история 16
Археология 23
- Барклай, курганный могильник 26
Басандайская культура 28
Бедеревский Бор, комплекс археологических памятников 31
Беккер Эрика Генриховна 32
Блинова Ольга Иосифовна 33
Большереченская культура 34
Бронзовый век 36
Бронзы эпоха 36
Быконя Валентина Викторовна 40
- Верхнеобская культура 41
Вожпайская культура 43
Вожпайского типа керамика 43
- Гребенчато-ямочной керамики культурно-историческая общность 45
Григоровский Николай Петрович 48
Грязнов Михаил Петрович 49
- Дрёмов Владимир Анатольевич 50
Дульзон Андрей Петрович 51
- Еловская культура 52
Еловский комплекс археологических памятников 55
Енисейских кыргызов культура 58
- Железный век 60
- Игрековский Остров-1, стоянка 60
Ирменская культура 61
История археологического исследования Томской обл. 63
- Календарная обрядность 63
Калмакский курганный могильник 66
Каменный век 67

Камня эпоха 67
Карбинское-1 городище 67
Ким Александра Аркадьевна 69
Ким Аркадий Романович 69
Кирюшин Юрий Федорович 70
Косарев Михаил Федорович 71
Костров Николай Алексеевич 72
Кузнецов Степан (Стефан) Кирович 76
Кузнецов-Красноярский Иннокентий Петрович 73
Кулайская культура 78
Кулайское культовое место 81
Кулемзин Владислав Михайлович 83
Культурно-историческая общность гребенчато-ямочной керамики 83
Курганный могильник у устья Малой Киргизки 84
Кустовский комплекс археологических памятников 84
Кутафьев Пётр Иванович 86

Лингвистическая характеристика 87
Лукина Надежда Васильевна 92
Лукьяновский Бор, комплекс археологических памятников 92
Львова Элеонора Львовна 93

Малгет, комплекс археологических памятников 94
Матющенко Владимир Иванович 95
Мигалка, грунтовый могильник 97
Могочинская палеолитическая стоянка 98
Молчановская культура 99
Мягков Иван Михайлович 101

Неолит 102
Новокусовская стоянка-1 104

Осипова Ольга Андреевна 105

Палеолит 106
Пелих Галина Ивановна 108
Пеняев Евгений Михайлович 109
Плетнёва Людмила Михайловна 109

Раннего железа эпоха 111
Рёлка, курганный могильник 114
Рёлкинская культура 115
Розов Николай Сергеевич 118
Русские 119

- Савинский курганный могильник 124
Сагалаев Андрей Маркович 125
Самусь-4, поселение 126
Самусьская культура 127
Самусьский могильник 129
Саровское культовое место. Саровское городище 130
Селькупы 132
Синяев Виталий Степанович 137
Современные этнические процессы 138
Средневековье 142
Средневековье позднее 150
Средневековье развитое 144
Средневековье раннее 142
Среднечулымский вариант культуры енисейских кыргызов 155
Сросткинская культура 155
Старое Мусульманское Кладбище, могильник 158
Степановский комплекс археологических памятников 158
- Тимирязевский-1 курганный могильник 160
Тискинский комплекс археологических памятников 161
Томилов Николай Аркадьевич 163
Томская палеолитическая стоянка 164
Томские татары 165
Томский кремль 170
Томский могильник 173
Тоянов Городок, курганный могильник 174
Традиционное декоративное искусство 175
Традиционное мировоззрение 180
Тух-Эмтор-4, поселение 182
- Ураев Рафаил Амирович 184
Усть-Киндинское захоронение 184
Усть-Малокиргизский курганный могильник 185
Усть-Малокиргизский ритуальный комплекс 186
- Ханты 187
- Чекист, поселение 193
Чиндина Людмила Александровна 194
Чулымцы 196
- Шаманизм 202
Шатилов Михаил Бонифатьевич 208

Шеломок-2, поселение 210
Шеломокская культура 210

Эвенки 212
Энеолит 218
Эпоха бронзы 220
Эпоха камня 220
Эпоха раннего железа 220
Эпоха средневековья 220
Этническая история 220
Этническая экология 226
Этничный состав 231
Этнографические исследования и описания 235

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- авг. – август
автореф. – автореферат
АО – Археологические открытия
апр. – апрель
в т.ч. – в том числе
в. – век
В. – восток
вв. – века
вед. – ведущий
вест. – вестник
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
вост. – восточный
вр. – временно
втор. – второй
выс. – высота
г. – год, город
га – гектар
гг. – годы
глуб. – глубина
гос. – государственный
губ. – губерния, губернский
д. – деревня
диам. – диаметр
дир. – директор
дис. – диссертация
докт. – докторская
д-р – доктор
др. – другой, другие
ед. – единица
З. – запад
зав. – заведующий
зам. – заместитель
зап. – записки, западный
засл. – заслуженный
изв. – известия
ИИС – Из истории Сибири
Имп. – Император, Императорское
ин-т – институт
ИРГО – Императорское Русское географическое общество
исслед. – исследовательский
ист. – история
ист.-фил. – историко-филологический

канд. – кандидатская, кандидат
каф. – кафедра
км – километр
ком. – комитет
кон. – конец
ЛГУ – Ленинградский государственный университет
лев. – левый
лит. – литература
м – метр
МАЭС – Музей археологии и этнографии Сибири
МГУ – Московский государственный университет
мед. – медицинский
мл. – младший
мош. – мощность
н.э. – наша эра
науч. – научный
нач. – начало, начальник
НИИ – научно-исследовательский институт
нояб. – ноябрь
об-во – общество
обл. – область
обл. ц. – областной центр
о-в – остров
оз. – озеро
окт. – октябрь
отд-ние – отделение
пед. – педагогический
перв. – первый
площ. – площадь
ПНИЛИАЭС – Проблемная научно-исследовательская лаборатория истории, археологии и этнографии Сибири
пол. – половина
пос. – посёлок
посл. – последний
пр. – прочее
прав. – правый
проф. – профессор
р. – река, родился
р.ц. – районный центр
РАЕН – Российская академия естественных наук
разм. – размер
р-н – район
рч. – речка
С. – север

с. – село
С.-В. – северо-восток
С.-З. – северо-запад
С.-С.-В. – северо-северо-восток
С.-С.-З. – северо-северо-запад
СА – Советская археология
сб. – сборник
сев. – северный
сер. – середина, серия
сиб. – сибирский
см. – смотри
СО – Сибирское отделение
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук
соавт. – соавтор, соавторство
сов. – советский
совр. – современный
сотр. – сотрудник
соч. – сочинения
ср. – средний
ст. – старший, статья
т. – том
т.е. – то есть
т.н. – так называемый
т.о. – таким образом
т.п. – тому подобное
ТГОИАМ – Томский государственный объединённый историко-архитектурный музей
ТГПИ – Томский государственный педагогический институт
ТГПУ – Томский государственный педагогический университет
ТГУ – Томский государственный университет
ТКМ – Томский краевой музей
ТОКМ – Томский областной краеведческий музей
тр. – труды
тыс. – тысяча, тысячелетие
у. – уезд
ул. – улица
ун-т – университет
учён. зап. – учёные записки
февр. – февраль
физ.-мат. – физико-математический
фил. – филологический
ф-т. – факультет
центр. – центральный
чел. – человек

четв. – четверть
чл.-корр. – член-корреспондент
шир. – ширина
экз. – экземпляр
Ю. – юг
Ю.-В. – юго-восток
Ю.-З. – юго-запад
Ю.-Ю.-В. – юго-юго-восток
Ю.-Ю.-З. – юго-юго-запад
юж. – южный
январ. – январь

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Амельянчик Нина Александровна – член Союза журналистов России, краевед.

Бардина Прасковия Елизвовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Музея г. Северска.

Беликова Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Березовская Наталья Владимировна – главный специалист-археолог Центра по охране и использованию памятников истории и культуры администрации Томской области.

Блинова Ольга Иосифовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка ТГУ, академик Международной Академии наук Высшей школы.

Боброва Анна Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Бондаренко Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ТГУ.

Быконя Валентина Викторовна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкого языка ТГПУ.

Васильев Евгений Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

Галкина Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, директор музея истории ТГПУ.

Гончарова Татьяна Александровна – ассистент кафедры всеобщей истории ТГПУ.

Дмитриенко Надежда Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Есипова Валерия Анатольевна – кандидат исторических наук, заведующая сектором хранения и изучения фонда отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки ТГУ.

Ким Александра Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики ТГПУ, директор Института иностранных языков при ТГПУ.

Кулемзин Владислав Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

Литвинов Александр Валерьевич – младший научный сотрудник кафедры современной отечественной истории ТГУ.

Львова Элеонора Львовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории дооктябрьского периода ТГУ.

Максимова Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

Мец Фридрих Иосифович – научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Нам Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры современной отечественной истории ТГУ.

Наумова Наталья Ивановна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории и документоведения ТГУ.

Ожередов Юрий Иванович – заведующий Музеем археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Петров Константин Валерьевич – студент исторического факультета ТГУ.

Плетнёва Людмила Михайловна – доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе Музея г. Северска.

Разумов Олег Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и документоведения ТГУ.

Рассамахин Юрий Кузьмич – научный сотрудник экспозиционного отдела ТОКМ.

Рыкун Марина Петровна – младший научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Рындина Ольга Михайловна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Проблемной научно-исследовательской лаборатории истории, археологии и этнографии Сибири ТГУ.

Сафиуллина Елена Шаукатовна – редактор международного канала Государственной телерадиокомпании «Томск».

Топчий Анатолий Тихонович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ТГУ.

Тучкова Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник экспозиционного отдела ТОКМ.

Фоминих Сергей Фёдорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой современной отечественной истории ТГУ.

Чёрная Мария Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

Чиндина Людмила Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ.

Яковлев Яков Александрович – старший научный сотрудник отдела археологии Томского областного краеведческого музея.

Научное издание
Народы и культуры
Томско-Нарымского Приобья
Материалы к энциклопедии Томской области

Редактор *Т.В. Зелёва*
Компьютерная вёрстка *О.Б. Беликовой*

Лицензия ИД 04617 от 24.04.2001 г. Подписано в печать
25.06.2001 г. Формат 60x84¹/₁₆

Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная.

Печ. л. 15,75. Усл.-печ. л. 14,6. Уч.-изд. л. 14,8.

Тираж 300 экз. Заказ № 123

Издательство ТГУ, 634029, Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Иван Фёдоров», Томск, Октябрьский взвоз, 1